

общественные

архитекторы.рф

пространств

МИНСТРОЙ
РОССИИ

STRELKA

ИНСТИТУТ

INSTITUTE

материал для чтения

общественные пространства

Сборник материалов
к курсу «Общественные
пространства»
образовательной программы
архитекторы.рф

Курс разработан Институтом
«Стрелка» в рамках
программы архитекторы.рф

Общественные пространства. Сборник учебных материалов
Издание подготовлено по заказу ДОМ.РФ

Перевод
с английского

Лебедева Надежда
Лагуткин Петр
Эбралидзе Лиля
Казакова Анастасия
Морозов Алексей
Воробьев Дмитрий
Сафонов Никита

Редакторы

Бутузова Ксения
Николаева Полина
Бакал Лада

Дизайн

Иванова Ирина

Верстка

Лочинов Ильяс

Корректор

Крючкова Светлана

Выпускающий редактор

Рудин Михаил

Координатор проекта

Коган Наталья

Настоящее издание имеет учебный характер. Распространяется бесплатно среди участников образовательной программы и не предназначено для продажи. Мы предприняли все необходимые усилия, чтобы получить согласие авторов на использование материалов, воспроизводимых в настоящем издании. Вместе с тем, если по каким-то причинам вы полагаете, что ваши права затронуты публикацией какого-то материала, включенного в сборник, просим связаться с нами для урегулирования этого вопроса book@strelka.com

© Aileen Shackell
© Commission for Architecture and
the Built Environment
© David Ball
© Department for Digital, Culture,
Media & Sport (DCMS)
© Department of the Environment,
Transport and the Regions
© John Wiley and Sons

© Nicola Butler
© Phil Doyle
© Rizzoli
© Strelka Press
© Thomas Telford Limited
© United Nations Human Settlements
Programme (UN-Habitat)
© Whole Building Design Guide
© World Resources Institute

содержание

ценности

1 раздел

статьи	На площади	11
	Ценность и добавленная стоимость дизайна городской среды	53

принципы

2 раздел

статьи	Принципы проектирования общественных пространств	83
	Глобальный инструментарий создания общественных пространств	100
	Типологические и морфологические элементы городского пространства	110

безопасность

3 раздел

статьи

Эффективное планирование безопасности объекта	129
Проектирование безопасных городов	140

дети

4 раздел

статьи

Проектируя игру: руководство по созданию хороших детских площадок	153
---	-----

Представляем вашему вниманию сборник дополнительных материалов, посвященных теме общественных пространств. Он является дополнением к лекциям и статьям онлайн-курса «Общественные пространства» и позволяет углубить свои знания в вопросах проектирования и обустройства общественных пространств, а также изучения эффектов от их создания.

Сборник может использоваться как справочник для студентов и специалистов. Материалы сборника также использованы при подготовке теста, который проходят слушатели программы.

Архитекторы.рф — это бесплатная лидерская образовательная программа для практикующих архитекторов, госслужащих, курирующих вопросы градостроительства, благоустройства и экономического развития, а также специалистов смежных областей.

Участниками программы могут стать как студенты старших курсов, так и профессионалы желающие развиваться. Программа разработана Институтом медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» в стратегическом партнерстве с ДОМ.РФ при поддержке Минстроя России.

Качество архитектурных и градостроительных проектов, эффективность принимаемых стратегических решений, комплексность работы по развитию городской среды и, в конечном итоге, доверие граждан и привлекательность страны сегодня как никогда зависят от подготовленности и мотивации специалистов. Программа Архитекторы.рф сфокусирована на раскрытии личного и профессионального потенциала каждого участника.

Задачей проекта является раскрытие потенциала городов через раскрытие потенциала специалистов нового типа и запуск механизма конкуренции городов за таких людей.

ценности

На площади

ВВЕДЕНИЕ

Представьте широкий простор большой центральной площади: вы стоите посередине, ветер безжалостно бьет в лицо. Вокруг гигантские здания из гранита и бетона, построенные строго по центрально-осевому плану. И располагаются в них, скорее всего, правительственные учреждения. Возможно, вас даже разглядывает скучающий оператор системы видеонаблюдения, греющий руки о кружку с кофе в кабинете где-то поблизости, но вы-то знаете, что лет двадцать с небольшим назад за вами могли следить настоящие агенты спецслужб. От этого пробирает мороз по коже, особенно если вам нравятся шпионские истории. На самой площади наблюдается какое-то движение — служащие курят под навесами в обеденный перерыв, нищие просят милостыню, вокруг ларьков царит суета. А если вы в Восточной Германии или в бывшем Советском Союзе, то компанию вам составит еще и неодушевленный предмет — статуя Маркса или Ленина может просто стоять, а может сурово указывать на вас, порицая за тунеядство. В других странах акценту расставляют более традиционными методами: коринфской колонной или памятником правителю, усатому генералу. Ощущение огромного неиспользованного пространства тем не менее остается; отсюда и ветер, пронизывающие порывы которого рано или поздно вынудят вас укрыться в помещении. Нет, сама по себе площадь, конечно, представляет интерес как трехмерный пережиток ушедшей эпохи, как музейная реликвия. Однако это представление ошибочно — научиться чему-нибудь в таком музее получится едва ли.

В современном урбанизме широкий простор большой площади воспринимается как нечто безвозвратно устаревшее. Даже осмотр предметов данного исследования, таких как Александерплац в Берлине, варшавская площадь Дефилад или площадь Рынок в Катовице, у большинства современных планировщиков вызвал бы в первую очередь отвращение, а потом уж мысли о том, как эти пространства облагородить. Что делать с этим кошмаром? Решение такой проблемы может объединить традиционалистов и авангардистов. Какую из указанных площадей ни возьми, каждая могла бы послужить для них примером наихудшего воплощения классического осевого принципа — формальной композиции, где все на своих местах и не допускается никаких

случайностей или отклонений вроде модернистского объекта в пространстве (сегодня этот принцип подвергается критике, но все равно часто используется в других контекстах). Цель же и у тех и у других одна: обозначить границы, выстроить перспективу, показать пару дешевых трюков с масштабом и восприятием. Ни один проектировщик, будь он из «новых урбанистов» (движение почитателей канонов XVIII столетия, финансируемое компанией Disney) или заикленный на понятии «пьяцца» урбанист современного высокотехнологического направления, не захочет иметь ничего общего с таким гигантским, порожденным авторитарной системой монстром. Чем же обусловлено такое отторжение — исключительно эстетическим неприятием или здесь видна политическая подоплека? Может статься, в необъяснимой бесполезности такого пространства кроется некий тайный потенциал? А может, эти пустые пространства на самом деле удачно подходят для общественных выступлений и волеизъявлений?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно выяснить, что это за пространства и какие объекты на них размещаются. Возьмем, к примеру, модернистское пространство из тех, что никак не заподозришь в каких-либо непосредственных связях с советской эстетикой: Культурфорум в бывшем Западном Берлине. Имеем: архитектурные произведения детальнейшей проработки. Новая национальная галерея (архитектор — Мис ван дер Роэ) — сдержанная, тщательно выверенная классика модернизма. Разнообразие цоколей, платформ и колонн здесь будто создано для поклонения, благодаря цоколю здание заметно возвышается над своим окружением; стоящая в самом широком смысле особняком неоготическая церковь, сдержанно модернистское здание кафе и смотрящие на него постройки, спроектированные под руководством Ганса Шаруна: Филармония, Концертный зал камерной музыки и Государственная библиотека. Нарочитые, захватывающие внимание экспрессионистские здания Шаруна расположены на краю территории, неопределенный характер которой подчеркивает архитектурную зрелищность, но не дает воспринимать ее как общественное пространство. Гравийное покрытие усиливает ощущение неясности и временности. И только престиж самих зданий да имена великих модернистов Веймарской республики не позволили проектировщикам застроить это пространство жилыми домами, торговыми центрами и киосками. В таком нетронутым виде Культурфорум остается одним из последних мест современного города, где можно ощутить порыв бодрящего воздуха, присутствие которого подразумевало модернистское городское планирование.

Блестящую пустоту, холодность и параноидальность нового типа пространств горячо романтизировал в своей композиции «Plaza» (1980) британский пионер электроники Джон Фокс: «На площади / мы медленно танцуем, подсвеченные словно фотографии в лайт-боксах... / А напротив в лаундже проводят семинары... / На эскалаторе вниз, там вид на море. / За матовым стеклом никто тебя не видит... / Мне знакомо твое лицо. / Я видел его в осколках лобового стекла». Песня проникает в самую суть того, почему площадь, и в частности Культурфорум, может вызывать такой интерес и так отличаться от безликой тесноты современной городской планировки. Это парадоксальная намеренная инаковость пространства, ощущение его бесполезности и откровенного формализма, его беззастенчивая мрачность. Культурфорум когда-то прилегал к настоящему пустырю — полосе отчуждения, мертвой зоне, где погра-

ничники открывали огонь по людям, пытавшимся бежать из Восточной Германии. Чтобы проследить такой подход к городскому пространству в развитии, нужно лишь пройти до выросшей на месте полосы отчуждения Потсдамерплац.

Потсдамерплац — небезынтересная сама по себе градостроительная ошибка — является попыткой воскресить свойственную столичному Берлину «культуру уплотнения» периода между двумя мировыми войнами, воссоздать шумный перекресток торговых и транспортных путей (здесь были установлены первые в Германии светофоры) на месте, где до 1989 года был продуваемый всеми ветрами пустырь. Здания, в особенности постройка Ханса Коллхоффа, представляют собой тщательно выверенные дорогостоящие интерпретации экспрессионизма времен Веймарской республики, в то время как построенные вокруг торговые центры и кинотеатры работают на привлечение публики, создание суматохи, не дают пространству пустовать. Потсдамерплац изо всех сил старается создать видимость движения, активности, разнообразия функций, что лишь усугубляет ощущение неизбывной холодности. Разница между вымученной столичностью Потсдамерплац и тишью Культурфорума потрясающая; однако причины этих различий куда глубже и сложнее, нежели может показаться на первый взгляд.

Здесь уместной будет краткая предыстория рассматриваемых пространств. Онтологически послевоенная площадь восходит прежде всего к градостроительным традициям прусского военного государства и панъевропейскому прагматизму императорского Санкт-Петербурга; от таких корней, впрочем, принято отрекаться. Не будем забывать, что последний был эдаким Дубаем XVIII столетия — невероятный проект на неосвоенных территориях в малопригодном для жизни климате, возведенный рабским трудом и волей абсолютного монарха. Его самые известные архитекторы — Растрелли, Росси и прочие — были иностранными звездами. Когда эти итальянцы приехали застраивать ядовитое смертоносное болото на Финском заливе, они взяли формальные приемы классицизма и барокко и расширили их до невиданных ранее пределов. Итальянским и французским городам еще нужно было избавиться от средневековой сутолоки, чтобы соответствовать математически выверенным предписаниям градостроителей. И в Москве раздолье Красной площади упирается в безотрадную путаницу средневековых улочек. В Петербурге таких помех не было. Соответственно, отличительной особенностью города стал Невский проспект, широта и простор которого поражают до сих пор. Проспект ведет к Дворцовой площади, чей размер и ровный рельеф производит не менее грандиозное впечатление. Как будто в самом сердце города решено было воссоздать необъятное пространство, его окружавшее. И здание Главного штаба Карла Росси, и его колоссальная арка, сквозь которую открывается парадный вид на Зимний дворец, — все это невероятных размеров. И далее до горизонта простираются здания почти одинаковой высоты, и возвышаются лишь самые достойные: золотой купол Исаакиевского собора да суровый шпиль Адмиралтейства — прямой предок тысячи сталинских высотных зданий, взметнувшихся два столетия спустя.

Это, по крайней мере в теории, и есть авторитарное градостроительство. Введите «Невский проспект» в Google Images, и почти наверняка вам попадет фотография «Июль 1917», когда Временное правительство открыло огонь по рабочей демонстрации. Люди разбегаются по непомерно широкой улице, не имея возможности ни защититься, ни

укрыться в переулке, ни построить баррикаду. Однако когда спустя три месяца те же рабочие организовали военно-революционный комитет, они осознанно обратили осевой план города против него самого, направив толпу по проспекту к Зимнему дворцу. За последующие несколько лет Дворцовая площадь, центр Коммунистического Интернационала, стала очагом беспрецедентных уличных акций, на которых рабочие Петрограда праздновали обретенную ими власть. Футуристы украшали все те же колонны и бюрократические кварталы архитектурными элементами, которые исчезали сразу по окончании праздника. Интересно, что более позднее коммунистическое руководство сменило эту новую форму ситуативного градостроительства ретроградной, беззастенчиво копируя старую Петербург.

В Восточном Берлине, Варшаве, Киеве, в десятках других городов, расположенных восточнее Эльбы, от Свердловска до Белграда в той или иной форме неизменно воспроизводятся характерные черты Петербурга: длинный широкий проспект и гигантская площадь — только больше, величественнее и эффектнее, чем прежде. У Берлина были свои предшественники, ведь прусское градостроительство было почти так же монументально и в той же степени обусловлено военными нуждами, как и проект, начатый Петром Великим. Наиболее очевидный пример совмещения парадного плаца и проспекта — это Унтер-ден-Линден; впрочем, по царским стандартам его размеры ничтожны. Куда более серьезное впечатление, нежели Унтер-ден-Линден и, если уж на то пошло, неловко разбросанные по пространству объекты Культурфорума, производит путь от Карл-Маркс-Алле к Александерплац. «Здесь начинается степь», — шутили берлинцы с недоброй ухмылкой. Это полюс восточноевропейского пространства, зажато между Пруссией и царской Россией, или позднее, что более ужасно, между сталинизмом и нацизмом.

Кто же тогда, кроме как из чисто извращенческих побуждений, захочет проводить время в таких местах и тем более искать им оправдания? По господствующим сегодня представлениям о градостроительстве проблема этих пространств заключается в том, что они суть порождения авторитарной власти — будь то кайзер, царь или генеральный секретарь. В определенном смысле так оно и есть. Это продукт предельной централизации, осевой стержень городских и архитектурных ансамблей, очевидное предназначение которого — внушать уважение к власти. Пространства эти спроектированы специально для массовых действий, для развевающихся знамен, для синхронных движений марширующих тел. Не стоит, однако, забывать, сколько эти представления позаимствовали у акций революционных рабочих движений — позднейшие «социалистические» режимы в точности следовали если не духу, то букве ранних экспериментов на Дворцовой площади в Петрограде. Кроме того, в условиях капитализма нужно тщательно взвешивать свои желания. Децентрализация, дезурбанизм, отход от образцово-показательных авторитарных городских пространств практикуется здесь уже многие десятилетия. Однако в результате в окраинных промзонах и в полностью нематериальной компьютерной сети власти скапливается столько же, если не больше, чем на центральной площади. Это не означает, что у площади не осталось политической власти. Совсем наоборот.

Перепланировка крупнейших городских площадей наводит на мысль о том, что устранение открытых пространств имеет подоплеку полити-

ческого характера. Готовая вместить толпы, Александерплац, невзирая на свое «вертикальное» происхождение, стала местом, где под давлением массовых протестов пал режим Хонеккера. Как будто условный народ, единство которого изображали организованные действия, внезапно ожил к вящему ужасу руководства. За последние двадцать лет было представлено несколько проектов перепланировки Александерплац, цель которых заключалась в решении проблемы пустого, якобы неиспользуемого и непригодного к использованию (а точнее — к извлечению прибыли) пространства. В рамках одного из них архитектору Потсдамерплац Хансу Коллхоффу заказали проект заполняющих пустоты небоскребов. Официально от этого плана так и не отказались, однако в реальности с задачей уже справились довольно неуклюжие архитектурные наросты, лишённые благопристойного формализма Коллхоффа. Футуристический фасад универмага времен ГДР заложили песчаником, а вокруг в произвольном порядке выстроили из кирпича торговые помещения в неопрусском стиле: классицистский китч рядом с китчем космической эры. Все ради того, чтобы место стало бойким, чтобы здесь продавали и потребляли, а не занимались непроизводительным, а то и политически опасным праздношатанием.

Еще более четко и наглядно эти тенденции проявились в реконструкции Майдана Незалежности в столице Украины, городе Киеве. Прежде чем в названии площади появилось пришедшее в украинский из персидского и обозначающее в обоих языках место всеобщего сбора слово «майдан», площадь эта была известна как Советская, Калинина и Октябрьской Революции. Площадь помещается на пологом холме (природный рельеф Киева так разнообразен, что город здесь как будто даже не совсем уместен), на котором расположилась гостиница «Москва». Задуманная как необарочная разлапистая высотка по образцу построенных Львом Рудневым зданий Московского университета и Дворца культуры и науки в Варшаве, достраивалась гостиница уже по упрощенному проекту. Получилась довольно странная, облезлая сталинская высотка — гигантизм и осевая симметрия остались, а вот орнамент и шпиль ушли. На другой стороне выстроился ряд башенок, в которых тоже чувствуется отход от высокобюджетной сталинской роскоши в сторону чего-то более скромного. Все это осталось на месте, кроме одного обязательного элемента — памятника Ленину. Эта типичная, хоть и не по всем правилам сталинского ампира исполненная площадь, на которую выходит обязательный широченный проспект — Крещатик, — стала в 2000 году центром массовых выступлений. Акции «Украина без Кучмы» были направлены против местного популиста, занимавшего президентский пост со времени обретения независимости. Демонстрантам помешала спешно начавшаяся реконструкция, вследствие которой площадь стала практически непригодной для выступлений.

Результатом, а скорее, побочным продуктом такого политического решения, стал подземный торговый центр «Глобус», который президент Кучма торжественно открыл в 2001 году. Его зеркальные купола выходят на поверхность площади там, где раньше били фонтаны и стояли скамейки. Продолжением этих куполов перед гостиницей «Москва» (переименованной конечно же в «Україну») вровень с ней по высоте выросла еще более крупная конструкция, по краям которой расположились плакаты Православной церкви. Но и это еще не все. Основной акцент после реконструкции взяли на себя необарочные архитектурные излишества, стоящие на оси Растрелли — Руднев — Вегас. Эти конструк-

ции из стекловолокна и золота — коринфские колонны, триумфальные арки — являются примером ни с чем не сравнимого, но мало изученного новосталинского стиля, получившего чрезвычайно широкое распространение к востоку от Польши. Снимите с пьедестала казака или Мать Украину и поставьте туда Рабочего или Родину-мать, и в результате получится ровно та конструкция, которую поставили бы здесь пятьдесят лет назад. Как и в случае с Александерплац, по официальной версии, пространство решено было сделать более праздничным, нарядным, менее унылым и пустым, однако очевидна была и реальная цель — помешать протестным выступлениям на открытом просторе площади. Тем не менее зимой 2004 года в оставшиеся пространства застроенной площади каким-то образом втиснулся палаточный городок, и Майдан Незалежности стал местом «оранжевой революции», скинувшей уличенного в подтасовке итогов голосования преемника Кучмы, а ныне свободно избранного президента Украины Виктора Януковича. Здесь по-прежнему проходят протестные выступления, хотя демонстрации на самой площади были запрещены вскоре после переизбрания Януковича. Попытки снизить возможности площади как места политического волеизъявления провалились по крайней мере на определенном этапе; у властей, однако, остается надежда, что рано или поздно все больше народу будет приходить сюда за покупками — и все меньше на митинги.

Весьма показательным представляется тот факт, что центром величайшей из революций последних десятилетий — восстания египетского народа, свергнувшего Хосни Мубарака, и последующих демонстраций, до сих пор постоянно заполняющих площадь, — стала каирская Мидан-ат-Тахрир. Эта площадь Освобождения, большей частью построенная еще при Насере, являет собой классический пример советского планирования в стиле социалистического реализма. Более того, самое заметное, зиккуратоподобное здание правительства — Могамма — подарок Советского Союза. Именно громадный размер и незаполненность площади, а также непосредственная близость к подлинному сосредоточию власти позволили использовать ее для восстания, дали людям возможность употребить ее для собственных целей. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что события эти стали источником устойчивого заблуждения, что любую площадь можно превратить в площадь Тахрир, однако сравнение с менее централизованными городами наглядно демонстрирует, насколько важную роль сыграло конкретно это общественное пространство. Когда волна выступлений прошла по арабскому миру, стало вполне очевидно, насколько советский центризм, позволивший занимать главную площадь Каира столь продолжительное время, удобнее для подобных целей, чем не имеющая ни четкого плана, ни центра агломерация, к примеру — Бахрейн. И когда мы хулим пустые пространства, не стоит забывать, что такая пустота часто мозолит глаза власти и капиталу и что симуляция веселой потребительской суеты не многим лучше неподвижного монументализма режима.

Настоящий текст является частью более обширной работы, озаглавленной «Реальный урбанизм». Это подробный географический справочник по советскому и постсоветскому урбанизму, по городам, которые, в отсутствие более подходящего определения, можно обозначить как «посткоммунистические». Книга рассматривает бывший Советский Союз и примыкающую к нему с запада «буферную зону». В названии, которое кому-то покажется странным, обозначена непрерывная связь

не только между странами, которые более не видят себя частью (принудительного) «социалистического лагеря», но и между когда-то общим для всех идеологическим строем и системой, сложившейся теперь. С точки зрения географии это может показаться весьма сомнительным утверждением. И пусть когда-то эти страны входили в СЭВ, сегодня связи между ними ослаблены, особенно после вступления некоторых из них в Евросоюз. Калининград или Минск не дальше от Варшавы, чем Эдинбург или Ньюкасл от Лондона, однако границы между ними совсем не прозрачны. В политическом плане слияние этих территорий двадцать два года спустя после 1989 года едва ли кому-то покажется реалистичным, как и заявления государственных и бизнес-руководителей, что лишь «пережитки социалистической системы» тормозят их бодрый шаг в либеральное будущее. И все же есть в них что-то общее: это всепроникающее ощущение разрушенной реальности, остановившегося развития. «Развитой социализм» — понятие, введенное в обиход в конце 1970-х для описания сложившейся в Восточном блоке системы. Это был намеренно сдержанный термин, как будто противопоставлявший себя воображаемому социализму, в котором теоретически могло бы найтись место для демократических институтов и свободы слова. Он отчетливо давал понять, что с социалистической мечтой покончено, что на самом деле притязания системы на «социализм» в общепринятом понимании не стоило даже воспринимать всерьез. Система, сложившаяся после 1989 года, также насаждает «развитие», не терпящее инакомыслия; если раньше последней допустимой революцией был октябрь 1917-го, теперь последнее слово за ноябрем 1989-го.

В книге «Реальный урбанизм» я наношу на карту территорию, где пространство, называемое Марком Фишером «капиталистическим реализмом», встречается с пространствами, когда-то занимаемыми «социалистическим реализмом»; фиксирую влияния, оказанные на советские пространства двумя десятилетиями новой нормализации, а также предпринимаю попытку непредвзятого анализа этих демонизированных ландшафтов, в которых зачастую оказывается куда больше красоты и уродства, нежели принято полагать. Речь в книге идет о городах, какие они есть, а не какими нам хотелось бы их видеть. О намеренно деполитизированных пространствах, пропитанных жестоким неравенством, о строгих социальных разграничениях, гнетущей нищете и зачастую чудовищной архитектуре. Я рассматриваю один смысловой уровень за другим, неизбежно натываясь на пространственные и физические приметы того, что и здесь был когда-то выбор, а может стать, есть и теперь. Представленная здесь часть этой работы, «На площади», посвящена местам, где в результате успешной социалистической революции родилась советская система. Местам, которые впоследствии стали ритуальными пространствами, где режимы, называвшие себя социалистическими, демонстрировали свою мощь, где в свой черед эти, а иногда и наследовавшие им режимы были низвергнуты и где по-прежнему есть потенциал для формирования чего-то нового.

Все эти невероятные просторы, на которые с непостижимой сегодня расточительностью переведено было столько потенциально прибыльной земли, не являются капиталистическими. Но и социалистическими их назовешь не всегда. Петр Великий, если судить по Невскому проспекту и Дворцовой площади, едва ли утруждал себя рассуждениями о рыночной целесообразности, производственных отношениях или необходимости принимать в расчет интересы землевладельцев, бирже-

виков или хозяев предприятий. Коммунистом он, конечно, не был. Как не были коммунистическими, в исходном смысле слова, и советские режимы, также пренебрегавшие подобными тонкостями. В то же время фантастическая атмосфера этих пространств обладает очарованием, далеким от хаотичного нагромождения капиталистического ландшафта. По сути, это попытка сконструировать пространство, руководствуясь скорее нуждами людей, нежели выгодой. И какими бы бесчеловечными ни казались итоги этой попытки, они дают нам возможность хотя бы приблизительно разглядеть, как могли бы выглядеть города, если бы деньги не играли определяющую роль. Результаты иногда внушают ужас и действуют как предостережение; однако многие пространства остаются неопределенными местами, допускающими различные толкования, с которыми не вполне понятно, что делать. Как со спорными территориями. Исследование этих территорий сопровождается также подробным географическим справочником по прочим элементам развитого урбанизма, как то: проспекты, здания, исторические реконструкции, постиндустриальные изменения, линия горизонта, сеть общественного транспорта, импровизационная и мемориальная составляющие. В конечном итоге должна сложиться фрагментарная, неоднородная картина фрагментарного, неоднородного ландшафта.

Каждая из описанных здесь площадей обладает специфическими свойствами, каждая является образцом определенной вариации на тему советской площади. Первая — Александерплац — архетипичная советская площадь постсталинского времени, модернистская по стилю и совершенно монументальная по исполнению — в последние годы активно перестраивается. Оттуда мы отправимся на бывшую площадь Дзержинского в украинском Харькове. Это первая спроектированная в СССР главная площадь, что представляет отличную возможность попробовать разобраться в первоначальных замыслах и намерениях новой власти. Затем следует Дефилад в Варшаве — своего рода неудавшаяся площадь: в теории — крупнейшая площадь в ЕС, на деле — полуразвалившаяся парковка. Далее — бывшая площадь Революции в Любляне, представляющая внеблоковый социалистический урбанизм, затем следует попытка создания эдакого *Gemeinschaft* (сообщества) в небольшом городке Лодзь; а также как будто застывшая в ожидании чего-то площадь посреди обширного Силезского индустриального района. Темная сторона представлена неуклонно ослабляемой и лишаемой самобытности площадью в Киеве и тем местом в Москве, что после бравых усилий по оптимизации дорожного движения ощущается как невнятный довесок магистрали. Закончим мы на Потсдамерплац, которая сменила акценты и сам принцип устройства площади и создавалась с очевидным намерением дистанцироваться от Александерплац и ей подобных. Исследование показывает площадь во всей ее архитектурной и общественной многозначности. Все перечисленные пространства роднят размер и социалистическое происхождение, однако весьма заметные различия в структуре и не менее значимые — в истории наводят на мысль, что мы сильно поспешили махнуть на них рукой.

Поскольку осваивать эту территорию я пришел с северо-запада Европы — родины «нормальности» и того самого либерализма, — настоящий текст представляет точку зрения совершенно и непоправимо стороннего наблюдателя. Я не говорю на языках, не могу прочитать даже вывеску, единственные доступные мне сведения черпаю в переводных источниках и без посторонней помощи способен лишь купить себе

выпивку и жетон на метро. И работа эта никогда не увидела бы свет без Агаты Рыжик, без ее участия, помощи с переводом, мнений и доводов. За это ей моя любовь и благодарность. Если же в тексте обнаружатся какие-либо ошибки или содержание заденет чьи-то чувства, то Агата за это не в ответе.

александерплац, берлин

Если и есть в Европе архетипическая советская площадь, это, вероятнее всего, Александерплац. Остальные претенденты являются скорее продолжением проспектов, нежели самостоятельными площадями, либо имеют дореволюционное происхождение (Красная площадь — самый очевидный пример). Начав с эталона, мы сможем проследить степень его родства с другими пространствами и определить, насколько последний пример отстоит от исходного.

Благодаря роману Альфреда Дёблина и телесериалу Фассбиндера «Берлин, Александерплац» площадь известнее своего физического прототипа. Притом что между образом и прототипом нет практически ничего общего. Пространство, о котором писал Дёблин в 1928 году, позднее было стерто с лица земли, а к 1980-му, когда Фассбиндер снимал свой сериал, изменилось настолько, что натурные съемки были просто немыслимы. На экране интерьеры обшарпанных съемных комнат в печально известных берлинских Mietskasernen (домах-казармах) перемежаются с выложенными плиткой станциями метро, где бродят агитаторы от фашистов и коммунистов, а на стенах висят палимпсесты политических плакатов. Неоновые вывески за окнами — это весь «Алекс», который мы видим, тем более поражает картина, созданная в отсутствие оригинала. Само название для английского уха определенного настроения звучит неизъяснимо романтично. И пусть ландшафт даже отдаленно не напоминает пространство, населенное героями Фассбиндера, звучание создает определенную цепочку мыслительных образов. Восточный Берлин. Стена. Холодная война. Пост-панк. Дэвид Боуи, втянув щеки, бродит где-то рядом в длинном пальто. Музыка — электронная, архитектура — модернизм, время года — зима.

Смех смехом, а ведь это все мои фантазии. Из всех пространств этой книги Александерплац было единственным, которое я посетил еще зеленым юнцом. До того я был в посткоммунистической Праге и Будапеште, но держался исключительно районов, сложившихся до Первой мировой войны, чей пряничный вид нарушали лишь редкие безумные вкрапления модернизма 1920-х и хай-тек 1970-х на поверхности да построенное тогда же метро под землей. Все это было, конечно, красиво, однако понять, что с тех пор здесь что-то произошло, можно было лишь по тому, насколько капиталистическим выглядело все вокруг: реклама на каждой поверхности, всюду порно и неизбывное ощущение «все на продажу». Кроме того, это было первое в моей жизни место, где все (будь то работники бара, прохожие или попрошайки), заслышав мой

британский английский, делали вывод, что я состоятельнее их. Я был на пособии или еще учился, но в те времена, возможно, я и в самом деле был настоящим богачом на их фоне.

Бюджетными авиалиниями я добрался до восточноберлинского аэропорта Шёнефельд, чьи стены из тонированного стекла готовили меня к главному, и там уже сел на поезд до Александерплац. В окне вагона прокручивался все еще покрытый шрамами город заводов, теплоэлектростанций, огромных и серых спальных районов; все это перемежалось мрачного вида станциями под арочными навесами из стекла и металла, названия которых не оставляли сомнений относительно местоположения: Осткройц. Остбанхов. На кассете, естественно, — берлинская трилогия Боуи, но скорее Heroes, нежели Low, запись более угрюмая и маниакальная, где сквозь пульсацию диско просвечивает тевтонско-турецкий звуковой пейзаж. Все, что я мог увидеть, было настолько совершенным, что я чувствовал себя почти как во сне. Такого я не ожидал. Я-то думал, что там все уже, конечно, причесали. Вот еще один похожий на декорации навес из стекла и бетона, и я выхожу.

Было очень холодно. Площадь — огромная. За станцией — телебашня; ничего выше я до тех пор не видал. Наколотый на пику фасеточный серебряный шар смотрелся невероятно футуристично. Окружавшие станцию здания были более прозаичными, но от того не менее интересными — серые с подтеками фасады, поделенные на ячейки настолько симметрично, что все это с трудом вписывалось в бытующие в Великобритании представления о модернизме. Заляпанные граффити, они производили даже больший эффект. Ни на что не похожие вращающиеся часы из советского будущего, увенчанные скульптурной моделью Солнечной системы, показывали все часовые пояса, начиная с Камчатки и Владивостока. Северную границу площади обозначало невероятно длинное офисное здание, украшенное выполненной гротесковым шрифтом надписью, в которой я потом уже признал цитату из романа «Берлин, Александерплац». А посредине был простор, ничего подобного я еще не испытывал, и не только в смысле архитектуры — стоял декабрь, а Гольфстрим был весьма далеко. Я поглубже укутался в куртку и шарф и втянул щеки, но на этот раз не красоты ради. Именно так я и представлял себе это место — мрачный и бесцветный ландшафт, бодрящая ширь и пустота которого дают чувство свободы. В таком месте могло что-то случиться. И случилось.

С тех пор я много раз бывал на Александерплац и всякий раз не знал, чего ждать. Сейчас у меня есть некоторое представление об истории этого места. Первоначально Александерплац была круглой площадью с радиально расходящимися улицами и располагалась в центре рабочего района на восточной оконечности Берлина. Даже в конце 1920-х, во времена первого «Берлин, Александерплац», это место было источником горячих новостей, полицейского насилия и убийств. Прямо за углом располагался Карл-Либкнехт-хаус — штаб-квартира Коммунистической партии Германии (КПД), третьей по численности партии в стране и самой большой коммунистической партии за пределами СССР. Франц Биберкопф — герой Дёблина/Фассбиндера — склонялся на сторону основных противников КПД — нацистов. Представители другой массовой политической партии, правящие на тот момент социал-демократы, устроили архитектурный конкурс, которым руководил градостроитель Мартин Вагнер. Задача была полностью разрушить и заново построить Александерплац. Из целого вороха заявок модернистского толка Вагнер

выбрал нечто среднее — план, предложенный Питером Беренсом, чьи заляпанные граффити строго симметричные здания я видел в свой первый приезд. Проект этот был реализован лишь наполовину: когда к власти пришли нацисты, они заморозили строительство, оставив площадь полуциркулярной. В 1950-х Германская Демократическая Республика выбрала Александерплац — в конце концов, это же сердце рабочего Берлина — как место для устройства выставки достижений и широкого градостроительного жеста; площадь должна была стать лицом города, центром «Berlin, Hauptstadt der DDR» (Берлина — столицы ГДР). Застроить успели полмили ведущей к площади неоклассицистской Сталиналлее, однако к 1960-м, когда строительные работы начались на самой Александерплац, архитектурная мода заметно изменилась.

Сегодняшняя гэдээровская Александерплац имеет мало общего с проектом Вагнера и Беренса, впрочем, и тот, будучи модернистским, начинался со сноса всего вокруг — чему, конечно, помогли ковровые бомбардировки 1944–1945 годов. На расчищенном просторе между станцией и блочными зданиями Беренса веймарской поры устроили пару затей — фонтан с абстрактной скульптурой и уже упомянутые часы. На восточной и северной оконечностях расположились офисные здания: первое — с выдающейся лестницей — занимало издательство Berlin Verlag, второе — то, на котором красовалась длинная цитата из Дёблина. Третье было богато отделано скульптурными барельефами, на которых абстрактный повторяющийся рисунок сменялся яркими фигуративными изображениями стилизованных космонавтов, устремленных в трехмерное пространство; в 2008 году здесь на верхнем этаже разместился техноклуб. Фасад четвертого здания до последнего времени украшали красные, похожие на плавники вставки, придававшие плоской невыразительной поверхности некоторый ритм. Здание это давно уже определили под снос, но пока что власти финансово несостоятельного города смогли только ободрать эти декоративные элементы. Ближе к Сталиналлее начинаются строения поинтереснее, самое впечатляющее из которых — Дом учителей (The Haus des Lehrers) из стекла и металла — украшено по периметру яркой мозаикой с изображением педагогов Социалистической Республики. К нему примыкает аккуратный стеклянный павильон конгресс-холла; оба здания построены по проекту Германа Хенсельманна, ответственного также за неоклассицистские, в духе Шинкеля, только вытянутые башни на Сталиналлее.

За станцией парит построенная по чертежам того же Хенсельманна телебашня, цепляющаяся за землю переплетением паучьих лап. По обеим сторонам от нее — огромные спальные районы, состоящие из (печально) известных панельных домов — самого примитивного варианта сборного строительства. В домах недалеко от Berlin Verlag панельное строительство достигло почти комического предела — это буквально бетонные коробки, накиданные одна поверх другой. Здесь становится понятно, почему панельный шик так дорог берлинским хипстерам: эти домики такие клевые — примерно так дети представляют себе взрослое строительство. Дальше снова простор, вдоль неоготической Красной ратуши — единственного следа, оставшегося здесь от всего, что было до 1961 года, вплоть до Форума Маркса и Энгельса.

И хотя это (когда-то была) самостоятельная площадь, все равно сложно избавиться от ощущения, что это продолжение Александерплац. Даже по называнию видно, что это одно из самых двусмысленных постсоветских пространств. До совсем недавнего времени Форум украшал

памятник основоположникам коммунизма, который так часто фотографировали туристы. За спокойный и даже слегка чуждаковатый вид Маркса и Энгельса памятник получил прозвище «Пенсионеры». Почти все 1990-е на статуе красовалось легендарное граффити: «Мы не виноваты». Что верно, то верно. Помимо бедности есть и другие причины, почему памятник так и не снесли. По иронии судьбы именно объединение Германии отчасти стало причиной того, что в стране в какой-то форме сохранился социализм — в конце концов, одним из основателей СДПГ был Фридрих Энгельс, хотя едва ли он признал бы в Герхарде Шредере своего прямого наследника. В государстве, сохранившем, пусть и в разбавленном виде, некоторые черты социал-демократического устройства, сложнее было объявить утопической ошибкой любое проявление социалистической мысли — фокус, который значительно легче было показать на востоке, где синдикалистов, люксембургистов, троцкистов и социал-демократов давно уже объявили вне закона, посадили или попросту вырезали. В Левой партии сошлись бывшие коммунисты и бывшие социал-демократы, она является частью правящей в Берлине коалиции. Соответственно, и восточногерманские Марксы стоят себе на местах, тогда как Лениных давно уже убрали. «Пенсионеров» недавно попросили с их Форума, но не снесли, а переместили, чтобы построить новую станцию подземки. Форум все равно состоял не из них, но из окружавших их металлических стел, демонстрирующих жизнеспособность и силу международного коммунизма (на момент 1970-х, по крайней мере) — это были фотографические изображения вьетнамских и латиноамериканских коммунистов, выгравированные несмываемым черным по металлу. Несколько лиц, правда, впали в немилость и были затерты.

Строительные работы ведутся и на самой Александерплац. План Колхоффа подразумевал возвращение площади в «нормальное» состояние. Для этого с одной стороны ее исполосовали проезжими дорогами, что довольно странно в городе, где предпочтение, ко всеобщей радости, отдается общественному транспорту и велосипедам; а с другой — заплотнили пространство новыми зданиями. Строения эти проектировались в лучшем случае подмастерьями, хотя первый шаг на пути обновления Александерплац сделал по-настоящему авторитетный архитектор Йозеф Пауль Кляйхус, придумав декоративный фасад универмага Kaufhof. Случилось это даже раньше моего первого посещения, поэтому первоначальный вид здания мне пришлось искать на архивных фотографиях. Это была коробка с такой же металлической облицовкой, как на шаре телебашни. При общем мнении, что неприветливость Александерплац обусловлена как градостроительными, так и архитектурными ошибками (исковерканное пространство, абортарий, в который нужно вернуть людей, оживление, здания, торговлю, жизнь), забавно, что новое здание универмага Karstadt, по сути, такое же: невнятная коробка с магазинами. Только на этот раз это неопрусская коробка, вызывающая мрачные воспоминания об узколобом и упрощенном классицизме Третьего рейха. Слава Альберта Шпеера принесла нацистской архитектуре скандальную, но едва ли заслуженную известность; за несколькими исключениями это была скукота, в которой не было ни холодной элегантности архитектуры итальянского фашизма, ни неистового эклектизма сталинской эстетики. И зачем ее нужно было возрождать именно на этом месте, остается загадкой.

Два новых здания по-своему следуют тому же примеру; оба коммерческие, и в общем недаром. Для жителей Восточного Берлина именно Александерплац центр города, а не Унтер-ден-Линден, Фридрихштрассе или Кудамм, не говоря уж о хипстерском оазисе Крёйцберга. На площадь всегда ходили за покупками, за электротоварами, продуктами, за всем подряд, оттого она и была оживленной, прежде чем там началась крупномасштабная реконструкция. По той же причине новые здания, пожалованные площади, отличаются такой вопиющей непритязательностью. За исключением работ архитектора Кляйхуса, привычный для Берлина звездный стандарт на Александерплац не распространяется; здесь явно решили сделать попроще, что называется, для народа. Alexa Media Markt — наглядный тому пример: штукавина розового камня, чьи смутно неоклассицистские формы отсылают к Пруссии, а ошетилившийся золотой чешуей фасад — к гэдээровскому футуризму. Безумный компот дополняет декорированная чем-то похожим на картину Кандинского или Мохой-Надя внешняя стена, что, надо полагать, — кивок модернизму Веймарской республики. Это по крайней мере архитектура с идеями, жаль только, что идеи здесь применили сразу все, без разбора. О здании магазина Saturn и того не скажешь — это безликий в стиле Миса ван дер Роэ куб, фасад которого оживляют лишь панели уложенных в соответствии со всеми строительными нормами кирпичей. Оба здания довольно приземистые, что определяется робостью в отношении пространства и размера, которая так мешает европейской архитектуре XXI века.

На определенном уровне это работает. На Александерплац полно народу. В последний раз, когда я оказался там чудесным весенним днем, открытое пространство заполнили уличные кафе, киоски и крошечный немецкий базар. Мы с удовольствием сидели на площади, и несоответствие между всем этим пивным весельем и суровыми фасадами Беренса нас очень забавляло. Место, где еще несколько лет назад пешеходу приходилось выбирать — либо фланировать у фонтана, либо околочиваться возле общественного сортира, наполнилось веселой суетой. Сокрушаться на этот счет было бы, конечно, глупо. И действительно, почему бы людям не использовать это пространство? В то же время часть заново освоенной площади занимала выставка под открытым небом «Die Wende» — «Перемены» («Падение Стены»), отдающая дань решающему значению прошедших здесь в 1989 году массовых демонстраций, которые в итоге и довели режим до суицида. Однако, оглянувшись вокруг, понимаешь, что сегодня демонстрация уже вряд ли поместилась бы на площади. Люди спотыкались бы о лотки с сосисками и газетные киоски. Возможно, мероприятия в честь восстания как раз и нужны, чтобы не дать ему повториться.

площадь свободы, ХАРЬКОВ

На выходе со станции метро «Держпром» вы видите первый проект советской площади. Это самая конструктивистская площадь на территории СССР и единственное общественное пространство, напоминающее о первом, наиболее открытом интернационалистском и космополитичном десятилетии его существования. Первое, что обращает на себя внимание, — это не только масштаб площади, но и ее весьма своеобразная пространственная неопределенность. Она действительно разделена надвое; первая часть, осматривать которую лучше с дальнего края, где площадь смыкается с в общем-то нормальных размеров проспектом, сравнительно обычная, даже притом что замощенная ширь меж двух гигантских неоклассицистских зданий эпохи расцвета сталинизма напоминает то ли проезжую часть, то ли публичное пространство. После первого потрясения от размеров вторая существенная составляющая кажется более прозаичной — это памятник Ленину, одна из бесчисленных статуй, производство которых было поставлено на поток. Таких монументов в каждом советском городе было, как правило, несколько; у этого по крайней мере есть одно достоинство — он сменил здесь Сталина.

Харьков — один из нескольких украинских городов, принимающих чемпионат Европы по футболу 2012 года. В рекламном ролике 2011 года площадь показана без центральной фигуры, чтобы не дай бог не огорчить УЕФА, западных туристов и прочих. В другом городе памятник уже давно бы снесли, но харьковский стоит. Помимо возвышающегося, как небоскреб из комикса про Супермена, постамента — эта, как и большинство ленинских статуй, предполагает под пиджаком тело скорее чемпиона по борьбе, нежели странствующего интеллектуала, — прежде всего поражает его поза. Рука простерта к стоящим за ним высоткам, и жест этот как будто говорит: «Смотрите, что я построил!» За памятником Ленину — сквер, разбитый уже так давно, что зелень стала пышной, а деревья разрослись. Здесь прямоугольные башни из стекла и бетона, соединенные подвесными галереями, встают полукругом и с определенной точки смотрятся симметрично, с любой другой точки складываясь в беспорядочный силуэт большого города. Это и есть Держпром (по-украински) или Госпром (по-русски).

Здание притягивает внимание, отвлекая от площади, — это одно из величайших в мире произведений архитектуры XX века, забытая по невероятному стечению обстоятельств достопримечательность модернизма, многоуровневый мегаполис в миниатюре. Ознакомьтесь с ним можно уже в метро, купив жетон — круглый, пластмассовый, копеечного вида, как правило потрескавшийся и стертый за долгие годы использования, прохождения сквозь монетоприемники, хранящий следы миллионов суетливых ноготков. На одной стороне изображен символ «М» и надпись «Харків», на другой — контур здания будущего, устаревшего не меньше, чем само метро, оформленное в футуристическом стиле 1970-х.

Здание состоит из нескольких башен, стоящих под разным углом друг к другу и соединенных крытыми переходами на высоте в несколько этажей. На крыше самой высокой башни установлена радиоантенна.

По нижнему краю пластикового рельефа загибаются рельсы и стоит еще одна «М». Даже если вы не собираетесь в Харьков ради того только, чтобы осмотреть это здание, вы могли видеть его и ранее, например на эмблеме города, которой помечена каждая страница меню в скором поезде Киев — Харьков, где его более четкое и яркое изображение парит над котлетами и прочими разносолами. Того, кто никогда не видел его даже на фотографии, поразит эта воплощенная в жизнь конструктивистская мечта; таких утопических зданий молодой СССР позволить себе не мог (а вскоре вполне сознательно от них отказался), но по какой-то невероятной случайности они пробрались-таки в реальность. Побродив по городу, вы найдете изображение этого комплекса на любительских картинах «под импрессионистов», которые продают туристам на уличных базарах, — это символ большого (размером примерно с Варшаву или Гамбург), но забытого миром города, его кремль, рейхстаг, биг-бен. И эта бескомпромиссная, неприукрашенная, внушительная и далекая от популистских вкусов площадь ценится в Харькове очень высоко.

Госпром — типичный большевистский акроним, означающий «Государственная промышленность», — был построен по результатам конкурса, предложенного комиссаром польского происхождения и бывшим главой ЧК Феликсом Дзержинским. Город должен был получить проект правительственного комплекса, подобающего столице Советской Украины, каковой в то время был именно Харьков: индустриальный, преданный идеям коммунизма город большевики предпочли не внушающему доверия националистическому Киеву. Но зданий, хоть как-то похожих на столичные, в Харькове не было, и рождение этой площади было обусловлено необходимостью придать провинциальному городу блеск, сделать из него современный советский и бюрократический центр. Таким образом, Госпром должен был стать главным зданием столицы, эдакой центробежной точкой Штадtkроны (Stadtkrone), о которой рассуждали мечтатели вроде Бруно Таута, и воплотить в себе новую социалистическую систему художественных ценностей в противоположность эклектике и неоклассицизму Киева. Для реализации проекта выбрали пустырь — *tabula rasa* — рядом с Харьковским университетом. Общий план площади, получивший поддержку Дзержинского, в 1925 году разработал молодой архитектор Виктор Троценко. Центрально-осевая симметрия значимого правительственного здания сочеталась в нем с элементами авангарда. Если Мавзолей Ленина, построенный годом раньше по проекту Алексея Щусева, был компромиссом между древним, династическим образом и менее приземленным супрематизмом Малевича, с заметным преимуществом первого, то здесь — наоборот: любой намек на классицизм тут же развеивается неожиданным силуэтом здания, которое на расстоянии становится похоже на супрематистский объект, созданный из переплетения туннелей, ромбов и многоугольников. На круглой площади стоят две вертикальные башни, далее, мимо различных кубических зданий к центральному скверу (со статуей), центральной пешеходной зоне и комплексу высоток. Периметр планировалось застроить зданиями, а сама площадь должна была стать настолько же неправдоподобно огромной, как Дворцовая в Петербурге или Красная в Москве, которые, к слову, тоже были спроектированы для массовых мероприятий и военных парадов. После смерти Дзержинского в 1926 году площадь была названа его именем.

Первым этапом стало возведение Госпрома/Держпрома по проекту Сергея Серафимова, Самуиула Кравеца и Марка Фелгера, начавшееся

в 1925 году. Это бескомпромиссный и мощный модернизм, в основе которого — простые, строгие формы из стекла и бетона; широкие окна и разбивка на составные части не позволяют воспринимать комплекс как цитадель тоталитаризма. Три части здания соединены пролетами на разных уровнях от четвертого этажа до восьмого (источником, помимо чистого вдохновения, возможно, послужили уже реализованные проекты, например Ригли-билдинг в Чикаго). В самом высоком из связанных между собой «небоскребов» двенадцать этажей. Единственный элемент этого в целом намеренно лишённого иерархии ансамбля — противоречащий постулатам теоретиков конструктивизма симметричный центральный вход, напоминающий чуть ли не лишённую декоративных элементов арку из стекла и бетона. Однако многоуровневый силуэт и мягкие изгибы круглой площади подразумевают, что центра у здания как будто и нет, как нет и очевидного «значения», хотя причудливая легенда гласит, что с высоты птичьего полета здание должно смотреться, как первый такт «Интернационала».

Вторую мировую Госпром пережил нетронутым, несмотря на несколько попыток взорвать здание. Не справившись, фашисты стали держать в башнях животных. Позднее площадь много претерпела от суровых перипетий истории Харькова. Вторая и третья части комплекса, построенные в том же стиле, были исковерканы тяжеловесной кирпичной кладкой, закрывшей широкие окна; к ровным бетонным поверхностям приладили декоративные элементы. Их силуэт и план по-прежнему далеки от классицизма, а вот когда-то модернистский Обком КПСС в конце площади был полностью перестроен в имперском сталинском стиле и стал совершенно неузнаваем. После войны площадь должен был дополнить последний штрих — многоступенчатая готическая башня, небоскреб, теперь уже в натуральную американскую величину, похожий на московских «семерых сестер» или варшавский Дворец культуры и науки. Небоскреб так и не построили, хотя его изображение на гигантском полотне, украшающем харьковский вокзал, служит фоном для многих героических свершений. Установленная в 1950-х на самой высокой башне Госпрома телекоммуникационная вышка стала менее затратным вариантом устройства центральной точки; а не так давно на плоских крышах появились неоновые вывески и подсветка; учитывая, что и то и другое было предусмотрено по проекту еще в 1920-х, сожалеть об этом не приходится.

Совершенно очевидно, что площадь должна была стать местом проведения уличных празднеств раннего революционного периода, что отразилось даже в ее плане, на котором прямоугольное пространство врезается в круглое, как бы приглашая организованные массы выступить на открытое место. Поскольку ни парадов, ни организованных массовых праздников здесь больше не случается, сперва может показаться, что площадь полностью утратила свою функцию и оттого стала архитектурным сумасбродством, существующим в масштабе, которому не может соответствовать этот экономически неблагополучный постиндустриальный город.

Подходя к площади, я обратил внимание на дамочек среднего возраста — в прическах, нарядах и остроносых туфлях, которые, по видимому, являются обязательным для украинских женщин атрибутом. Они позировали на фоне Госпрома. Судя по тому, что вокруг вертелись фотографы, доводя их позы до совершенства, дамы были непростые — местные сановницы, актрисы, представительницы бизнеса или даже

политики. Получается, что это именно то здание, с которым идентифицируют себя харьковчане, это их символ, символ их города. Для сравнения, Баухаус — сопоставимое по размеру и значимости здание в восточногерманском Дессау — производит впечатление окраинного, почти загородного комплекса, которому горожане явно предпочитают несколько общественных построек времен Вильгельма I. Одно из самых знаменитых зданий XX века обделено вниманием. А вот Серафимову, Фелгеру и Кравцу удалось создать произведение, которым горожане гордятся и с которым идентифицируют себя до сих пор.

Вероятные причины этого становятся яснее во время прогулки по Госпромму. В пролете Баухауса поместился бы целый офис, но сам пролет расположен довольно низко и оттого производит сдержанное впечатление. Госпром же, напротив, богат сюжетными ходами, как мелодрама. Проходя под шестью крытыми галереями Госпрома, пересекающими идущие сквозь него улицы, человек въедливый, пожалуй, задался бы вопросом, действительно ли все эти пролеты были так уж необходимы; все остальные просто поддаются чувству приятного возбуждения. Циркуляционный план заставляет прямоугольные пролеты выстреливать под неожиданными углами, и принимающие удар фасады меняют положение соответствующим, но всегда неочевидным образом. Это головокружительное ощущение, будто ты оказался в воображаемом, но оттого не менее осязаемом городе Фрица Ланга, по которому можно пройтись и все потрогать. Учитывая состояние здания, трогать его захочется не всякому. Выходящий на площадь фасад выкрасили в ярко-белый цвет, заменили все окна, но после первого пролета становится понятно, что покраску забросили на полпути, а цементные стены осыпаются. По внутреннему фасаду то здесь, то там видны заплата; расположенный рядом умеренно модернистский жилой комплекс доведен до еще более опасной ветхости, на скорую руку сработанные аварийные подпорки соседствуют с аляповатыми вывесками. По сравнению с Баухаусом Госпром еще легко отделался.

Представление о том, что после 1991 года площадь утратила свои функции, рассеивается, когда, возвращаясь из Госпрома, я прохожу по той части площади, что обступают здания более классического вида. Тут явно что-то наклеивается: в одном конце скопились ряды такси и группы людей, в другом — возводят трибуну. Языка я не знаю, поэтому мне остается только отправиться восвояси; однако, проходя тем же вечером через площадь, я обнаруживаю здесь еще одно проявление «инстант-сити» — палаточный городок, устроенный студентами в поддержку примерно тех же требований, что выдвигались на Майдане Незалежности несколько лет назад во время «оранжевой революции». Это стало понятно из прикрепленного на одной из палаток плаката, на котором их девизы были приведены на английском, польском, русском, и украинском. Впрочем, английский вариант «Fairness is our choice» («Честность — это наш выбор») особых подробностей не раскрывал. Как выяснилось позднее, выступления были одновременно против повышения налогов на мелкие предприятия (отсюда и таксисты) и результатов выборов в городскую администрацию, глава которой именовался на плакатах не иначе как «харьковский сутенер». Что бы там ни происходило, это напомнило мне, что помимо созерцания и продуваемого всеми ветрами изысканного эстетического удовольствия, которое предлагает нам площадь, у нее по-прежнему сохраняются и некие политические функции.

Перед отъездом я обзавелся двумя артефактами, подтверждающими мой тезис о том, что, несмотря на строгость линий, это модернистское здание каким-то образом втерлось в доверие и полюбилось общественности. Первым стала картина, купленная с лотка на площади Розы Люксембург, прелестном зеленом сквере под нависающими золотыми куполами православных церквей. На ней Госпром изображен в особенно солнечный день (рядом были выставлены картины с блестящими соборами и дождливыми замощенными улицами). В этой работе эстетика соцреализма, то есть упрощенного до четкого монументального стиля импрессионизма, борется с изображением модернизма. Художница рассказала мне, какой был чудесный день, когда она писала картину, указывая на световые эффекты на листьях, бетоне и стекле — запоздалое народное искусство конструктивистского зеленого города. Спустя несколько дней, уже в столице, я обнаружил второй артефакт, оказавшийся предметом более массового производства. Пресс-папье советских времен состояло из двух по-супрематистски оцетинившихся многоугольников из плексигласа, внутри которых были запаяны изображения Госпрома и памятника Ленину, — модернистские формы декоративно-прикладного искусства. А почему нет? Уникальность Госпрома и состоит в отказе от следования высокому вкусу высокой архитектуры. Миновав эту столь прозаичную схему, Госпром стал отчасти воплощением мечты о том, что Советский Союз станет эдакой социалистической Америкой, мечтой об изобилии и представлением о пространстве, где перекрестки улиц шумят над головой пешехода, о городе, чей силуэт буквально через несколько месяцев не будет уступать манхэттеновскому. Это представление о модернизме, повлекшее за собой умопомрачительное столкновение архаичных устремлений и футуристских фантазий. Это архитектурное сумасбродство в стиле конструктивизма, и, будучи таковым, оно, возможно, лучше других объектов передает те головокружительные надежды, что некогда лелеяло это государство.

площадь дефилад, варшава

Новостной киноролик 1956 года называется «Великое собрание» и посвящен действию на площади Дефилад. Огромные неуправляемые толпы заполняют пространство до предела, и кажется, что на площади собрался буквально весь город. Наблюдая, как колышется и дыбится толпа, думаешь, а все ли там остались целы? Чтобы лучше рассмотреть, люди забираются на фонарные столбы. На трибуне, окруженной толпой, стоит Владислав Гомулка — новый генсек Коммунистической партии, занявший этот пост в ходе рабочих выступлений. Закадровый голос сообщает, что это «крупнейшая парадная площадь Европы, и говорили даже, что ни одна манифестация не сможет занять ее полностью... а вот смотрите — сейчас народу даже больше чем достаточно». Сегодня занять ее не удастся совсем, потому что теперь там парковка.

Все мои попытки писать о Центральной и Восточной Европе оправданы тем, что Варшава — это отчасти мой второй дом. Столица Польши оказалась в центре буфера СЭВ/Новой Европы (нужное подчеркнуть), структура этого города балансирует ровно посередине между Москвой (очень широкие улицы, монументализм, ультракапитализм) и Берлином (неформальность, приятное спокойствие, небольшое снижение численности населения). Что, впрочем, не объясняет, почему я здесь оказался. В самых ранних воспоминаниях плац Дефилад, парадная площадь, выглядит так: засыпанный снегом простор с торговым комплексом Eastern Wall, заляпанным гигантскими рекламными плакатами (на одном из них было написано: «Жизнь хороша!») с одной стороны и подаренным (а попробуй тут отказаться!) Советским Союзом небоскребом Дворца культуры и науки — с другой. Посредине был натянут огромный тент, под которым расположился уличный базар. Статуи рабочих и крестьян заглядывались на манекены в трусах H&M. Весьма символичное пространство.

Из всех больших парадных площадей, созданных в условиях «развитого социализма», эта едва ли не единственная, неспособная вызвать у кого-то оторопь или испуг. Площадь Дефилад, которая должна была стать площадью Сталина, строилась вокруг Дворца культуры и науки — знаменитого, подавляющего все вокруг строения, занимающего площадь нескольких городских кварталов. Учитывая, что это самая большая площадь в Евросоюзе и шестая по величине в мире, поражает царящее здесь запустение. Когда выходишь на площадь по бульвару Маршалковска или поднимаешься из метро «Центрум», нелишним будет напомнить себе, что это, вообще-то, специально спроектированное общественное пространство, а не какая-нибудь постсоветская свалка; в самом сердце польской столицы расположилась убогая наземная парковка (и, как подсказывают блестящие, с иголки, офисные здания, сердце польского капитализма расположено тут же). Поражает впервые увиденное изображение площади, где она еще чиста и свободна: огромное пространство, расчищенное в самом центре города, исключительно чтобы привлечь внимание к Дворцу культуры и науки. Сопоставимого эффекта можно добиться, даже не застраивая площадь долговечными зданиями, как это было сделано на Александерплац и Майдане Незалежности.

У площади Дефилад богатая история; именно здесь Гомулка объявил о начале польской «оттепели»; здесь Войтыла проводил массовые мессы, здесь же возникла и одна из самых символических в Варшаве постперестроечных точек анархо-капитализма. Это был знаменитый своим неприглядным колоритом уличный базар, занимавший большую часть площади. Сегодня главное здесь — парковка. Въезд в подземную часть расположен прямо посреди площади, но и парковочные места на поверхности пользуются хорошим спросом, несмотря на неровное покрытие, где асфальтобетон соседствует с неуместно дорогими каменными плитами. Отсюда можно подойти к ступеням Дворца культуры и науки, где внутри большой площади обнаруживается еще одна, поменьше. Являясь непосредственно частью дворца, она расположена между двумя (из нескольких) крыльями здания. Здесь вы найдете и неоренессансных героических рабочих, и статуи польских знаменитостей, и символические фигуры, но все это, строго говоря, уже не площадь.

Рано или поздно площади не станет вовсе, каждое новое десятилетие приносит новый план по ее застройке. Политик и архитектор по-

пулистского толка Чеслав Белецки предложил построить гигантскую, как будто снесенную с плеч, голову Сталина и устроить там Музей коммунизма (а для этого пришлось бы разрушить чудесный Музей техники); другой проект предусматривает целое нагромождение небоскребов, чтобы дворец перестал наконец быть основной доминантой на варшавском горизонте, притом что группа небоскребов к западу от него лишь усиливает эту доминанту. Кристиан Керец предложил проект здания Музея современного искусства, в котором на удивление нет ни мишурной роскоши, ни потуг на имитацию Бильбао, и получил градостроительное задание, впрочем, как и несколько менее реалистичных, расплывчатых проектов шатких, асимметричных небоскребов, — на этом, собственно, и все. Для строительства необходимо было рассчитать площадку и, соответственно, убрать базар. Последовали волнения. Сегодня это импровизированное, случайное пространство или, скорее, пространство столкновения случайности и так и незавершенного милитаристского плана.

Прогуливаясь по плац Дефилад, по-прежнему можно обнаружить свидетельства когда-то присущих ей церемониальных функций. Возведенный всего пять лет спустя после дворца комплекс Eastern Wall, выдержанный в стиле высокого модернизма, говорит о том, что после 1956 года польскому коммунистическому руководству площадь была не милее, чем всем остальным. Возможно, они испытывали еще большую неловкость — строили-то ее для них. Значительную часть площади занимает трибуна, призванная воскрешать в памяти Красную площадь с Мавзолеем Ленина, откуда дают смотр новым танкам и ракетам. Впечатление она производит мрачное, атавистическое. Трибуна стоит почти на одной оси с дворцом так, что за спиной выступающего поднимаются выложенные камнем стальные вершины. Оратор может постучать кулаком или даже председательским молоточком по гранитной плите, под которой выпустил когти большой стилизованный польский орел: вся иерархия четко, даже педантично артикулирована. Здесь могли бы позировать тысячи туристов, но, как ни странно, они редко сюда добираются — может, потому что трибуна стоит посреди парковки. Есть еще грандиозные фонари, чьи шипы и выпуклости выполнены в той же стилистике, что и сам дворец; затем построенный в 1990-х дешевый и безрадостный наземный павильон метро плюс две временные постройки, которые даже слишком красноречиво говорят о состоянии современной архитектуры.

Обе стоят на площадке Музея современного искусства, строительство которого так и не началось. В одной расположены бараки для строителей, работающих на прокладке второй, восточно-западной ветки варшавского метро, открытие которой уже давным-давно просрочено. Длинный сарай, огороженный зеленым забором из гофрированного металла, и грузовой контейнер, оставшийся, должно быть, со времен ларечного шика. В конце 1950-х Дворец культуры и науки, район МДМ и тому подобные бутафорские небоскребы посреди громадного, годного только для проведения церемониала пространства, подверглись жесткой критике как сталинистское извращение социалистических норм, а все, что предлагалось возводить вместо этого, свелось в конечном счете к блочному строительству жилья для трудящихся масс. Просторы Варшавского договора и самой Варшавы принялись застраивать блочными домами различного качества. И хотя жилые и офисные комплексы сегодня здесь (как, в общем-то, и везде) делают из бетонных

конструкций и слегка неровной кирпичной кладки, блочное строительство живо, как живы в архитектуре повторение и ордер. Только сегодня это воспринимается как отклонение от темы, о котором и вспоминать-то не стоит; как нечто подчеркнуто далекое от архитектуры. Жми на газ, здесь ничего интересного.

Однако даже здесь есть пример того, что пришло на смену гипер-активной авторитарной форме урбанизма — неприятное, дешевое, технологически малозатратное жилье для рабочих, которого тогда понастроили вдоволь, хорошо это или плохо. Теперь такое больше не строят. А строят нечто похожее на расположенное рядом другое временное строение — легковесное и сборное, но это, конечно, уже архитектура — об этом само здание не устает напоминать так, чтобы сомнений не возникало. Павильон поддержки Польши в ее намерении председательствовать в ЕС — чахлый, захиревший деконструктивизм из складчатых панелей, вдохновленный, безусловно, штудированием Жюль Делёза: произвольные формы, созданные специально, чтобы вылавливать взгляды людей в движении. Так сегодня зачастую и выглядит модернистская архитектура, и нет в ней ни социальной задачи обеспечения жильем, ни вымученной мелодраматичной эклектики массивных каменных зданий. Мелкие произведения самопровозглашенного искусства, помещенные в пространствах, основная задача которых — создавать условия для накопления и спекуляции.

стары рынек, лодзь

Рыночная площадь маленького городка, в сущности, — полная противоположность площади советской. Первая живет за счет частной торговли, соразмерна человеку и внушает теплые чувства, вторая построена государством, размер имеет колоссальный и внушает покорность. Тем удивительнее обнаружить, что Советская империя в самом расцвете своего варварства в конце 1940-х способна была воссоздать площадь маленького города, когда это представлялось целесообразным. Такова площадь Стары Рынек в городе Лодзь, которая в современной теории городского планирования должна занять место антипода помпезных столичных площадей.

Представление о том, что разрушение или демонизация советских пространств происходят вследствие неприятия сталинизма как такового, зачастую ошибочно. Достаточно немного покопаться, и выяснится, что настоящие причины лежат в области эстетических и архитектурных предпочтений. В Берлине после объединения основной мишенью для планировщиков стало здание Палас-дер-Републик — сооружение из красного стекла и бетона, когда-то обозначавшее границы просторов, раскинувшихся от Александерплац до Маркс-Энгельс-Форума, а потом из парламента превратившееся в боулинг-центр. То была нелишенная драматизма, пусть и немного вульгарная, семидесятническая архитектура, которую легко можно представить себе где-нибудь в Стокгольме. В этом здании было больше поп-модернизма, чем авторитарного монументализма. То был продукт режима, безусловно, жестокого, но оставившего в прошлом массовые депортации, ГУЛАГ и репрессии.

Настоящую сталинскую архитектуру, эстетику режима людоедского периода, вы найдете на бывшей Сталиналлее, чья классическая ось, традиционный (пусть и похожий на мутанта) план и «работающие первые этажи» отлично сочетаются с современной ортодоксальностью. Все это не только не снесли, но даже отремонтировали. В Варшаве московский каменный монументализм, представленный в районах МДМ и Муранов, стоит как прежде, а вот построенные во времена «модернистской оттепели» здания свободной формы, как, например, универсам Supersam, получивший не одну международную премию, снесли. Современное городское планирование куда ближе к эстетике высокого сталинизма 1930–1950-х, нежели технократические модернистские режимы, ему предшествующие или его сменившие. Я не хочу никого обидеть и не хочу заниматься политическими обобщениями — я не думаю, что отдел городского планирования в Берлине замышляет ликвидацию кулачества — я просто констатирую факт.

Парадоксальный традиционализм эпохи сталинизма, отразившийся в завете «национальный по форме, социалистический по содержанию», объясняет его весьма осторожное отношение к уплотнительной застройке и реконструкции, что подтверждается тщательностью, даже педантичностью реставрационных работ в Ленинграде или Варшаве. Иногда это приводило к эффективной имитации старых площадей, которых раньше просто не существовало. Примером площади, которая не дождалась реконструкции и, на первый взгляд, не заслужила особой любви горожан, является Стары Рынек в переживающем суровый упадок постиндустриальном городе Лодзь, известном когда-то как «польский Манчестер». Дорога к площади идет через городской парк, украшенный абстрактной скульптурой менее конформистских времен. Парк отделяет площадь от осыпающегося многоэтажного модерна, которым застроен почти весь центр города. Сперва скромных размеров рыночная площадь, ограниченная тремя домами с жилыми и торговыми помещениями, кажется изящным фрагментом, оставшимся от бывшего здесь когда-то городка: все такое маленькое, будто построено для менее рослых людей XVIII века. Именно за такие пространства, как Стары Рынек, сегодня выступают новые урбанисты.

Направление, в авангарде которого такие урбанисты и мыслители, как Андре Дуани и Джеймс Ховард Кунстлер, а среди приверженцев принц Уэльский и корпорация Disney, критикует неизбежные недостатки современного города: беспорядочное расширение, вызванное засильем автомобилей, пагубно сказывается на экологии; отсутствие продуманного планирования окраин нарушает связи внутри сообществ; недостаток ясной и последовательной эстетики ведет к распространению уродства. Вместо этого новые урбанисты выступают за район, по которому можно передвигаться пешком, где до работы и мест отдыха можно добраться без автотранспорта. Это повлечет за собой повышение плотности, и людям придется жить в куда большей близости друг от друга, нежели принято сегодня. В их тезисах также прослеживается попытка возродить малоэтажную целостность, свойственную городскому планированию XVIII века. Во многом противопоставляя себя либеральному городу, новые урбанисты не приемлют модернизм и всякого рода эксперименты, что указывает на их приверженность образцовому капиталистическому реализму. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, используя слова «сталинский», «советский», «социалистический» как универсальный ругательный эпитет для большого, дурно

скроенного модернизма, сами они в значительной степени производят нечто весьма напоминающее соцреализм, только в его более робком, обусловленном контекстом изводе.

Площадь в Лодзи полностью согласуется с концепцией нового урбанизма. Она расположена неподалеку от крупных текстильных предприятий; на первых этажах невысоких жилых домов с дворами замечательной планировки устроены рестораны, магазины и бары, до которых в плохую погоду можно дойти по сквозным колоннадам. Посредине же находится рыночная площадь — представляете, в сталинистской Польше 1940-х было место даже для свободного рынка! И лишь тот факт, что площадь эта совершенно пуста (пожалуй, даже самая пустая из всех упомянутых в этой работе), портит впечатление от района, который, по идее, должен смотреться как дружное и сплоченное сообщество. Если перестать любоваться зданиями в стиле бидермейер/польский ренессанс и посмотреть под ноги, можно заметить следы истории, вершившейся в этом месте, а именно пунктирную линию с надписью «Лицманштадское гетто, 1940–1944». Линия обозначает границу гетто, куда свозили всех лодзинских евреев перед отправкой в лагерь смерти. Ощущению маленького городка, безусловно, способствует отсутствие посторонних в этом сплоченном *Gemeinschaft* (сообществе). Даже несмотря на проявляющуюся иногда склонность новых урбанистов делать сомнительные заявления о врожденных недостатках приверженцев строительства жилых многоэтажек, с гетто их мало что связывает; как не связаны с ним и градостроители ПНР, спланировавшие площадь уже после 1944 года. Впрочем, чужаков в маленьких городах привечают нечасто.

Архитектура здесь простая, ровная, радующая глаз. С восточной и северной сторон стоят двухэтажные здания, увенчанные четырехскатной черепичной крышей с небольшими слуховыми окнами под самым коньком, как это принято в деревенских домах; внизу — колоннады с ресторанами. Наибольший интерес представляет противоположная сторона — улица Подржечна, где проявляется политическое происхождение площади. Здесь те же малоэтажные дома с колоннадами, такие же милые, минималистичные, немного в народном стиле. А вот детали требуют более подробного обследования. По большей части это простые упражнения на тему польского ренессанса — колонны с каннелюрами, балконы, узоры граффито. Однако есть здесь и фрески с изображением отсутствующих в постиндустриальном городе людей. На каждой изображены представители рабочего класса Лодзи, занятые своим ремеслом: каменщики строят дворец, кузнецы куют ренессансные балюстрады, шахтеры добывают уголь для дворцового отопления. Есть и менее очевидные изображения — дама в химической лаборатории с колбами и пробирками, люди труда на отдыхе, любующиеся делом своих рук: рабочий и крестьянин на плодородном поле с удовлетворением смотрят на чернеющие вдаль фабрики. Все эти выполненные в технике граффито работы отличает низкий уровень идеологического давления и мускулистая телесность микеланджеловского типа, характерная для соцреализма в целом. И хотя исходящий от них строевой оптимизм сегодня вызывает скорее смутное беспокойство, в целом они такие же милые и сдержанные, как и украшенные ими дома. В итоге, конечно, понятно, кто все это построил, как не вызывает сомнений и тот факт, что фабрики, на которые ходили здешние обитатели, давно позакрывались; отчего светящиеся радостью изображения отцов и дедов нынешних жителей за работой кажутся не вполне уместной шуткой.

На одной из фресок нарисованы орудия труда: два молота и серп с обеих сторон украшены цветами. Символ Советов изуродовали, сбив половину и обнажив дешевый гипс. Был ли это акт вандализма антирусской или антикоммунистической направленности или же это результат разрушения здания, сказать сложно. Почти все здания Лодзи, будь то модернизм, классицизм или готика, сегодня пребывают в крайне запущенном состоянии, и эти — не исключение. Особенно плачевно выглядит открытая колоннада, соединяющая два дома. Занимавшие первый этаж магазины давно закрылись, куда ни глянь — везде отслаивается краска и осыпается гипс; лепнина с потолка того и гляди упадет. Рядом припаркованы машины, на фасадах видны спутниковые антенны, со встроенных флагштоков свисают вывешенные после смоленской трагедии стяги, так что резкое снижение численности населения очевидно только в общественных местах. Будучи убедительной имитацией воображаемого старинного поселения, площадь дает не больше представления о своих обитателях, чем куда менее гуманные места; да, пожалуй, даже и меньше. Возможности архитектуры не безграничны.

рынек, катовице

Польша — стана полицентричная. В отличие, скажем, от Великобритании, где Лондон в четыре с лишним раза больше Бирмингема, или от более близкого соседа — России, где провинциальные центры опустошаются, а размеры и влияние Москвы растут колоссальными темпами, в Польше много «столиц». В Варшаве заседает правительство и сосредоточены финансы, но она вынуждена сосуществовать со сравнимыми по размеру городами: Краковом, Познанью, Вроцлавом, агломерациями Гданьска, Сопота, Гдыни и Силезской конурбацией. Не по официальным границам города, но по реальным размерам крупнейший город Польши — это Катовице, центр Силезского промышленного района. Это признали и на государственном уровне — управляют Катовице и окружающие города как единый Силезский мегаполис; были даже попытки дать этому скоплению единое имя — Силезия. Если у этой имеющей множество центров конурбации и есть общий городской центр, то это площадь Рынек в Катовице. Это именно тот значительный, запоминающийся с первого раза центр, которого заслуживает такой индустриальный гигант; впрочем, едва ли эта площадь долго будет оставаться в ее нынешнем виде.

Рынек — это рыночная площадь, а кроме того, название более известной площади в близлежащем Кракове, имя «настоящего» исторического общественного пространства, о котором только и мечтает любой городской планировщик. Там есть ренессансный торговый павильон, готические ратуша и базилика, кафе на тротуарах и запряженные лошадьми кареты для туристов. Схожесть названий не дает Катовице никаких преимуществ. Силезский мегаполис как стоял, так и стоит на угле и стали. По сути, он выходит за пределы Польши и продолжается в Чехии, где в городе Острава можно наблюдать похожим образом разросшуюся, мультицентричную форму урбанизма. Только вот людей в центре Остравы в субботу куда меньше, чем в центре Катовице в вос-

кресенье. Такому парадоксу есть простое объяснение: в Остраве шахты закрыли, а в Катовице не стали, сохранив, таким образом, нехарактерную для индустриального города в центре Европы оживленность. Радоваться тут особо нечему — усилия по возрождению ограничиваются обычным в таких случаях обхаживанием представителей творческого класса да еще по-настоящему безумной затеей преподнести этот густонаселенный, задымленный мегаполис как «город садов». Тем не менее из множества подобных городов этот производит наиболее жизнеутверждающее впечатление.

Фактически Рынок — транспортная развязка, и все же концептуально эту площадь можно рассматривать и как пространство, которое постепенно овладело типичным индустриальным городом XIX века и запустило его в новую эру. Под железнодорожным виадуком в плотной городской застройке внезапно раскрывается ширь. Трамвайные линии идут мимо пристроившегося посреди площади сквера. До определенного момента городской пейзаж сплошь вильгельмовский — город когда-то входил в Прусскую империю и успел побывать и Каттовитцем, и Сталиноградом. Большие, увенчанные шпилями, намеренно гротескные краснокирпичные здания магазинов и офисов окружают развязку на участке располагавшейся здесь когда-то небольшой площади Рынок. Как правило, это неоготические, необарочные здания или и то и другое вместе. Здание Силезского театра выдержано в более сдержанном стиле. Однако потом пространство начинают отвоевывать конструкции более крупных форм и менее ожидаемых решений. Как, например, Зенит — результат «модернистской оттепели» 1958 года — офисное здание с магазинами на первом этаже. В архитектурном смысле оно осталось таким же, как в 1970-х, и давно устаревшая вывеска, и стертые желто-серые плиты главного фасада — все на месте. Единственное заметное нововведение даже не является частью здания — это развешенные по длинному фасаду гигантские рекламные плакаты, закрывающие свет работникам офисов.

В данном тексте это первое упоминание неизбежной в центре любого «развитого урбанизма» гигантской и повсеместной рекламы. Можно даже составить график увеличения рекламы по шкале запад — восток от Германии, где ее размеры контролируют и ограничивают, к Чехии и Венгрии, где реклама становится больше и агрессивнее, далее в Польшу, где гигантские рекламные полотнища чуть не целиком окутывают жилые и офисные здания, и до Украины и России, где фасады наиболее значимых в архитектурном и историческом плане зданий постоянно загорожены регулярно обновляемыми рекламными щитами. И дело тут не столько в постсоциалистической готовности с радостью воспринять все, что касается коммерции и капитала, сколько во всеобщем духе пораженчества: люди лишь пожимают плечами, обнаружив, что солнечный свет не поступает в их квартиру, потому что окна завешены баннером с рекламой мобильных телефонов, — это нормально. И это не пульсирующие неоновые рекламные вывески Пиккадилли, Таймс-сквер и не более современные модификации тех же «продающих огней», какими сегодня пестрят китайские города. Это та же статичная реклама, что и на рядовом щите или в журнале, только распечатанная на курьезно громадном полотнище. В отличие от неоновых огней в нем нет ни обаяния, ни света, ни футуристического флера; это просто городские отходы, вездесущий трэш. Все без исключения баннеры рекламируют западные компании и западные товары, поступившие по распределению из центра

на окраину, зачастую с простым переводом оригинальных рекламных слоганов. Справедливости ради нужно отметить, что сами рекламируемые товары чаще всего производятся здесь, скорее всего, прямо в Катовице, а не на Западе.

Зенит, при всем обаянии, не шедевр. Его завешенный фасад — не поругание величия, но заурядность поверх другой заурядности. Куда печальней та же ситуация смотрится на расположенном напротив здании Галереи Скарбек, укутанном в точно такой же гигантский баннер T-Mobile, что и на Зените. В архитектурном смысле Галерея Скарбек — это спроектированный Юрандом Ярецким англосаксонский хай-тек в самобытном развитии; пример преждевременного и провидческого увлечения коммерцией и технологией, охватившего Польшу в 1970-е, пока не пришло время возвращать долги. Окна здесь только на первом этаже, так что в данном случае рекламная зараза по крайней мере не портит никому жизнь. По фасаду, обозначая места гипотетических окон, тянутся декоративные металлические ленты с заостренным, осязаемым рисунком. Вдоль открытого стального каркаса носятся туда-сюда капсулоподобные лифты, встроенные во время недавней реконструкции. Тогда же расширили рекламные площади на последнем этаже и не забыли установить гигантский рекламный экран. Яркая, живая «супер-графика», конечно, интереснее, чем статичные баннеры, но что там показывают, никто не контролирует: сегодня галерею, помимо полотнища T-Mobile, украшают огромный логотип Pepsi да видеореклама баскетбольной команды и уроков английского. Чем дальше от Зенита и Галереи Скарбек, тем чаще модернизм замещает эклектику XIX века. Жилой дом с покатым экспрессионистским павильоном первого этажа; здания гостиниц Silesia и Katowice, нетронутые со времен постройки, чьи семидесятнические вывески и мозаики запылились, но по-прежнему хорошо видны; бетонный, опоясанный окнами короб жилого комплекса, парящего на колоннах а-ля Корбюзье; и хотя опоры явно требуют реконструкции, магазины в цокольном этаже сияют чистотой. Фасады нескольких зданий украшены мозаикой и абстрактными скульптурами. Здесь царит постоянное оживление, всюду люди — скамейки и прочие поверхности не стоят без дела.

Здесь и так уже весьма широкая улица впадает в необозримый простор, масштаб которого способен вызвать нервный смех. Это один из самых потрясающих городских ансамблей Центральной Европы, залп необъяснимой силы, в котором вихрь механизированного движения бьется о кажущуюся вечной неподвижность. Границы неохватного пространства обозначены зданиями радикально упрощенной формы, смотреть на которые по замыслу архитекторов следует издалека, и видеть в них нужно не только функциональные постройки, но идеальные, платонические объекты. С восточной стороны — отремонтированный жилой комплекс, почти до нелепого широко раскинувшийся *unité d'habitation*, чья длина куда больше чем высота, а высоты он внушительной. Гигантских баннеров на нем, к счастью, нет, зато на крыше установлены логотипы Centrozap, Mobil, Bisset, Agata Meble. Прямо перед домом ведутся строительные работы, результат которых, надо полагать, вскоре перекроет обитателям вид на центральную часть площади.

Пространство является частью монумента в честь Силезских восстаний, созданного скульптором Густавом Земла и архитектором Войцехом Заблоцким. Это один их крупнейших памятников коммунистической эпохи, сохранившихся в Польше благодаря безусловно патриотической

теме. Он увековечил вспыхнувшие после Первой мировой войны восстания против германского правления, в результате которых спорные территории вошли в состав молодого независимого польского государства. Громадный, абстрактный и неоднозначный, он меньше всего похож на патриотический монумент. Три массивных бронзовых крыла (по одному на каждое восстание), чьи ярко очерченные перепонки распростерты в разных направлениях, как растущие из земли развевающиеся флаги, обозначают край покато́й песчаной площадки, выдающейся в сторону транспортной развязки, по которой пешеходы передвигаются по нескольким подземным переходам, повторяющим плавные изгибы площади. Посреди развязки на гранитном бордюре возвышается низкий цилиндр искусственного холма, который и сам по себе скульптурный объект. Площадь, очевидно, задумывалась как место для разного рода парадных мероприятий, но когда здесь ни души, смотрится она едва ли не лучше. Мощь всего архитектурного комплекса поражает, если взглянуть на здания, расположенные за Памятником Восстаниям. Это настоящая силезская Бразилиа — архитектура такого уровня пространственной чистоты, что все вместе это складывается в модернистский ансамбль, производящий неожиданно мощное впечатление. Можно предположить, что строившие его архитекторы черпали вдохновение в ставшей хрестоматийной площади Трех Властей Нимейера, однако латиноамериканская солнечная тема была полностью переработана в нечто сугубо центральноевропейское и индустриальное. Завершает ансамбль офисное здание чистых линий в духе Миса ван дер Роэ и Сподек — детальнейшей проработки здание в жанре «бетонная летающая тарелка», построенное с особым размахом.

Высотная башня и сфера на самом деле расположены довольно далеко друг от друга, разделенные подобием площади-в-площади, но воспринимаются как части единого целого, и взаимодействие это было, конечно, предусмотрено — как и сочетание Памятника Восстаниям и жилого комплекса. В высотке, в частности, расположены местные офисы «Солидарности» и Virtus Finance. Между ними установлена еще одна абстрактная скульптура — разобранная на составные части супрематистская стена. Сподек (творение архитекторов Мацея Гитновта, Мацея Красинского и инженера-конструктора Вацлава Зелевского) — это арена циклопических размеров, выдающееся инженерное сооружение, и то, что оно не падает на головы прохожим, — уже большое достижение. Напротив этого свободно парящего ракообразного довольно низкопробная постройка из стекла и металла дала кров ресторанам и Галерее современного искусства. Неподходящая компания для упомянутых выше творений тем не менее предлагает отличный вид на Рынок в целом. Специально для этой цели там установлены скамейки и работает фонтан, так что на пяточке посреди городского круговорота царит оживленная, но на удивление расслабленная атмосфера. Отсюда артерии дорог тянутся к другим районам Силезского мегаполиса, и вдоль каждой выстроились ряды бетонных жилых домов. С одной стороны сравнительно скромные здания тоже завешены рекламными баннерами — чаще всего джинсов Levi's, с другой — более высокие и небезынтересные высотки в форме звезд в горизонтальном плане или же дома с узорами на фасаде и пустыми рамами рекламных плакатов на крышах. В этом направлении также можно увидеть источник заметного в Катовице оживления и не менее осязаемой черной пыли, покрывающей многие здания, — стальной каркас, на котором возвышается став-

шее уже каноническими колесо и приемная площадка угольной шахты, поднятые примерно вровень с высотками, многие обитатели которых, очевидно, там и трудятся.

Наверное, нелепо радоваться, что в городе работают чертовы шахты, как будто это нечто из ряда вон выходящее. И радоваться-то этому может, наверное, только знакомый с последствиями деиндустриализации житель Западной Европы, учитывая, что сам он вряд ли когда-нибудь пойдет работать в шахту. И тем не менее разница с близлежащими городами, промышленность которых разорена или уничтожена, разительная. Катовице — это живой город, что само по себе редкость в поле развитого урбанизма. А Рынек — безусловно, сосредоточие центробежной силы этого города. И пусть городские власти больше заботит реконструкция близлежащего неоготического торгового района с уличными кафе и способы окончательного изгнания бездомных из центра, но это пространство обладает достаточной индивидуальностью и обаянием, чтобы служить местом силы для города, в действительности являющегося одним из крупнейших в Евросоюзе. Это естественное и соразмерное пространство для центра мегаполиса, и очевидность этого факта подтверждается новым строительством — не так давно здесь возвели здания многофункционального офисного центра, ипотечного банка и гостиницы. Место обладает серьезным потенциалом и может стать по-настоящему зрелищным архитектурным аттракционом, однако велика вероятность того, что его затрут, отстроив здесь шаблонный деловой район. Только вот нормализировать его будет совсем не просто.

траг республике, любляна

Люди левых убеждений нечасто вспоминают о Югославии, а зря. Многим из них нравится выдумывать предполагаемые сценарии: что, если бы Имре Надь в 1956-м или Александр Дубчек в 1968-м смогли противостать русским и провели бы реформы с упразднением партийного контроля, либерализацией культурной жизни и поощрением свободы слова? При этом они не учитывают, что результат мог бы напоминать то, что случилось, когда Тито вышел из-под влияния русских в 1948 году. Реформаторы из Варшавского договора часто ориентировались именно на режим Тито с его свободой артистического самовыражения, сравнительно мягкой цензурой, антисталинистским сталинизмом и экспериментами с рабочим самоуправлением, продолжавшимися, как это ни удивительно, до сих пор. Никто не предполагал, что на смену одряхлевшему режиму придет кровавый реваншизм. Только в Югославии да еще, пожалуй, в Германии классический западный левак чувствует, что когда он говорит о социализме, его собеседник понимает, о чем речь. Хотя, по крайней мере в экономическом плане, это была наименее социалистическая из соцстран; независимо от самоуправления, существовавшее неравномерное развитие югославских республик только усилилось с введением в 1960-х рыночного социализма. Это отчасти объясняет,

почему среди них есть и бывшая коммунистическая Словения, наиболее интегрированная в Европейский союз, и Сербия с Косово — страны, надежды которых на вступление в ЕС пока весьма иллюзорны. Здесь мы рассмотрим Словению, которая в культурном смысле ощущает себя продолжением Австрии, а в экономическом — таковым и является, и ее крошечную, известную своей красотой столицу.

В этой главе речь пойдет о площади, спланированной и спроектированной группой архитекторов под руководством Эдварда Равникара. Строительство площади, первоначально названной Трг Революция (площадь Революции), продолжалось с 1960-го по 1980-й. Когда в 1991 году Словения обрела независимость, ее переименовали в площадь Республики. Но оставим названия и сконцентрируемся на пространстве, в котором видны различия между «социалистической архитектурой» Югославии и других соцстран; здесь больше одновременно и общемировых тенденций, и сугубо региональной специфики.

Первые признаки этой весьма самобытной архитектуры видны на прилегающем к площади проспекте 1930-х годов, где в ряд зданий в стиле Эриха Мендельсона, построенных до войны, в период правой диктатуры, врывается бегемотоподобный жилой дом, асимметричный зиккурат с осложненным заострениями кирпичным фасадом, консольными балконами и деталями, отдаленно напоминающими средневековые башенки, с каждой из которых ниспадают висячие сады, дополняющие это вавилонское столпотворение стилей. Такую орнаментальность плюс аллюзии на амстердамскую школу или суровый пролетарский арнуво можно воспринимать как попытку приобщиться к постмодернизму в его наименее провокационных проявлениях, однако тот, кто придумал увенчать одно из крыльев люмпенской шапкой из 1990-х, более точно выразил общую концепцию. Сложноустроенный ступенчатый фасад, глядящий на главную дорогу, выравнивается ближе к площади, где он вынужден противостоять роскошным жилым комплексам 1930-х.

Равникар учился у Йоже Плечника — самого знаменитого словенского архитектора, одного из немногих классицистов XX столетия, кому удалось создать что-то подлинно новое. В его разрозненном, сновидческом неоклассицизме сложный рисунок фасада складывается из каменных плит разного размера, каннелюры колонн растворяются на полпути вверх, а в атмосферных интерьерах широко используются деревянные панели. Некоторое время Равникар работал у Ле Корбюзье, а вернувшись в Югославию, спроектировал Галерею современного искусства, ставшую единственной попыткой подражания Плечнику. В последующих его работах приверженность какому-либо из наставников не проявляется. Нет в них ни проповедуемой Корбюзье правды материалов, ни сколь угодно отдаленных ссылок на классицизм. Если и есть какие-то параллели, то скорее с британской школой: медные покрытия, кирпич и брутализм, напоминающий о Базиле Спенсе, структура, предполагающая влияние комплекса Барбикан, впрочем, язык Равникара самобытней, нежели у приведенных мной примеров.

Будучи визитной карточкой Социалистической Республики Словения, эта площадь совмещала в себе несколько функций, многие из которых кажутся несовместимыми. Здесь два административных здания — самых высоких в стране, одно из которых было названо Искрой, по имени первой ленинской газеты. Треугольные в плане фасады богаты металлом, верхние этажи облицованы медью. Здесь есть арт-галерея, конференц-зал, концертная площадка (джазовый гитарист Пэт Метени

гримасничает на афишах), торговый центр, рестораны, несколько памятников, здание (в прошлом) парламента — и все это на нескольких уровнях. Даже не принимая в расчет череду переименований, площадь переживала разные времена. Кустарники и вьюны замечательно дополняют брутализм, а вот расставленные как попало, будто на средиземноморском курорте кадки с деревьями, — едва ли. Если и есть здесь что-то от Корбюзье, то это использование принципа «архитектурного променада», кинематографического эффекта, возникающего при перемещении с уровня на уровень, когда с изменением материала меняется настроение, когда с открытого пространства площади (перестроенного вопреки воле архитектора в парковку, к счастью, часто пустующую) ты попадаешь в помещения ресторанов и далее в подземный торговый центр.

Торговый центр особенно хорош: два подземных уровня плюс врезанный в площадь полуподвальный этаж — футуристическое пространство, принадлежность которого к общему ансамблю выдают угловатые бетонные колонны. Здесь замечательно разместились все атрибуты коммерции XXI века, и только качество дизайна и материалов да деликатное освещение выдают принадлежность помещения к прежней эпохе. Что неудивительно, ведь Любляна всегда была и остается одним из наиболее богатых городов Югославской Федерации — тихим, спокойным и, по крайней мере в центре, очевидно зажиточным. Если не считать Берлина, Любляна меньше других постсоциалистических столиц пострадала от рекламной заразы.

Здание парламента, расположенное на другой стороне площади, появилось еще до того, как проектом занялся Равникар. Начавшееся в 1940-х строительство было завершено к 1960-м. Плечник имел свое представление о том, как должно выглядеть здание парламента, — его проект подразумевал снос исторического замка и возведение на его месте циклопических размеров собора Свободы. В результате получилось нечто весьма далекое от этой безумной затеи — пример наиболее взвешенного и изящного модернизма той эпохи, здание, облицованное неувядающим камнем со строго геометричной сеткой фасада, в то время как все революционные перипетии отражены на ограниченном пространстве вызывающе жовиального портала. Символические фигуры, созданные Карелом Путрихом и Жденко Калиным, буквально выпирают из строгого фасада — это группа обнаженных мужчин, детей и женщин, занятых разного рода деятельностью. Стилизованные изваяния обладают неожиданным для соцреализма эротизмом — все не такие осанистые, как обычно, мужчины не такие коренастые и даже слегка женственные, женщины отличаются чрезвычайно широкими бедрами и в целом роскошными формами. Идея здесь та же, что и у прочих скульптурных композиций в этом стиле (мы строим, мы сеем, мы чертим, такие мы есть), однако эта затрагивает струны, до которых другие не дотягиваются. Расположенный здесь вход заколочен, зато можно сколь угодно долго стоять, изучая фигуры, каждая из которых обладает собственным характером. Сияющая довольством женщина с известно что символизирующим плодом в руках оставляет самые глубокие воспоминания.

На площади Революции стоят еще два монумента, оба работы скульптора Драго Трсара. Один — это памятник Эдварду Кардели, теоретика рабочего самоуправления (скончался в 1979 году), представляющий собой выполненный в духе ДжакOMETTI строй бюрократов, вышагива-

ющих в сторону пешеходной зоны, облик которых становится все более размытым по мере удаления от центральной фигуры в очках. Другой представляет собой нечто более экстравагантное.

С 1950-х по 1980-е в Югославии было построено много мемориальных комплексов (spomenik) в абстрактной, зачастую архитектурной манере, которая последнее время пародируется во всякого рода ностальгическом искусстве (я, например, видел целую серию скульптурных копий из разноцветного плексигласа). Таким образом представители различных лагерей пытаются исчерпать глубоко заложенный в них эмоциональный и физический ресурс. Этот значительно меньших размеров споменик посвящен революции, и практически неразличимые фигуры слились в нем в ошестинившийся взрывной волной объект. Рассматривая памятник, пробегая по его контурам и выступам, испытываешь одновременно и умиление, и недоумение. А площадь не так давно купила на корню швейцарская компания и получает теперь доходы от платной парковки.

ЛЫБИДСКАЯ ПЛОЩАДЬ, КИЕВ

Площадей, названных именем основателя Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликса Дзержинского, было несколько десятков, однако большинство из них переименовали. Даже в Москве памятник Феликсу демонтировали, а площади вернули старое (и по-своему не менее угрюмое) название — Лубянка. И все же по сей день существует площадь, где лозунг «Героическим чекистам, бойцам революции» красуется, как встарь. Как остались пространства, в самом устройстве которых в полной мере ощущается присутствие ЧК, безучастной ко всяким переименованиям.

На Лыбидской площади сегодня располагается бывший Украинский институт научно-технических исследований и развития, построенный по проекту Л. Новикова и Ф. Туриева в 1971 году. Выйдя на остановку раньше, практически из любой точки мы видели его вылитую из бетона летающую тарелку. Тарелка нависает прямо над улицей, в ее тени украинские старушки отдыхают после похода по магазинам. По всей окружности сплошной каймой идут окна, из которых складывается ось, заваливающаяся в сторону довольно мрачной и заметно потрепанной площади. Эта тарелка — один из нескольких неопознанных летающих объектов той эпохи, невесомость которых не вяжется со строительным материалом. Само здание куда больше, чем тарелка: по уличному фасаду из ленточных окон и фактурного бетона пунктиром идут рельефы, изображающие различные формы научной деятельности в стиле, который можно было бы обозначить как упрощенный реализм. Женщина с развевающимися волосами в похожем на тунику платье протягивает на ладони диод; лысый широкоплечий мужчина склонился над кипой чертежей; другая абстрактных форм девушка держит на вытянутых руках гигантский атом; мужская фигура сгибает стальной прут в круг;

похожее существо вглядывается в микроскоп. Кто-то закрасил его глаза красным — скорее всего, совсем недавно.

Это тоже своего рода модернизм, только весьма далекий от канонической формы; как и во многих произведениях сталинской эпохи здесь видна попытка совместить искусство и архитектуру, чтобы и то и другое было говорящим (*architecture parlante*) и заключало в себе прямое высказывание и непосредственное обозначение. Это не случайное использование строительных технологий — здание должно было выглядеть как космический корабль. И как бы далеки ни были скульптурные элементы строения от мускулистых статуй соцреализма, все они фигуративные, даже назидательные. Они призваны наиболее очевидным образом отображать, что назначение этого здания — вмещать научный институт. Никаких намеков, все в лоб. Длинный корпус примыкает к высокой башне — сферической высотке, чьи очертания явно позаимствованы из нереализованных проектов авангардиста 1920-х Ивана Леонидова; однако давно нуждающееся в ремонте здание куда вещественней тонко исполненных набросков Леонидова. Стеклопанельная стена между двумя опорами хоть и не монолитная, но заметно обветшала, по фасаду растянута вывеска «Украинтеи». С середины площади высотка и тарелка видятся не как части одного комплекса, но как два подпирающих друг друга пьянчуги.

Так выглядит постройка в оригинале, но есть здесь и незапланированные, ситуативные дополнения. Первое — это закрепленный на башне громадный рекламный плакат — ухмыляющийся синий кит сообщает нам по-английски о появлении «Оушен Плаза» — комплекса куда более роскошных высоток с обязательным торговым центром посередине. Изломанный силуэт и синее стекло башен — отличительные признаки современной европейской роскоши. На сайте проекта сообщается, что этот торгово-развлекательный комплекс создается для гостей чемпионата Европы по футболу, который Киев в скором времени примет наряду с другими городами Украины и Польши. Под этими обещаниями примостился целый ряд киосков из гофрированного железа, торгующих всякой всячиной вблизи летающей тарелки, другие ларьки кое-как крепятся прямо к зданию. А здесь они потому, что это вроде как центр Киева. Конечно, есть еще нормальный центр, и даже несколько — на любой вкус: романтический, в меру туристический ландшафт вокруг Андреевского спуска с великолепно эксцентричной церковью Растрелли и живописно мощеным обветшанием более традиционного толка; высокий сталинский ампир на Крещатике; церковно-советский патристический ансамбль на двойной вершине холма с Лаврой и Военным мемориалом. Мой друг Алексей Радынский называет это место центром, поскольку здесь сходятся магистрали из основных точек города. Мы на задах вокзала 1920-х годов, за которым начинается исторический центр, застроенный до XX века, с другой стороны недалеко промышленные и жилые районы севера, запада и востока — это ось вращения городского транспорта. А прямо под нами — запущенная в 1980-х станция метро, богатое убранство которой подготавливает зрителя к прибытию на площадь.

Это нервный центр Киева, подающий довольно тревожные сигналы о состоянии украинской столицы. Алексей рассказывает несколько городских легенд про башню и летающую тарелку Института научно-технологической и экономической информации. Ходили слухи, что раньше здесь располагался ядерный реактор, и в 1991-м, в суматохе,

сопровождаяшей путч, его скорый провал и последовавшую за этим Декларацию о независимости Украины, целые караваны машин и грузовиков отъезжали от башни с тарелкой с опасным грузом неизвестного назначения. Прочие здания площади большого интереса не представляют — рядовой советский модернизм; рядом — эстакада и жилые корпуса в красно-белую полосу, отличающиеся от советских предшественников лишь зачаточной иерархической планировкой и легкими изгибами балконов. Все остальные здания 1970-х, уступая институту, служат ему фоном. И то, что происходит внутри, пожалуй, интересней экстерьера. Что казалось обычным жилым корпусом, на самом деле — универмаг с мини-отделами, где пространство поделено и обжито разного рода частными лавочками и так нужным здесь общественным туалетом, очередь в который, как и уровень чистоты, находится под контролем суровой женщины с рулоном. Транспортные функции площади вытесняют людей с поверхности — пересечь оживленный круговой разворот можно только по пешеходным переходам. Были предприняты некоторые попытки приукрасить эту процедуру народными мотивами по жовто-блакитной плитке при входе и вдоль стен, но тотальное запустение ничем не перешибешь. Бетон заведомо низшей категории искрошился настолько, что местами идти приходится прямо по железной решетке арматуры. Но этот маленький шок — ничто в сравнении с трепетом, который вызывает центральный объект площади.

Раньше площадь носила имя Дзержинского, и в интернете она чаще всего обозначается как Лыбидская (Дзержинская), то ли чтоб не путали, то ли чтоб не спорили: новое название — от протекающей рядом речки — было дано как нарочно вопреки обычным в таких случаях соблазнам увековечить независимость или свободу, отсутствие которой ощущается здесь моментально. Церемониальная советская площадь при всей своей суровости зачастую позволяет себе некоторые вольности — это могут быть скамейки, сквер, фонтан, что угодно. Площадь Дзержинского, несмотря на скромные размеры, явно не для веселья. Она создавалась — именно чтобы внушать трепет. На краю пустого пространства, утрамбованного присягами и парадами, стоит памятник злодейской ЧК. Цвет искрящегося каменного постамента варьируется от темно- до светло-красного, поверх него — две сомкнутые между собой, как будто отрезанные, головы, по одной на каждое крыло государства: одна — за щит, другая — за меч.

Размера головы гигантского, но пугает не размер. В изображении заметно очередное отступление от строгих канонов соцреализма — здесь нет требуемой жанром достоверности и вдохновенной Ренессансом анатомической точности. Нет, это, конечно же, фигуративная скульптура, но в стиле чувствуется давно искорененный авангардизм, когда черты лица редуцируются до нескольких рубленых планов. Как и в неоклассицизме, четко очерченные глазницы пусты, но вместо эллинистической безмятежности это напоминает о неотступной преданности ЧК. Сегодня памятник разрушается, а городские власти то ли по бедности, то ли по рассеянности все никак не демонтируют его для отправки в музей или куда-нибудь на хранение. Постамент уже забили граффити, потом замазали краской поверх, а памятник все стоит. Этот примостившийся в полузаброшенном, но оттого не менее оживленном пространстве памятник в своем роде самый жуткий из всех советских мемориалов. Это образ террора, причем куда более чистый, поскольку он лишен каких-либо квазигуманистических оговорок, ренессансных

мотивов, прикрывавших репрессии 1930-х годов, которые к моменту создания памятника, в разгар брежневской эпохи, давно уже себя исчерпали. Это даже не памятник жестокости, но скорее напоминание, что террор по-прежнему в арсенале и при необходимости им всегда можно воспользоваться.

площадь гагарина, МОСКВА

Когда площадь перестает быть площадью? Найти ответ на эту загадку можно на площади Гагарина в Москве — пространстве, вызывающем оторопь. Это место столкновения четкого планирования и отсутствия плана как такового, футуризма и реваншизма, имперских мечтаний и нелепых случайностей, одна из жутчайших площадей на свете, способная довести до инфаркта любого градостроителя. Довольно сложно объяснить, в чем именно странность площади Гагарина, или даже проследить, как такое вообще получилось. Эта площадь куда лучше, нежели сравнительно разумная Красная или прямо для людей устроенная Пушкинская, подходит такому аналитику, как я, поскольку в ней совмещаются весь ужас и восторг современной Москвы: это цепь градостроительных ошибок, приведшая к хронической болезни, это место, где вас тянет то блевать, то рукоплескать. Как и многие пространства, описанные в этой книге, площадь мы обнаружили случайно, когда искали что-то другое, в данном случае — памятник Юрию Гагарину, установленный к югу от центра Москвы. Выполненный в довольно странной смешанной стилистике «простой парень на высоченной колонне» памятник занимает на площади далеко не центральное место, а стоит в дальнем углу, так что и речь о нем пойдет позже. На выходе из станции метро (ничего особенного по завышенным московским стандартам) вы попадаете на приподнятую площадку, решенную в весьма традиционной эстетике с пузатыми неоцаристскими фонарными столбами, ненавязчивыми узорами общей планировки и зеленых насаждений и красными «каменными» парапетами, которые служат не только скамейками, но и границей территории, куда ступать не следует: они ограждают площадь от проезжей части, вызывающей серьезные опасения. После реконструкции 2001 года площадь стала гигантским транспортным узлом, где Ленинский проспект выходит на Кольцевую дорогу через специальный проезд, под которым шумит железнодорожная станция, не говоря уже о метро, погребенном на глубине бомбоубежища.

Три из четырех сторон производят крайне необычное впечатление. Подобно новым урбанистам, советские градостроители сперва с большим энтузиазмом восприняли идею жилых домов для рабочих в непосредственной близости от мест, где они жили настоящей трудовой жизнью. Однако с развитием промышленности и урбанизации в 1950-х эта концепция была забыта. Здесь вы оказываетесь в непосредственной близости от огромной электростанции. Тот факт, что это способно удивить жителя Западной Европы, показывает, насколько мы позабыли

о том, что, скажем, в Tate Modern раньше производили электроэнергию, да и электростанция Battersea была нужна не только для спекуляций на рынке недвижимости. Но чтобы площадь с декоративными фонарями, скамьями, зелеными насаждениями и извилистыми дорожками упиралась прямо в изрыгающие дым котлы — это ситуация исключительная даже для здешних краев. Сомневаюсь, что Джейн Джекобс, выступая за сохранение производств внутри городов, имеет в виду нечто подобное. Присев на скамейку после похода по магазинам, вы видите контуры четырех бетонных башен охлаждения со стенами в пятнах от многолетних выбросов, а за ними — выкрашенные красным и белым трубы. Все это придает месту несколько сюрреалистический характер, как будто изображение, какое обычно видишь издалека, когда едешь по скоростному шоссе, вдруг взяли и вставили в площадь XIX века — нетрадиционного, правда, цветового решения. Прочие здания выполнены в похожей технике бриколажа. На одной стороне жилой корпус, застрявший между сталинским монументализмом и хрущевской невзыскательностью, как обычно, в плачевном состоянии, с характерными захламленными балконами. Здание в десять этажей и тридцать вертикальных рядов в другом месте смотрелось бы громадиной, но здесь имеет жалкий вид. Прямо перед ним в линию с башнями стоит модернистская высотка в крайне обшарпанном состоянии. Бодрый хай-тек расположенного напротив высотки сравнительно нового ТЦ «Гагаринский» нужно, видимо, воспринимать как дань уважения космическому веку, которому и посвящена площадь. За металлическими зигзагами по синеватому стеклу есть даже отдел Marks & Spencer. Торговый центр примыкает к другому, когда-то явно производственному зданию с металлическим фасадом. Можно предположить, что выкрашенный синим ангар, похожий на прокатный цех, когда-то стал решающим аргументом в пользу строительства близлежащей ТЭЦ.

Мы описали три стороны площади Гагарина, однако наш неофитский взгляд неудержимо притягивает место слияния площади с Ленинским проспектом. Здесь на въезде в послевоенную Москву была выстроена триумфальная арка, со всей монументальной помпезностью, на какую была способна столица сталинской империи. Кремль оплачивал строительство таких магистральных проспектов по всей «буферной зоне» Восточной Европы, при этом таких законченных примеров этой эстетики, какими являются варшавский Дворец культуры и науки или берлинская Сталиналлее, в самой Москве нет. Вместо этого город пестрит разрозненными фрагментами единого монументального плана, чье неоклассицистское единство скомпрометировала хрущевская застройка, когда задача обеспечения населения жильем оказалась важнее, чем необходимость вызывать трепет у приезжих. Номинально триумфальная арка — это дома № 30 и 37 на Ленинском проспекте, два увенчанных башнями жилых корпуса, созданных по проекту А.Е. Аркина в 1946 году. Выстроенные полукругом здания обозначают границы площади-внутри-площади, каковой она и была, когда на нее можно было попасть, не рискуя жизнью при переходе проезжей части. По грандиозным размерам и богатству декора видно, что это потолочная модель сталинской архитектуры, однако сложно не попенять проектировщикам на расположение балконов, выходящих прямо на одну из самых жутких (и загрязняющих атмосферу) транспортных развязок в мире. Впрочем, тогда проезжая часть шла примерно посередине между двумя частями площади, да и заполнить все ее многочисленные ряды казалось

задачей невыполнимой. Теперь, конечно, все иначе. И хотя все здесь огромных размеров, ощущения открытого пространства, присущего советским площадям, нет. Гигантский масштаб борется с беспорядочным нагромождением, как будто сначала строили по одному плану, потом по другому, третьему и так далее, при этом между собой планы эти никак не соотносили. Нет, пешеходам тут особо жаловаться не на что — с поднятой площадки открывается замечательный и безопасный вид на все безумие сразу. Отсюда можно сосчитать героические статуи на домах № 30 и 37 на Ленинском проспекте — их, если мне не изменяет память, шестнадцать; только видны отсюда лишь развевающиеся одежды, а какую профессию представляет фигура, уже не разглядеть. Башни выполнены в наиболее извращенном изводе сталинского барокко: колоннады, обрамляющие пустоты, балконы без окон. Чинопочитание и показуха прежде всего. Впрочем, не совсем, поскольку одну из башен теперь венчает логотип Land Rover. Невольно возникает вопрос, что подумал бы Гагарин, видя все это с высоты своего положения?

Площадь названа именем Гагарина не зря — здесь нашлось место не только для замешенного на крови и почве сталинского империализма, но и для образца советской архитектуры более просвещенного периода, а именно — здания Академии наук, которое было спроектировано Юрием Платоновым в 1980 году и строительство которого завершилось в 1988-м. Это в целом скромная бетонная высотка, однако в ее золотых окнах и завитушках видится предвкушение разбушевавшейся в 1990-е бутафории. Золотые узоры не складываются в псевдовизантийский или неоклассицистский орнамент, но остаются абстрактным и ни к чему не отсылающим переплетением кованых паттернов. И все же главный на площади — сам Гагарин. Его памятник — колонна и парящая на ней статуя — это не «художественный объект», но промышленное изделие, произведенное из специального титанового сплава на одном из московских заводов. В команду его создателей вошли скульптор П. Бондаренко, архитекторы Я.Б. Белопольский и Ф.М. Гажевский и проектировщик А.Ф. Судаков. Монумент открылся в 1980 году, к тому моменту Гагарин уже давно погиб, а забуксовавший режим решил напомнить массам о своих прежних свершениях.

Человек на колонне с каннелюрами весьма буквально имитирует реальный полет в космос. Сильное впечатление производит растущий прямо из титанового постамента титановый же обелиск с заостренными углами. И без того грандиозная футуристическая скульптура выполнена так, что вызывает то благоговение, то хохот. Гагарин, конечно же, в скафандре, но скафандр этот куда более угловатый, нежели настоящий, я бы даже сказал — фетишистский, с металлическими брыжами и наплечниками. Таких облегающих, так подчеркивающих мускулатуру скафандров, чтобы накачанная грудь и пресс впечатляли прохожего, просто не бывает. Зато выражение лица более чем реалистичное. Если бы для первого полета в космос Гагарина выбрали только за его блаженное, ангельское лицо, это было бы во многом оправданное решение. И вот Гагарин взирает на этот смехотворный саморазрушительный советско-неолиберальный ансамбль и, будто святой социалистического космоса, посылает свое благословение. Внизу похожая на футбольный мяч большая титановая сфера служит яйцом самовздымающемуся гагаринскому фаллосу. Поскольку его полет на корабле «Восток» в 1961 году произошел за пятьдесят лет и один месяц до того, как были сделаны эти фотографии, у постамента по-прежнему лежат свежие цве-

ты. Только чурбан может остаться равнодушным к этому полету на фоне грохочущих машин и шагающих вдаль шеренг жилых корпусов Гагаринского района.

потсдамерплац, берлин

Все перечисленные выше площади были построены по некоему государственному генплану, за государственные же деньги. Ни одна не возникла путем стихийной застройки, очень немногие испытали на себе сколько-нибудь существенное влияние от повышения цен на землю, частного землевладения или любого другого вида частной собственности. В этих государственных, застроенных как единый комплекс площадях, как правило, видят лишённые уличной жизни и человеческого тепла иерархически организованные пространства. Но как поступить, если история на вполне законных основаниях преподносит вам *tabula rasa* — полностью свободное пространство, на котором ещё недавно был пустырь? Сможете ли вы сымитировать стихийно организованный буржуазный город, замешанный на земельной конъюнктуре, частных интересах и превратностях архитектурной моды? А если и смогли бы — правильный ли это путь? Таковы ключевые вопросы, возникающие при рассмотрении Потсдамерплац — баснословной площади, которой посвящены многочисленные исследования. Но если в 1989 году здесь был лишь всеми ветрами продуваемый пустырь — полоса отчуждения возле Берлинской стены, то до 1961-го тут, надо думать, было на что посмотреть. Потсдамерплац — это обросший легендами ур-текст (*ur-text*), прототип модернизма. Здесь потакали прихотям любителей городской сутолоки — перекресток был застроен внешне непритязательными доходными домами эпохи Вильгельма, но внутри это были дворцы удовольствий, а по улице фланировали денди, которых подкарауливали ночные бабочки и прочие удовольствия и соблазны. Модернизм *Neues Bauen* появился здесь, когда по одному из так и не завершённых планов реконструкции города Мартин Вагнер оставил потомству Колумбус-хаус Эриха Мендельсона с его плавными изгибами, а также расположенные неподалёку Шел-хаус и Европа-хаус. Пережившие войну здания были большей частью снесены, поскольку оказались между американским и советским секторами. Сохранился лишь ничем не примечательный вильгельмовский Хаус-Хут, а также фундамент универмага *Wertheim*, который почти все 1990-е занимал техноклуб *Tresor*. После объединения Германии городские власти собрали активы и продали их четырьмя международным инвестиционным компаниям к справедливому и весьма ярко выразившемуся негодованию шумных берлинских ультралевых, у которых, естественно, были несколько другие ожидания, во что превратится город после *Wende* (перемен).

Считается, что попытка создателей новой Потсдамерплац устроить новый центр на пересечении когда-то насильственно разъединённых восточной и западной частей города в целом не удалась. Исследования

показали, что бывают здесь в основном туристы, да и тех влечет сюда прежде всего богатая история площади. План состоял в том, чтобы возродить здесь судорожное биение городского пульса, однако большинство машин на площади — это туристические автобусы с открытой палубой. Живая сила современного Берлина концентрируется в других районах — анархисты, сквоттеры и хипстеры разных мастей базируются в Кройцберге и Фридрихсхайне, яппи благородных профессий — в Митте и Пренцлауэрберге, и те и другие предпочитают по-своему использовать вильгельмовские и гэдээровские пространства. Обе эти группы презирают новое место в интерпретации планировщика Ханса Штимана с невыразительными фасадами жилых и офисных зданий за холодность, безликость и отсутствие присущей Берлину витальности. Потсдамерплац выполнена в любимом Штиманом стиле, в наиболее откровенном его изводе. Стиль этот характеризуется стремлением организовать торгово-спекулятивную толчею и в то же время соблюсти архитектурную целостность (большинство фасадов выложено каменными плитами, почти все — примерно одинаковой этажности, и только высоткам позволено вознестись аж до двадцать пятого этажа), но осуществить удалось, очевидно, только первое. Из всех пространств, рассмотренных в данном тексте, Потсдамерплац, пожалуй, наименее органично вписывается в общую ткань города и воспринимается не как место для общественных собраний и протестов, но как навязанная властями реконструкция, что интересно, поскольку эта площадь — единственная полностью построенная при капитализме. Толком заработать на ней тоже не удалось — к 2008 году двое из первоначальных четырех дольщиков — Sony и Daimler — продали свои активы, и за урбанистическим фиаско последовало финансовое. Несмотря ни на что, сложно не проникнуться к этой площади симпатией, оценить, пусть не самую удачную, попытку объединить два города, обхитрив яппи из Митте и творческую интеллигенцию Кройцберга. Нет, Потсдамерплац не нуждается в обосновании.

Это самая непохожая на площадь из всех берлинских площадей. Зона перед транспортным узлом — единственное публичное пространство (есть еще несколько частных территорий, о которых чуть ниже), и разбросанные по нему объекты нам много и о многом говорят. Сам транспортный узел Банхоф — Потсдамерплац — пожалуй, самое убедительное из здешних архитектурных творений, прямолинейная, безупречно отделанная коробка из черного металла и стекла в стиле Миса ван дер Роэ с интерьером в духе Пиранези. Рядом расположены объекты исторического обоснования обоих режимов — Германской Демократической Республики и сегодняшней объединенной Германии. Первый представляет собой камень, обозначающий место, где во время ноябрьской революции 1918 года Карл Либкнехт провозгласил создание социалистической республики, а ГДР, как известно, претендовала на преемственность и вела свою историю от революционных спартаковцев. Рядом расположен объект самоутверждения буржуазной демократической Германии — несколько сохраненных фрагментов Берлинской стены должны напоминать, как в течение двадцати восьми лет властям ГДР приходилось держать свое население под замком. Рядом постоянная выставка одной фотографии: американские солдаты под флагами на границе своей зоны беспомощно взирают на возведение стены; и подпись: «Mexico». Это и есть самое похожее на общественное пространство место, которое патрулируют служители частных охран-

ных фирм в костюмах, странным образом напоминающих форму нью-йоркских полицейских, как будто призванных подкреплять даже случайные ассоциации с Таймс-сквер. Если и есть тут какие-то параллели, то исключительно с программой «нулевой терпимости» Руди Джулиани. С точки зрения архитектуры наиболее выигрышная сторона Потсдамер-плац одновременно является и ее самой большой проблемой. Ее не назовешь постмодернистской — в ней нет того веселого жонглирования историческими аллюзиями, но на ретро она точно тянет. Вся площадь, за исключением нескольких неубедительных попыток, отыграна на архитектурном поле Веймарской республики — времени наивысшего расцвета немецкого модернизма. Одноименная создателю Башня Коллхоффа с ее угловатым фасадом из клинкерного кирпича — экспрессионистская вариация на тему Чили-хауса Хёгера в Гамбурге с похожими пространственными искажениями, из-за которых кажется, будто здание устремляется на перекресток, становясь активным участником движения. Здание Хёгера создавалось по цеховым, ремесленническим правилам, место каждого кирпича обозначено с большим тщанием увлеченной рукой; попробуйте найти что-нибудь подобное в башне Коллхоффа — вас ждет разочарование. Однако силу последней придает искренняя вера подлинного приверженца стиля — такой устремленный (почти) небоскреб легко представить в фильмах Фрица Ланга. Как адепты готики XIX века, которые так увлекались своими имитациями, что ходили по освещенным газовыми фонарями улицам в монашеском одеянии, так Коллхофф недрогнувшей рукой поворачивает часы вспять без подмигиваний и оговорок. Прямо напротив его башни — реконструкция первого берлинского светофора.

Прочие высотки не отличаются подобной достоверностью. Две башни Байсхайма (Beisheim Center) представляют собой еще более ровный и маловыразительный пример и без того приглушенного экспрессионизма Коллхоффа, речь, если угодно, об отеле «Ритц-Карлтон». На самую середину площади, задуманную как пульсирующий сгусток городской энергии, призванный вызывать восхищение, указывает выстроенная для Daimler высотка Ренцо Пиано — деликатный компромисс, башня, которая так и не решила: то ли она непостроенный стеклянный небоскреб веймарских времен, то ли выложенный керамической плиткой офисный комплекс Штиманна. Те, кому пристало восхищаться качеством и подробной детализацией в архитектуре, найдут здесь много интересного, однако такая весьма дорогостоящая дотошность однозначно не прижилась в городе, девиз которого мог бы звучать как «бедный, зато сексапильный». Более удачной вышла другая высотка Пиано — опять-таки глубокое ретро, — направленная прочь от площади. Переплетение механистических деталей напоминает попытку реализовать один из фантазийных проектов Антонио Сант-Элиа 1910 годов, что выдает в Пиано не меньшего, чем Коллхофф, приверженца ретро-футуризма. В Потсдамерплац как раз и поражает это ощущение, будто оказался в довоенном научно-фантастическом фильме, словно здесь решили создать район, который Мартин Вагнер не мог в то время себе позволить; похожим образом в лучших образцах послевоенной немецкой музыки (Kraftwerk, Neu!, Can, Basic Channel) чувствуется продолжение того, что было жестоко оборвано в 1933-м.

В «Сони-центре», где можно буквально пройти сквозь 3D-проекцию «Метрополиса», похоже, решили подробнее рассмотреть эту возможность. В целом «Сони-центр» Хельмута Яна представляется наиболее

успешным проектом Потсдамерплац, по крайней мере в вопросах привлечения посетителей, которые и сосисок могут поесть и довольно милый Музей кино посетить — все под сенью всепогодного хай-тек-навеса. Оголенные стальные каркасы, стеклянные лифты, атриум с громадным куполом и прозрачная башня Фостерескве (Fosteresque) кроме прочего напоминают, что архитектура продолжала развиваться и после 1933 года. Лучше всего здесь ночью — на площади ни души, везде неоновая подсветка для создания атмосферы центра города, эдакой Пиккадилли, где всегда полно народу. Пустынная Потсдамерплац производит наиболее глубокое впечатление.

Именно ночью площадь раскрывается как современный центр города, полюбить который люди не в состоянии в силу собственной провинциальности: пустынная и сияющая Потсдамерплац представляется благородной ошибкой. Присущая ей скука проступает только при свете дня. Особенно в той, спроектированной Ричардом Роджерсом части комплекса «Даймлер», где желтые жалюзи цилиндрических объемов слишком приветливо сочетаются с красной плиткой фасада и другими деталями экстерьера. Здесь, пожалуй, проходит четкая граница, где одержимость конструктивизмом и готикой, проявившаяся в его Ллойдз-билдинг уступает место соглашательству регенерационной архитектуры. Здесь Роджерс открыто противостоит ретроориентации Потсдамерплац, но предложить ему, судя по результату, особо было нечего. Напротив квартал Джорджо-Грасси — ряд краснокирпичных коробок от школы Альдо Росси, чей вызывающий архитектурный аскетизм производит куда более мощное впечатление своим суровым отказом от зрелищности и увеселения публики. Дальше площадь заканчивается, и заброшенные пустыри ее задворок смотрятся карикатурой на ее же плотную застройку.

Архитектура, может, и не первостатейная. И все же не хуже, чем на гэдээровской Александерплац, хотя, конечно, и не лучше. Это то, что получилось на «крупнейшей строительной площадке Европы», однако следующие за ней по размаху площадки Варшавы и Москвы не могут похвастаться хоть сколько-нибудь сравнимой по качеству архитектурой или степенью интегрированности в городское пространство. И то, что у площади есть доминирующая концепция, пожалуй, предпочтительней подхода «всех звезд на площадь соберем», каким могли бы руководствоваться, если бы строительство курировал не Ганс Коллхофф, а, скажем, Дэнни Либескинд. Самое удивительное в том, что здесь, на этой подвластной корпорациям территории, больше, чем где бы то ни было, ощущается пресловутая пустота и уныние советской площади. Потсдамерплац не стала местом собраний, не стала частью «полиса», и причин тому много — от нежелания Востока и Запада принять специально созданную нейтральную территорию как место встречи до чрезмерной приватизации пространства и избытка частной охраны. Не удивлюсь, если городские власти теперь кусают локти, что когда-то выдворили с площади клуб Tresor, который мог бы привнести бодрость и вибрацию уличной жизни, которой ей так заметно не хватает. На демонизируемой Александрплац техноклубы счастливо работают до сих пор. Потсдамерплац остается площадью «периода после холодной войны», которая еще не созрела для освоения; пространством, где новый виток истории начнется едва ли. По крайней мере пока не упадут цены на аренду.

Если из всего, что мы узнали о постсоветской площади, и можно что-то усвоить, то сведения эти лежат в идеологическом пространстве, разделяющем Александерплац и Потсдамерплац. Одно пространство, вроде бы церемониальное и авторитарное, однако на нем есть место для общественных выступлений, альтернативной культуры и рабочей повседневности; другое — на первый взгляд динамичное, коммерческое и демократическое, ничего из вышеперечисленного не вмещает. В самом начале мы задавались вопросом: являлась ли неприветливость гигантских площадей развитого социализма чем-то большим, нежели просто суровая, притворяющаяся политически грамотной эстетика; и нашли основания ответить на этот вопрос отрицательно. Теперь вопрос этот можно переформулировать так: имеет ли значение, что на просторах этих жизни больше, чем на противопоставляемых им площадях 1990–2000-х? В архитектурном смысле они куда интереснее, нежели принято думать, — но что из этого?

Теоретик урбанизма Кшиштоф Навратек пишет, что сожалеть об упадке публичного пространства — это то же, что бежать впереди паровоза. Бесспорно, что когда-то принадлежавшие всем городские пространства впоследствии были приватизированы и теперь контролируются частными охранными агентствами. Разумеется, по этим приватизированным пространствам шляют, пьют кофе, а главное — тратят деньги. Однако без общего представления о том, что такое народ, общество, коллектив, все, что вы наблюдаете и чем занимаетесь на улице, не имеет смысла. По форме можно воссоздать и агору, как в случае со Старым Рынком, и драму большого города, как на Потсдамерплац, но так воспроизводится только поверхностная эстетика. Эти пространства могут быть похожи на площади на вид и по ощущению, но по сути — это несколько видоизмененные «публичные» площади — огороженные пространства в Лондоне XVIII века, которыми свободно пользовались те, кто мог себе это позволить, и которые были непомерно дороги для всех остальных. Торговые центры без стен.

Площади, исследованные в настоящем тексте, не так давно стали местом проведения массовых выступлений, но что это были за выступления? В Харькове таксисты и мелкие предприниматели протестовали против повышения налогов, а студенты устроили палаточный городок против коррупции; на плац Дефилад владельцы рыночных прилавков взбунтовались, когда их стали вытеснять ради пресловутого Музея современного искусства. Весьма возможно, что все их претензии справедливы, однако эти примеры дают почву для размышлений. Протестуют в основном мелкие предприниматели, требующие дать им шанс выжить при капитализме, главенствующую роль в котором занимают корпорации и/или местные олигархи. Протестуют также против коррумпированных популистских политиков, однозначно давая понять, что менее коррумпированные политики того же толка их устраивают. До ситуации, когда население собирается вместе, чтобы утвердить себя как народ, как «гражданское общество», за которое так переживают наблюдатели и главные действующие лица Центральной Европы, еще далеко. Да, отвоеванное общественное пространство стало местом действия «оранжевой революции», и сожалеть об этом могут разве что старые, упертые сталинисты, однако в результате пришедшие к власти политики стали

не менее коррумпированы, а вскоре и не менее ненавистны, нежели их предшественники.

Уличная политика вершится стихийно, не выбирая мест и обстоятельств. Но нельзя не заметить, что советская площадь в целом остается естественным местом народных собраний; и лишь наименее образцовые «советские» площади, построенные в Лодзи конца 1940-х и в Берлине после объединения, оказались лишены заложенных в них функций. В Восточном Берлине, Харькове, Киеве и Варшаве интересные нас пространства, как правило, считаются незаполняемыми и воспринимаются как результат дорогостоящего градостроительного каприза, необходимого исключительно для самоидентификации режима. И этот очевидный парадокс встречается на всем пространстве развитого урбанизма.

Исследовательский проект, проведенный по заказу Комиссии по вопросам архитектуры и застроенной среды (CABE) и Управления по защите окружающей среды, транспорту и регионам Министерства энергетики Великобритании (DETR), направленный на изучение совокупной выгоды качественного градостроительного проектирования

ценность и добавленная стоимость дизайна город- ской среды

Введение

«Ценность градостроительного проектирования» — это поворотная попытка определить экономическое, социальное и экологическое значение градостроительного проектирования. Исследование было проведено Школой градостроительства Бартлетт по заказу CABE и DETR. Авторы проанализировали примеры коммерческой застройки в Великобритании, чтобы выявить, как качественное градостроительное проектирование помогает повысить уровень жилья под аренду, снизить эксплуатационные расходы, усилить регенерацию и повысить уровень государственной поддержки девелопмента. Исследование рекомендовано к прочтению для застройщиков, инвесторов, арендаторов, планировщиков и дизайнеров. Это важный шаг к тому, что градостроительное проектирование получит адекватную инвестиционную поддержку как государственного, так и частного сектора.

основные результа- ты исследования

В сфере девелопмента постепенно укореняется убеждение, что качественное градостроительное проектирование повышает ценность проекта. На конференции «Окупаемость инвестиций», организованной Королевским институтом сертифицированных оценщиков недвижимости в сентябре 2000 года, Алан Чатхэм, директор строительной компании Birmingham Mailbox Ltd, заявил, что качественное градостроительное

проектирование может повысить стоимость земельного участка в несколько раз благодаря созданию того, что он называет «питчем» — или возможностью продать. Алан Чатхэм, как и другие игроки рынка, подтверждает, что качественное градостроительное проектирование имеет коммерческую ценность.

Настоящее исследование ставит перед собой цель проверить эту гипотезу и выяснить, как можно увеличить добавочную стоимость качественного градостроительного проектирования. Исследование состоит из обзора литературы и проведенных исследований, а также тематического исследования проектов коммерческой застройки.

обеспечение добавочной стоимости

Данное исследование основано на предположении, что качественное градостроительное проектирование увеличивает ценность, повышая экономическую рентабельность девелопмента и принося социальные и экологические блага. Качественное градостроительное проектирование повышает экономическую ценность за счет:

- увеличения прибыли от инвестиций (высокие доходы от арендной платы и повышенная стоимость капитального имущества);
- большей привлекательности проекта застройки по сравнению с региональными конкурентами с минимальными затратами;
- адаптации застройки под спрос арендаторов;
- повышения объема площадей под аренду (более высокая плотность);
- снижения расходов на эксплуатацию, управление, электроэнергию и обеспечение безопасности;
- формирования удовлетворенного и продуктивного занятого населения;
- поддержания «восстанавливающих сил» элементов территорий смешанного использования;
- регенерации городской среды и прибыли от маркетинга пространств; большего разнообразия территорий и повышения их престижа;
- открытия инвестиционных возможностей, повышения доверия к девелопменту, привлечения грантового финансирования;
- сокращения государственных средств на исправление ошибок градостроительного проектирования.

Качественное градостроительное проектирование повышает ценность среды с помощью:

- новых интегрированных, инклюзивных и доступных пространств;
- территорий смешанного использования: доступных объектов благоустройства и инфраструктуры;
- застройки, учитывающей местный контекст;

- повышения чувства безопасности внутри застройки и за ее пределами;
- возвращения недоступных или запущенных территорий или объектов инфраструктуры в общественное пользование;
- повышения чувства гордости за территорию у населения и улучшения имиджа территорий;
- энергоэффективной и более экологически чистой среды;
- ревитализации объектов наследия.

Исследование подтвердило, что существование этих преимуществ все чаще признается всеми заинтересованными лицами: инвесторами, застройщиками, инженерами-строителями, арендаторами, властями и регулярными пользователями.

Кому это выгодно:

- Инвесторы получают более высокие доходы с инвестиций, удовлетворяя спрос арендаторов, хотя проекты не могут окупиться полностью.
- Девелоперы привлекают больше инвесторов, могут быстрее сдать недвижимость в аренду и улучшают имидж своей организации. Если они сохраняют долю в проекте застройки, то получают высокие доходы с инвестиций.
- Инженеры-проектировщики получают пользу, так как качественное градостроительное проектирование критически зависит от их участия.
- Арендаторы получают пользу от качественного градостроительного проектирования за счет лучшей производительности, лояльности, здоровья и удовлетворенности своих сотрудников. Качественно спроектированная застройка повышает престиж среди клиентов.
- Отдельные граждане и общество в целом используют экономические преимущества успешной регенерации, среди которых новые и сохраненные рабочие места, доступ к более качественной среде и высокий уровень благоустройства.
- Власти выполняют обязательства по созданию качественно спроектированной, экономически и социально жизнеспособной среды, благотворно влияющей и на соседние территории.

как добиться большей ценности

Исследование выявило экономические, социальные и экологические преимущества качественного градостроительного проектирования. Также обнаружилось препятствия, мешающие получению этих преимуществ, в первую очередь связанные с традиционными механизмами инвестирования и застройки. Несмотря на это, ключевые игроки рынка (включая инвесторов и арендаторов) все больше ценят градостроитель-

ное проектирование и его предполагаемую пользу (в первую очередь экономическую).

В этом разделе мы предлагаем ряд рекомендаций, которые со временем могут привести к более высокой общей ценности и повышению уровня инвестиций в градостроительное проектирование.

Продвижение ценности

Главный вывод исследования — внедрение качественного градостроительного проектирования не всегда влечет за собой большие затраты, при этом практически всегда оно предлагает сильные конкурентные преимущества, о которых должны узнать все сегменты рынка недвижимости, не только сегмент престижного жилья. Это задача для CABE, DETR и местных властей, которые всегда могут обратиться за помощью к «Альянсу градостроительного проектирования» и представительным органам.

По-прежнему существует необходимость изменить представления о качественном градостроительном проектировании и убедиться в том, что градостроительное проектирование выходит за пределы улучшения корпоративного имиджа и относится скорее к фундаментальной ответственности проектирования. В частности, необходимо убедить арендаторов в достоинствах качественного градостроительного проектирования, ведь именно они могут повлиять на застройщиков и инвесторов. Этот процесс может идти нелинейно из-за неоднородной природы организаций-арендаторов.

Роль государства

Государственные организации играют важнейшую роль в создании ценности через градостроительное проектирование. Эта роль выходит далеко за пределы государственного регулирования и важной деятельности государства по предотвращению появления закрытых, замкнутых проектов застройки, оторванных от окружающего их контекста. Местные власти должны занимать активную позицию и задавать повестку градостроительного проектирования с помощью:

- ясной политики территориального развития, обозначенной в технических заданиях, общих принципах и мастер-планах;
- своего влияния для финансирования недостающих средств только при условии качественного градостроительного проектирования;
- рычагов влияния для застройки ранее использовавшейся территории (исследование выявило, что это может оказаться решающим фактором для достижения качественного градостроительного проектирования);
- работы с частным сектором для достижения согласованных экономических и градостроительных целей.

Местные власти должны рассматривать качественное градостроительное (и архитектурное) проектирование как элемент стратегии

застройки, включая приостановленные проекты. Для этого необходимо распространять современные истории успеха, связанные с градостроительным проектированием, — на национальном и, что еще важнее, на локальном уровнях.

Просветительская работа

Исследования выявило, что некачественное градостроительное проектирование — не всегда результат осознанного решения не инвестировать в качество или недостатка времени или усилий, вложенных в проект. Все проанализированные объекты застройки были тщательно спроектированы и выполнены. В лучших примерах градостроительное проектирование понималось шире, чем часть создания корпоративного имиджа.

Плохие проекты часто становятся результатом отсутствия профессионального знания о градостроительном проектировании как в частном, так и в государственном секторе. DETR и CABE уже работают над ликвидацией информационного дефицита. Эту лакуну необходимо устранить в первую очередь на уровне профессионального образования, связанного с застроенной средой (особенно в профессиях, связанных с финансами и инвестициями), и на уровне программ профессиональной переподготовки. Инициативы в этой сфере необходимы как можно скорее.

Создание качественного градостроительного проектирования

Помимо описанных выше «процессуальных» рекомендаций, исследование помогло сделать выводы, полезные для развития практик градостроительного проектирования.

- Качественное градостроительное проектирование в некоторой степени зависит от возможности собрать критическую массу в его поддержку. Новые общественные пространства, улучшение инфраструктуры, смешанное использование зависят от того, достаточно ли проект большой, чтобы финансировать сам себя. Следовательно, государственный сектор должен принимать участие в более крупных проектах.
- Небольшие проекты застройки также могут способствовать созданию качественного градостроительного проектирования, если выработаны ясные стратегии и правила (частными или государственными организациями) для координирования соседствующих участков и помощи в создании целостного планирования. Проактивное проектирование здесь будет ключевым.
- Затраты на эксплуатацию объекта должны просчитываться на первых этапах проектирования. Это проще сказать, чем сделать, учитывая, что многие игроки с долгосрочным интересом в объекте застройки присоединяются к проекту на более поздних этапах. Стоит

отметить, что качественное градостроительное проектирование позволяет снизить затраты на управление и эксплуатацию.

- Если стратегическое измерение учитывается при градостроительном проектировании крупномасштабных объектов — особенно при интеграции проекта застройки в существующую инфраструктуру, то значительно вырастает прежде всего социальная ценность проекта.
- Смешанное использование напрямую связано с высокой удовлетворенностью как пользователей, так и арендаторов и является основным фактором повышения социальной, экономической и экологической ценности большинства проанализированных успешных проектов.
- Общественные пространства и объекты благоустройства эксплуатируются намного успешнее, если они расположены в пространствах с высокой транспортной и пешей доступностью.

Качественное градостроительное проектирование может сделать территории более привлекательными для жителей с более высоким уровнем дохода и организаций или сервисов, которые обеспечивают жителей рабочими местами или обслуживают их. Тем не менее важно поддерживать социальное разнообразие на застраиваемых территориях, чтобы преимущества регенерации были широко доступны.

Вопросы ценности и градостроительного проектирования

Чтобы структурировать литературу по теме исследования, авторы сформулировали несколько вопросов о природе ценности и ее взаимосвязи с градостроительным проектированием:

- Что мы понимаем под ценностью?
- Почему ценность важна?
- Какие уроки можно извлечь из истории?
- Что такое «качественное градостроительное проектирование»?
- Как различаются представления о качественном градостроительном проектировании?
- Как можно измерить ценность и качество градостроительного проектирования?
- В чем состоит и как можно измерить ценность качественного градостроительного проектирования?
- Кто несет расходы и кто получает прибыль от такого проектирования?
- Что мешает повысить ценность проектирования?

Ниже приведем главные выводы, но не полный обзор литературы/исследований, проведенный в рамках данного проекта.

Понятие ценности

По определению ценность — это значимость чего-либо для владельца или другого человека, извлекающего выгоду из предмета. Еще это цена, за которую данный предмет можно продать. В экономике есть две концепции ценности: «ценность использования» (удовольствие, которое товар или услуга приносит владельцу или пользователю) и «меновая ценность» (количество других товаров, услуг или денег, на которые можно обменять данный товар или услугу).

Считается, что градостроительное проектирование гарантирует потенциальные выгоды всем стейкхолдерам — правообладателям или долевым партнерам — застроенной среды (Parfect & Power, 1997; Worpole, 1999). Хотя такие прямые выгоды стейкхолдеров, как повышенная ценность объекта недвижимости, можно оценить через монетарную «меновую ценность» с помощью стандартных методов стоимостной оценки. Поэтому описать «ценность использования» невозможно, так как этот феномен создается в обществе в целом (Eccles, 1996). Стандартные методы стоимостной оценки, направленные исключительно на рыночную ценность, неизбежно исключают социальную и эстетическую ценности и другие нерыночные виды значимости и ценности (Britton, 1989).

В экономическом анализе принято полагать, что выгоды большинства товаров и услуг принадлежат только тем, кто за них платит, и не учитывают более широкую группу пользователей. Меновая ценность товара или услуги таким образом определяется ценой, за которую этот товар или услуга продается на рынке. Но рыночные цены не отражают ценности общественных благ. Ведь они основаны на внешних следствиях экономической деятельности, не отражающихся в цене, за которую эти товары или услуги продаются. Поэтому, например, социальные преимущества качественных общественных пространств и повышение производительности, происходящие в хорошо спроектированных городских и рабочих пространствах, остаются внешними факторами. Это отличительная черта «общественных благ», у которых нет прямого денежного эквивалента, и зачастую на рынке они считаются неважными. Такие преимущества могут оставаться недооцененными государственными и частными инвесторами. Однако их истинная ценность может быть намного выше, чем цена предложения или затраты, необходимые, чтобы сделать их доступными.

Почему ценность важна

Растущая важность стратегии устойчивого развития вывела на первый план вопросы правильной организации городской среды, того, как ей управлять и насколько большим должен быть ее «экологический отпечаток». Вместе с этим конкуренция между разными городами за рабочие места и экономическую деятельность в глобальной экономике заставила сообщество ответственных за градостроительное развитие задуматься о том, что качественно спроектированная и управляемая городская среда может повысить экономическую конкурентоспособность территории (Urban Task Force, 1999).

Результатом стало повышение внимания к качеству градостроительного проектирования и процессам, с помощью которых может производиться и поддерживаться дизайн среды наилучшего качества. Учитывая, что государство все меньше напрямую участвует в строительстве зданий и городских пространств, именно частный сектор по большей части отвечает за развитие городских территорий.

Демонстрация ценности качественного градостроительного проектирования, оценка затрат и выгод (связанных с эстетикой, экологией, здравоохранением, безопасностью, экономикой и культурой) служит попытке связать качество проектирования и логику принятия решений в частном секторе строительного рынка. С другой стороны, существует необходимость выработать понимание того, как государственный сектор может изменить институциональные барьеры и контекст законодательного регулирования, в рамках которого принимаются решения о градостроительном проектировании, отказе от юридических и институциональных барьеров на пути к качественному проектированию и внедрению системы поощрений для его осуществления.

К сожалению, коммерческое давление часто препятствует долгосрочным инвестициям в градостроительное проектирование. Это комплексная проблема, поскольку решения по застроенной среде часто принимаются лицами, не работающими над проектами непосредственно, — менеджерами инвестиционных фондов, головными офисами крупных компаний, предприятиями коммерческой застройки, коммунальными предприятиями и так далее, а в государственном секторе решения принимаются лицами, которые с проектированием никак не связаны, — политиками, земельными инспекторами, жилищным управлением и бухгалтерскими службами (см. раздел «Что мешает повышению ценности»).

Именно поэтому заявление бывшего министра охраны окружающей среды Великобритании (Gummer, 1994) о том, что инвесторы в строительных проектах должны чувствовать гражданскую ответственность, справедливо лишь в определенной мере. Проповедование общественных выгод качественного проектирования имеет ограниченное влияние в условиях, где сектор частных инвестиций воспринимает финансовую ценность и доход как главное мерило успеха. Попытки центрального правительства, местных властей и предшественника CABE Королевской комиссии изобразительных искусств повышать стандарты проектирования через убеждение, демонстрацию и даже непосредственное вмешательство предпринимались и затем прекращались, не оказывая значительного влияния на общие стандарты застройки. Частично это объясняется тем, что эта идея еще не полностью находится в интересах девелопмента.

Дополнительно усугубляет проблему тот факт, что градостроительным проектированием слишком часто пренебрегали, поскольку оно оказывалось вне зоны ответственности разных профессионалов. Нам кажется, что повлиять на скептическое отношение можно лишь вескими доказательствами того, что качественное градостроительное проектирование может приносить выгоду (социальную, экологическую и в первую очередь экономическую). Изменений в государственных и частных инвестициях можно добиться, перенеся градостроительное проектирование в колонку «прибыль» в балансовом отчете.

Уроки истории

Некоторые из самых ценных районов наших городов являются примерами качественного градостроительного проектирования — это зоны, обеспечивающие устойчивую инвестиционную и привлекательную застроенную среду в течение десятилетий и даже веков. Лучшие земли центрального Лондона являются самым значимым «современным» примером — в том смысле, что они стали результатом договорных отношений между землевладельцами, застройщиками и пользователями, подобно тому как проекты строительства осуществляются до сих пор. Такие районы, как Белгравия, Мэрилебон и Блумсбери (Belgravia, Marylebone, Bloomsbury), иллюстрируют тезис, что инвестирование в создание хорошего мастер-плана, системное регулирование строительного проектирования (без полной стандартизации) и стратегическое планирование городских пространств может обеспечить ценность использования, постоянные потоки дохода от арендной платы и рост капитальной стоимости для владельцев (Summerson, 1978).

В более поздний период — в начале XX века — многие пригородные поселки в Великобритании, Германии и других странах оказывали такое же влияние. Хотя качество отдельных зданий могло отличаться, общий ансамбль с особой преданностью ценили и поддерживали как арендаторы, так и жильцы. Один из самых известных примеров — пригородный поселок Хэмпстед Гарден, но не стоит забывать о Бедфорд-Парк в Лондоне и Селли-Парк в Бирмингеме. Многие современные города достойно продолжают эту традицию.

Во всех указанных примерах главная составляющая успеха — масштаб. Застройка проектировалась на довольно больших участках, чтобы заказчик мог получить выгоды (в виде более высокой арендной платы или цены) от качественного городского проектирования и качественных общественных пространств. Говоря на экономическом жаргоне, внешние факторы интернализируются проектом. Выживание этих пространств и их способность оставаться в хорошем состоянии в некоторой степени зависели от владения землей на правах аренды. Это означало, что землевладелец был мотивирован поддерживать качество в долгосрочной перспективе — и добиваться этого как с помощью повторных инвестиций, так и через условия арендного пользования недвижимостью (таким образом землевладелец защищал интересы арендаторов). Качество среды падало только в тех случаях, когда система пользования имуществом на правах аренды рушилась и территория была оставлена на произвол действий земельных собственников или порывистых решений государственных властей. Сомерс-Таун, построенный в конце XVIII века на земле, проданной лордом Сомерсом, рядом с лондонскими вокзалами Сен-Пакрас и Юстон, служит хорошим примером краха такого рода (Clarke, 1992).

Тем не менее качественное градостроительное проектирование создавалось не только благодаря масштабной застройке на арендованной земле. Во многих городах есть большие районы, которые застраивались постепенно в течение длительного периода времени, но при этом выжили и до сих пор представляют ценность — как ценность пользования для горожан, так и меновую ценность для собственников. Гебберт (Hebbert, 1998) продемонстрировал, насколько хорошо подобные райо-

ны выжили в Лондоне, зачастую влияя на деятельность градостроителей более поздних эпох.

Ключом к их выживанию было существование функциональной и гибкой системы улиц, а также возможность многоцелевого использования объектов недвижимости, что упрощало возможность реагировать на меняющиеся потребности пользователей и рынков. Интересным примером может служить Кэмден-Таун в Лондоне — этот район очень часто отдают под редевелопмент, но он выжил и здравствует по сей день. В данном случае ключевыми факторами успеха стало существование пропорциональных и интересных осей улиц, визуально богатая и функциональная планировка, а также наличие незастроенных площадей и гибкой структуры зданий, что позволило развиваться коммерческой деятельности.

Краткий обзор исторических примеров указывает на то, как наличие набора принципов градостроительного проектирования — зачастую очень простых — в сочетании с социальным и экономическим контекстом может приносить долгосрочную выгоду инвесторам, арендаторам и обществу. Очевидно, что современный контекст девелопмента и благоустройства отличается от исторических эпох, в том числе тем, что современная культура финансирования склоняется к краткосрочным инвестициям. Тем не менее прописные истины рынка не изменились: инвесторы ищут выгоды и выбирают формы застройки, которые, по их мнению, принесут более высокие доходы по их инвестициям. Если удастся доказать, что качественное градостроительное проектирование приносит прибыль, объем инвестиций, скорее всего, возрастет.

качественное градостроительное проектирование

Семь целей градостроителя

Исследование проектирования застроенной среды сразу же сталкивается с двумя проблемами. Во-первых, необходимо определить масштаб и природу качественного проектирования — в данном случае градостроительного, — а во-вторых, понять, как выносить объективные суждения об относительных достоинствах и конкретных проективных решениях. В качестве точки отсчета важно выработать основное определение, ответив на вопрос «из чего состоит качественное градостроительное проектирование», чтобы иметь основания для вынесения обоснованных суждений.

Существует множество определений градостроительного проектирования. Возможно, самое простое определение из опубликованных недавно приводит Коуэн (Cowan, 2000) — «искусство создания про-

странств». Тем не менее наиболее значимое определение приводится в Предписании о политике проектирования № 1 (PPG1), представляющем собой попытку центрального правительства определить масштабы данной предметной области. В документе указывается, что «градостроительное проектирование следует понимать как взаимосвязи между различными зданиями; отношения между зданиями и улицами, площадями, парками, водоемами и другими пространствами, находящимися в общественном пользовании; природу и качество общественных пространств самих по себе; взаимосвязи между различными районами одной деревни, поселка или города; а также траектории движения процесса, которые ими задаются: иными словами, сложно организованные отношения между всеми элементами застроенного и незастроенного пространства» (DoE, 1997: ст. 14). Согласно этому определению, градостроительное проектирование включает в себя:

- все материальные элементы застроенной среды, обладающие публичным доступом;
- то, как эти элементы вместе образуют сети пространства и видов деятельности;
- функционирование этих пространственных сетей;
- их роль как социальных локаций.

Большой ценностью, чем простые определения, обладают многочисленные попытки перевести традиции градостроительного проектирования в функциональные комплексные правила (Bentley et al., 1985; Tibbalds, 1988; Urban Design Group, 1994). Многие из недавних попыток концептуализации основаны на идее, что градостроительное проектирование включает в себя намного больше, чем просто визуальное влияние зданий и пространства: социальные, экологические и функциональные измерения должны рассматриваться наряду с визуальными или формальными соображениями. Градостроительное проектирование необходимо рассматривать и как процесс, и как дисциплину.

Работа «By Design» (DETR & CABE, 2000) проводит анализ обширного списка литературы, чтобы доказать тезис о том, что «успешные улицы, пространства, деревни и города имеют ряд общих характеристик». Эти характеристики можно резюмировать в следующем списке «целей градостроительного проектирования»:

- Характер — создание индивидуальности в городском и природном ландшафте за счет реагирования на локальные отличительные формы развития и культуры, а также усиления их.
- Непрерывность и разграничение — продвижение непрерывности в фасадах улиц и разграничения пространства с четким разделением частного и общественного.
- Качество общественного пространства — продвижение общественных пространств и траекторий движения, которые станут привлекательными, безопасными, лаконичными и эффективными для всего общества, включая людей с инвалидностью и пожилых людей.
- Легкость передвижения — улучшение доступности и проницаемости за счет проектирования пространств с развитой транспортной инфраструктурой и интеграции типов землепользования и общественного транспорта. При этом люди должны быть важнее, чем дорожное движение.

- Понятность — создание застройки с узнаваемыми дорогами, перекрестками и достопримечательностями, чтобы люди могли легко перемещаться в пространстве.
- Адаптивность — создание застройки, которая может реагировать на изменяющиеся социальные, технологические и экономические условия.
- Разнообразие — продвижение разнообразия и возможности выбора через смешанную комплексную застройку и типы пользования, которые работают друг на друга и могут создавать жизнеспособные пространства, соответствующие существующим потребностям.

Эти семь целей несут в себе определенную правомерность, поскольку они сформулированы в результате обширного исследования и обсуждения, а также были включены в рекомендации правительства. Эти цели полезны, поскольку они предлагают ясные, объективные характеристики, по которым можно оценивать успешность градостроительного проектирования. Они подразумевают, что есть некий «общественный» консенсус о том, что является «качественным градостроительным проектированием». Эти аргументы поддерживают такие влиятельные авторы, как Кристофер Александр (Alexander, 1977) и Кевин Линч (Lynch, 1960). Наконец, этот список целей представляет собой широко признаваемую концептуализацию градостроительного проектирования, которую настоящее исследование может принять как базу для оценки примеров проектов застройки.

Представления о качественном градостроительном проектировании

Исследования постоянно подтверждают, что планировщики, местные власти, общество и архитекторы очень по-разному представляют себе архитектурно-строительное проектирование (Jeffrey & Reynolds, 1999). Хотя подобного исследования по восприятию градостроительного проектирования пока не проводилось, скорее всего, восприятие разных участников рынка также будет различаться. В создание, использование и управление градостроительным проектированием вовлечено много заинтересованных лиц. Опираясь на ряд источников (Lock, 1993; Adams, 1994; Lang, 1994; RICS & DoE, 1996; Guy, 1998), таблица 1 приводит основную мотивацию каждой из этих групп, а также то, каким образом мотивация влияет на восприятие градостроительного проектирования.

Взгляды разных заинтересованных лиц на качественное проектирование застроенной среды различаются и во многом зависят от того, как люди воспринимают эти понятия, а не от того, в чем состоит природа застройки. Именно поэтому офисный работник и покупатели будут воспринимать качественное градостроительное проектирование иначе, чем управляющий недвижимостью, ответственный за поддержание ее состояния. А добавленную ценность застройки сам застройщик будет воспринимать иначе, чем местный житель. Эти разные точки зрения были исследованы с помощью проведения интервью с ключевыми заинтересованными лицами для каждого анализируемого проекта.

Таблица 1. Заинтересованные стороны и их мотивация

Заинтересованная сторона (коммерческая недвижимость)	Главная мотивация	Представления о качественном градостроительном проектировании
1. Частные интересы		
Землевладельцы	Максимизация прибыли	Важно только до тех пор, пока не падает прибыль и пока другие капиталовложения в безопасности
Инвесторы (краткосрочные)	Устойчивое финансовое положение, риски против дохода	Только если более высокий риск оправдан большей прибылью
Застройщики	Легкость строительства, потенциал для маркетинга, выгодность, быстрый цикл	Градостроительное проектирование имеет смысл, если поддерживает конкурентоспособность или доходность
Профессиональные инженеры	Соответствие техническому заданию, удовлетворенность клиента, индивидуальный проект, инновативность	Зависит от обучения, но часто проектирование отдельного здания осуществляется в ущерб градостроительному проектированию
Инвесторы (долгосрочные)	Хорошая ликвидность, легкость и экономичность эксплуатации, прибыльность в долгосрочной перспективе	Если есть рынок и если проектирование добавляет доходы и снижает эксплуатационные расходы
Управляющие	Эффективный менеджмент	Только если повышенные затраты отражаются в большем доходе
Арендаторы	Соотношение цена/качество, гибкость, безопасность, функциональность, правильный имидж	Лучшее градостроительное проектирование создает более эффективную рабочую среду и является доступным
2. Общественные интересы		
Градостроительные комитеты	Поддержка благоустройства, соответствие градостроительной политике, уважение интересов широкой публики, низкий уровень воздействия на окружающую среду	Часто упоминается, но конкретные требования артикулируются редко — или важно до тех пор, пока не влияет отрицательно на экономические и социальные цели
Органы, отвечающие за автомобильные дороги	Безопасные, эффективные, функциональные (дороги)	Учитывается только в том случае, если соблюдаются функциональные требования
Пожарные и аварийно-спасательные службы	Доступность в случае чрезвычайных ситуаций	Напрямую не занимаются
Полиция	Создана для предотвращения преступлений	Заинтересованы постольку, поскольку качественное проектирование улучшает имидж территории и снижает уровень преступности
Технадзор	Создан для обеспечения безопасности жителей	Практически не занимаются напрямую
3. Интересы жителей		
Группы по благоустройству	Контекстуальная совместимость проектирования и типа пользования	Очень заинтересованы, но часто отличаются консервативными взглядами
Местные сообщества	Отражение местных предпочтений и защита ценности недвижимости	Очень заинтересованы, но часто предпочитают отсутствие новой застройки

Градостроительное проектирование должно соответствовать ряду разных частных и общественных интересов. Если частные интересы в основном касаются экономической рентабельности, общественные интересы состоят в социальной справедливости: причем ключевые общественные цели могут достигаться с помощью процесса проектирования пространства. Экономическая ценность является первой и главной

формой основной ценности. Социальные выгоды развития территории являются второй формой.

Экономическую и общественную ценность дополняет измерение основной ценности, менее очевидное, но очень важное — это в первую очередь экологическая ценность, которая создается за счет экологически ответственных методов развития территории. Так как экологические проблемы не связаны с повседневным опытом пользователей объектов недвижимости, их «меновая ценность» и «ценность использования» неочевидны на первый взгляд. Этим объясняется тенденция вытеснять экологические соображения на периферию. При этом современная литература по градостроительному проектированию все чаще подчеркивает важность экологической составляющей (Lang, 1994; Frey, 1999; Rudin & Falk, 1999), а в документе «Основные принципы проектирования пространств для жизни», опубликованном организацией Urban Task Force, экологические проблемы выведены на первый план (Framework of design principles for creating more liveable places, 1999: 70–71).

Эти три формы ценности, помимо семи целей градостроительного проектирования, сформулированных DETR и CABE, расширяют ограниченное понятие «менной ценности» до понятия «устойчивой ценности». Экономическая целесообразность — экономически целесообразный проект застройки, который сохраняет рентабельность в длительной перспективе. Общественная польза — проект застройки, соответствующий целям и запросам широкой публики, в максимальной степени пользующийся поддержкой местного сообщества. Забота об окружающей среде — проект застройки, создающий энергоэффективное, полноценное, экологичное городское пространство с минимальным уровнем загрязнения окружающей среды.

Мера ценности

В литературе представлено два базовых подхода (не исключая друг друга) к измерению ценности проектирования. Первый подход — в основном качественный (RICS & DoE, 1996; Verhage & Needham, 1997; Guy, 1998; Loe, 1999; Worpole, 1999), направленный на изучение того, как ценность качественного градостроительного проектирования видят различные заинтересованные стороны, вовлеченные в производство и пользование городскими пространствами, как их восприятие связано с процессами принятия решений, связанных с проектированием, и как политика влияет на последствия этих решений.

Второй подход — количественный, эконометрический (Vandell & Lane, 1989; Doiron et al., 1992; DNH et al., 1996; Eppli & Tu, 1999; Property Council of Australia, 1999). В рамках этого подхода главная цель — измерение ценности (или, конкретнее, затрат и доходов), приносимой разными уровнями качества проектирования, чтобы заинтересованные лица могли принимать обоснованные решения. Ключевые вопросы: как перевести нематериальные выгоды и затраты градостроительного проектирования в денежный эквивалент, как определить временной промежуток для таких расчетов, как затраты и доходы распределяются между заинтересованными лицами и как они растут со временем. В таких случаях оценивание ценности обычно означает конвертацию различных

компонентов в денежный эквивалент, чтобы их можно было сравнить, а также просчитать объем затрат и доходов.

Как качественные, так и количественные методы сталкиваются с концептуальными и практическими сложностями:

- проблема определения градостроительного проектирования по простой шкале «хорошо-плохо» и понимания того, что такое градостроительное проектирование как процесс и как продукт;
- проблема того, что качественное градостроительное проектирование, в большей степени, чем качественное архитектурно-строительное проектирование, создает выгоды для прилегающих территорий. Поэтому лишь часть выгод, создаваемых качественным городским проектированием, используется теми, кто работает над конкретным проектом и взаимодействует с ним в качестве клиента; выгоды, которые получают рабочие и клиенты, возможно, не скажутся на доходе компаний, на арендной плате, выплачиваемой арендаторами или на оценке зданий инвесторами;
- различия в ожиданиях различных заинтересованных лиц.

Настоящее исследование включает в себя качественную оценку того, как разные заинтересованные лица воспринимают градостроительное проектирование, и опирается на количественные показатели коммерческого успеха по мере доступности.

Стандарты качества

Хотя понятие «качественное градостроительное проектирование» понимают по-разному, необходимо оценить относительный успех или неудачи конкретных проектных решений и их влияние на экономическую, социальную и экологическую ценность. Для этого необходимо понимать, как качество градостроительного проектирования может измеряться и фиксироваться.

Недавние попытки измерить качество градостроительного проектирования приводятся ниже. Среди них указаны британские исследовательские проекты, поддержанные Королевским институтом сертифицированных оценщиков Великобритании и Министерством энергетики (RICS & DoE, 1996), исследование Австралийского совета по недвижимому имуществу (1999) и работа Вандела и Лейна в США (Vandell & Lane, 1989). Британское исследование разработало сложный инструмент оценивания, согласно которому проекты застройки оценивались по пятидесяти характеристикам градостроительного проектирования, разбитым на четыре группы (см. таблицу 2). Оценка в основном проводилась членами исследовательской команды и сопровождалась обсуждениями с некоторыми вовлеченными сторонами каждого проекта. Инструмент предоставил способ разработать более объективный способ оценки качества проектирования, оценивая каждую характеристику по шкале от 0 до 4. В качестве результата принималось среднее значение по каждому из пяти оцениваемых проектов застройки.

Таблица 2. Критерии оценки проекта

Исследование	Категории/критерии
Королевский институт сертифицированных оценщиков Великобритании и Министерство энергетики, 1996	1. Функциональное и социальное пользование (12 критериев)
	2. Естественная среда и устойчивое развитие (11 критериев)
	3. Визуальные характеристики (12 критериев)
	4. Комфорт пребывания в городской среде (15 критериев)
Австралийский совет по недвижимому имуществу, 1999	1. Уровень равенства сообщества, измеряемый применительно к проектированию общественных пространств, качество благоустройства, доступность и активность территорий и разнообразие
	2. Качество экологических показателей, измеряемых в терминах реакции климата и других показателях экологии и устойчивого развития
	3. Чувствительность к качеству городского контекста и ландшафта, а также к историческому контексту
	4. Значимость для настоящего и будущего, измеряемая через степень целенаправленной инновации
	5. Способность меняться во времени
	6. Влияние на жизнь общества и восприятие сообщества
	7. Профессиональное качество исходных данных, таких как концепция застройки, планирование, архитектура, проект, управление инфраструктурой и обслуживание застройки
Вандел и Лейн, 1989	1. Качество материала, используемого во внешней отделке
	2. Поверхность остекления: композиция и размер фасада
	3. Сосредоточение архитектурных масс: композиционные массы и объемные параметры здания
	4. Проектирование внутренних общественных пространств: вестибюль и другие внутренние пространства
	5. Силуэт зданий: как район выглядит издали
	6. Проектирование внешних общественных пространств
	7. Проектирование с учетом прилегающих зданий, всего района целиком
	8. Благоустроенность

В австралийском исследовании был проведен общенациональный сбор заявок на звание лучшего проекта качественного градостроительного проектирования, что привнесло элемент субъективной оценки: все номинированные проекты оценивала команда из четырех людей разных профессий по семи критериям с целью выявить лучшие схемы застройки.

В американском исследовании анализировалась большая выборка из ста двух офисных зданий в Бостоне и Кембридже, Массачусетс, качество проектирования оценивалось по сугубо эстетическим критериям. Провести предварительную оценку предложили восьмидесяти архитекторам, и большинство из них выполнили следующее задание: оценили здания по шкале от 0 до 5. Результатом стала средняя оценка по каждому зданию и допустимое отклонение.

Методология оценки настоящего исследования использует характеристики каждого из этих исследований. Первым требованием стала прозрачность, достигаемая за счет внедрения ясных критериев, по которым можно оценивать качество градостроительного проектирования.

ния. Второе требование — согласие всех участников с предлагаемыми базовыми принципами, что в нашем случае достигалось за счет использования принципов из государственных рекомендаций. Третьим требованием стала объективность, использование ясной бальной системы, заимствованной из исследования RICS & DoE и американской работы Вандела и Лейна.

Объективность должна сопровождаться дополнительными характеристиками — инклюзивностью. Лица, создающие и использующие застроенную среду, должны быть вовлечены в вынесение суждений о качестве. Для этого необходима простота системы оценки.

Чтобы избежать простой регистрации характеристик проектирования, каждый проект оценивали по ряду критериев качества градостроительного проектирования. Респонденты ставили оценку по пятибалльной шкале в соответствии с тем, насколько успешно проект соответствовал следующим критериям:

- характер (отчетливое ощущение, что застройка учитывает локальный контекст);
- непрерывность и разграничение (непрерывность фасадов и ясные границы общественных пространств);
- качество общественного пространства (безопасные, привлекательные и функциональные общественные пространства);
- легкость передвижения (доступная пешеходная среда с развитой транспортной инфраструктурой);
- понятность (понятная среда, в которой легко передвигаться);
- адаптивность (Гибкие, адаптивные общественные и частные пространства);
- разнообразие.

Проект застройки считается примером качественного градостроительного проектирования, если он получает хорошие оценки по всем пунктам. Финальный балл отражает общее качество градостроительного проектирования (максимум — 35).

Добавочная ценность качественного градостроительного проектирования

Качественное градостроительное проектирование может обеспечивать две формы выгоды. Прямую выгоду (обычно экономическую) получают лица, инвестирующие в проект (из государственного или частного сектора). Непрямые выгоды (социальные и экологические) получают другие люди и общество в целом. Как мы уже отмечали выше (см. раздел «Понятие ценности»), эти две формы ценности можно разделить на ценности, имеющие материальные финансовые последствия и измеряемые с помощью денежного эквивалента (меновая ценность), и более нематериальную ценность, которая не поддается прямой денежной оценке (ценность пользования). Второй тип ценности не менее важен, но часто не учитывается в простых методиках оценки. В секторе жилищного строительства, например на Форуме поселков городского типа (Urban Villages Forum, 1995: 1), было озвучено, что традиционная концепция со-

отношения цены и качества не учитывает общественные издержки, такие как плохое здоровье, преступность, маятниковая миграция и так далее, — издержки, которые в конечном итоге ложатся на государство.

К сожалению, отношения между проектированием и ценностью скорее всего не включают в себя прямую корреляцию между хорошим проектированием и высокой ценностью. Хотя в определенном отношении качественное проектирование может повышать ценность, в других случаях оно может повысить затраты, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Такие затраты могут компенсироваться повышением ценности, но этого может и не произойти.

Потенциальные составляющие ценности, создаваемой качественным проектированием, представлены в таблице 3, а в таблице 4 приводится список затрат. Таблицы иллюстрируют широкий спектр материальных, финансовых проблем, а также спектр нематериальных соображений, которые влияют на оценку затрат и ценности в градостроительном проектировании. Также они демонстрируют широкий спектр экономических ценностей и затрат (в отличие от социальных и экологических), а также сложность измерения социальной и экологической (и даже полной экономической) ценности через простые финансовые средства.

Кто оплачивает расходы и кто получает выгоду

Необходимый для поддержки потенциального градостроительного развития рынок состоит из населения, которому необходимы услуги и у которого есть возможность оплатить эти услуги. Вот какой вопрос застройщик должен задать себе: «Достаточно ли размера рынок, чтобы поддержать этот проект?» Вопрос, который задает себе государственный сектор, такой: «Как этот проект поможет общественным интересам?» (Lang, 1994: 375).

Таблица 3. Потенциальная ценность качественного градостроительного проектирования

	Экономическая ценность	Общественная ценность	Экологическая ценность
Финансовые материальные	Потенциальный рост стоимости земли Повышение продажной стоимости Повышение потенциала для инвестиций (государственных и частных) Повышение дохода от аренды Повышение номинальной стоимости активов Снижение эксплуатационных расходов Поддержание ценности/дохода Снижение расходов на техническое обслуживание (на весь срок жизни проекта) Повышение стоимости перепродажи Легкость в обслуживании при использовании высококачественных материалов	Потенциал для регенерации (привлечение других проектов застройки) Выше уровень безопасности, ниже уровень преступности Ниже уровень загрязнений (лучше здоровье) Выше цены на недвижимость Меньше стресса (лучше здоровье) Снижение расходов на перемещение в транспорте	Снижение уровня потребления электроэнергии Снижение уровня потребления ресурсов/земли

	<p>Снижение расходов на безопасность</p> <p>Снижение эксплуатационных расходов (использование электроэнергии)</p> <p>Снижение государственных расходов (на здравоохранение/борьбу с преступностью/менеджмент и эксплуатацию городских пространств)</p> <p>Повышение экономической целесообразности для смежных типов пользования/возможностей</p> <p>Повышение налоговых сборов</p> <p>Снижение затрат на передвижение в транспорте</p>		
<p>Финансовые нематериальные</p>	<p>Потенциал для большей защиты капиталовложений, зависит от рынка</p> <p>Быстрое получение разрешений (ниже затраты, меньше уровень неопределенности)</p> <p>Индивидуальность (выраженные различия продуктов)</p> <p>Позволяет работать со сложными участками</p> <p>Улучшение репутации застройщика (повышение уверенности/ценности «торговой марки»)</p> <p>Повышение вероятности будущих партнерств</p> <p>Повышение профессиональной репутации в сфере градостроительного проектирования</p> <p>Повышение обеспеченности работой и повторные заказы от качественных, стабильных клиентов</p> <p>Конкурентоспособность в глазах инвесторов</p> <p>Долгосрочные качественные арендаторы</p> <p>Более счастливая рабочая сила (улучшение рекрутинга и удержания на рабочем месте)</p> <p>Повышение продуктивности</p> <p>Рост доверия среди клиентов</p> <p>Меньше деструктивных действий</p> <p>Повышение престижа для жителей</p> <p>Повышение потенциальной городской торговли</p>	<p>Уменьшение диссонанса между государственным и публичным секторами (больше времени для позитивного планирования)</p> <p>Улучшение доступа к другим типам пользования/объектам благоустройства</p> <p>Больше поддержки от населения (меньше конфликтов)</p> <p>Оживление культурной жизни</p> <p>Повышение качества жизни</p> <p>Более инклюзивные общественные пространства</p> <p>Более справедливая/доступная среда</p> <p>Население больше гордится местом, где оно живет (ощущение сообщества)</p> <p>Возникновение индивидуальной атмосферы</p>	<p>Меньше вреда окружающей среде</p> <p>Экологически разнообразная, зеленая среда</p>

Таблица 4. Потенциальные затраты на качественное градостроительное проектирование

	Экономические затраты	Общественные затраты	Экологические затраты
Финансовые материальные	<p>Потенциал снижения стоимости земли</p> <p>Повышение рисков в случае повышения стоимости строительства</p> <p>Повышение затрат на инфраструктуру (общественные пространства и социальная инфраструктура)</p> <p>Выше затраты на строительство</p> <p>Выше затраты на проектирование (гонорары профессионалов)</p> <p>Выше инвестиции в основной капитал</p> <p>Постоянная ответственность частного сектора за общественные и частные пространства</p> <p>Повышение арендной платы</p> <p>Повышение зарплат менеджеров</p>	<p>Повышение государственных затрат в проектировании — советы по планированию, методическая помощь, системы награждений и т.п.</p>	Отсутствуют
Финансовые нематериальные	<p>Проектирование занимает больше времени (что не всегда учитывается в гонорарах)</p> <p>В случае смешанной застройки необходим комплексный менеджмент</p>	<p>Риск того, что проекты застройки не будут осуществлены из-за того, что стандарты проектирования слишком высокие</p> <p>Перспектива джентрификации</p>	Отсутствуют

Если при удовлетворении ожиданий клиента не наносится ущерба окружающей среде или интересам других заинтересованных сторон, такой проект строительства можно считать успешным. Качественное градостроительное проектирование дает возможность дать что-то сообществу и действовать в общественных интересах, а не только обслуживать частные интересы собственника. Градостроительное проектирование, как и архитектура, — это общественная деятельность, которая влияет на жизнь общества за пределами застраиваемого участка. При этом государственный и частный секторы понимают природу строительства совсем по-разному.

Государственный сектор воспринимает застройку как способ удовлетворения государственных интересов — повышение дохода от налогов, создание новых возможностей для инвестиций, поддержание коммунальных услуг и секторов, которые не окупаются рынком. На частный сектор влияет спрос на особые формы жилья, объем затрат и доступное финансирование, вид ландшафта и возможность получить все необходимые согласования без задержек. Для них рынок является местом со множеством неизвестных, а строительство является рискованным бизнесом (Lang, 1994).

Эти различные взгляды на ценность можно проиллюстрировать недавно проведенным анализом коммерческой городской застройки на западном побережье США, которая включает в себя открытые «общественные» пространства (Loukaitou-Sideris & Banerjee, 1998). Авторы утверждают, что результатом разделения экономической целесообразности

ности и общественной выгоды стало создание не связанных друг с другом, интроспективных, самодостаточных, недоступных, декоративных городских пространств. Некоторые из новых проектов коммерческой застройки, которые они проанализировали, включали в себя пространства, создаваемые как «общественные», но при этом исключаящие «недостойных» представителей общества.

Грубо говоря, государственный сектор ставит долгосрочные цели. Многие заинтересованные стороны в частном секторе мыслят более короткими отрезками времени. Частично это происходит из-за того, что большая часть обсуждения финансирования проектов градостроительного проектирования вращается вокруг двух фискальных параметров: капитальные затраты и эксплуатационные расходы.

Капитальные затраты являются главным соображением для всех игроков частного сектора, а об эксплуатационных расходах часто забывают ради того, чтобы осуществить проект и получить краткосрочные доходы, по меньшей мере равные средствам менее рискованных инвестиций, таких как фондовые бумаги и акции (Lang, 1994: 379). Более того, так как финансирование коммерческих проектов все меньше и меньше ограничено конкретной территорией, проекты строительства часто осуществляются командами международных инвесторов и консультантов (включая инженеров), поэтому суждения о жизнеспособности проектов и роли проектирования все меньше зависят от локальных и культурных контекстов. Именно поэтому очень важно продемонстрировать, что градостроительный дизайн создает добавочную стоимость как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. На основании ценностей и затрат, обозначенных в таблицах 3 и 4, в таблице 5 мы обозначаем, кто (в теории) и в какие сроки получает выгоду от качественно-градостроительного проектирования. В таблице 6 представлена та же информация для затрат.

Из таблиц видно, что качественное градостроительное проектирование будет цениться всеми заинтересованными лицами, если оно сможет предложить различные выгоды в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Или же интересы всех сторон должны поддерживаться до тех пор, пока не проявится долгосрочная ценность.

Таблица 5. Получатели ценности градостроительного проектирования

Заинтересованные стороны	Краткосрочные ценности (социальные, экономические и экологические)	Долгосрочные ценности (социальные, экономические и экологические)
Землевладельцы	Потенциал для роста ценности земельных участков	
Спонсоры (краткосрочные)	Потенциал для большей безопасности инвестиций в зависимости от рынка	
Застройщики	Быстрее осуществляются согласования (меньше затраты, меньше неизвестности) Больше общественной поддержки (меньше противостояния) Выше стоимость продаж (доходность) Индивидуальность (больше разнообразие продуктов) Повышение шансов найти спонсоров (государственное/частное финансирование) Позволяет работать со сложными участками	Улучшение репутации (больше доверия/выше ценность «торговой марки») Увеличение вероятности будущих партнерств
Профессионалы в сфере проектирования	Повышение обеспеченности работой и повторные заказы от качественных, стабильных клиентов	Рост профессиональной репутации
Инвесторы (долгосрочные)	Повышение дохода от аренды Повышение номинальной стоимости активов Снижение эксплуатационных расходов Конкурентоспособность в глазах инвесторов	Поддержание ценности/дохода Снижение эксплуатационных расходов (весь срок жизни объекта) Более высокие ставки перепродажи Долгосрочные, качественные арендаторы
Менеджеры		Простота эксплуатации в случае использования качественных материалов
Арендаторы		Более счастливая рабочая сила (улучшение рекрутинга и удержания на рабочем месте) Повышение продуктивности Рост доверия среди клиентов и в деловой среде Меньше деструктивных действий Лучшая доступность других типов пользования/объектов благоустройства Снижение расходов на безопасность Повышение престижа для жителей Снижение эксплуатационных расходов (электроэнергия)
Общественные интересы (по таблице 1)	Потенциал для регенерации (привлечение других проектов застройки) Уменьшение диссонанса между государственным и публичным сектором	Снижение государственных расходов (на здравоохранение/борьбу с преступностью/менеджмент и эксплуатацию городских пространств) Повышение экономической целесообразности для смежных типов пользования/возможностей развития Повышение налоговых сборов Устойчивая среда

Интересы сообщества (по таблице 2)	<p>Выше уровень безопасности, ниже уровень преступности</p> <p>Оживление культурной жизни</p> <p>Меньше загрязнений (лучше здоровье)</p> <p>Меньше стресса (лучше здоровье)</p> <p>Повышение качества жизни</p> <p>Более инклюзивные общественные пространства</p> <p>Более справедливая/доступная среда</p> <p>Население гордится местом, где оно живет (ощущение сообщества)</p> <p>Появление индивидуальной атмосферы</p> <p>Выше цены на недвижимость</p>
------------------------------------	---

Таблица 6. Затраты на качественное градостроительное проектирование

Заинтересованные стороны	Краткосрочные ценности (социальные, экономические и экологические)	Долгосрочные ценности (социальные, экономические и экологические)
Землевладельцы	Потенциал для падения стоимости земельных участков	
Спонсоры (краткосрочные)	Повышение рисков в случае повышения стоимости строительства Повышение затрат на инфраструктуру (общественные пространства и социальная инфраструктура)	
Застройщики	Выше затраты на строительство Выше затраты на проектирование	
Профессионалы в сфере проектирования	Требуется больше времени на проект (не всегда отражается в гонорарах)	
Инвесторы (долгосрочные)		Выше инвестиции в основной капитал Постоянная ответственность частного сектора за общественные и частные пространства
Менеджеры		В случае смешанной застройки необходим комплексный менеджмент
Арендаторы		Выше арендная плата Выше зарплата менеджеров Выше коммерческие ставки
Общественные интересы (по таблице 1)		Риск того, что проекты застройки не будут осуществлены из-за того, что стандарты проектирования слишком высокие
Интересы сообщества (по таблице 2)		Застройка, не доступная для определенных социальных групп

Что мешает повышению ценности

Измерение «добавочной ценности» качественного градостроительно-го проектирования — лишь отправная точка для осуществления качественного проекта, учитывая многочисленные препятствия на пути его осуществления. Важная часть исследования состояла в том, чтобы понять эти препятствия.

Таблица 7. Принятие решений по градостроительному проектированию: ключевые факторы (по RICS & DoE, 1996)

Заинтересованные стороны	Ключевые факторы
Застройщики	<ol style="list-style-type: none">1. Требования, предпочтения и вкусы инвесторов и арендаторов отражаются в ценах, которые они готовы платить за удовлетворение своих потребностей.2. Потребность быть гибким, чтобы реагировать на меняющийся рынок, который отличается циклическим поведением и медленным процессом производства, что связано с высокой стоимостью основного капитала.3. Необходимость иметь продукт, который можно создать с имеющимися техническими и финансовыми ресурсами, в приемлемые сроки и с приемлемым возвратом на капитал.4. Визуальные характеристики недвижимости на продажу или под аренду, которые будут зависеть от сегмента рынка, на который ориентирован объект, а также от имиджа конкретной территории (например, необходимо создать новый имидж объекта недвижимости), от культурных факторов и от общей ситуации на рынке недвижимости.5. Эксплуатационные затраты, которые могут повлиять на цены и аренду.6. Сроки проекта и их связь с циклами рынка недвижимости, которые определяют спектр альтернатив, которые есть у инвесторов и арендаторов; степень успешности будет зависеть от имиджа или объективных качеств объекта недвижимости.7. Роль элементов проекта и «имиджа» в урегулировании возможных конфликтов в ведении переговоров с градостроительными учреждениями и в привлечении общественной поддержки. Это связано с потребностью снизить уровень неопределенности и задержки в получении согласования.
Инвесторы	<ol style="list-style-type: none">1. Уровень доходности на вложенные средства от арендной платы и стоимости капитального имущества.2. Признание объекта недвижимости «хорошими» потенциальными арендаторами с высокой кредитоспособностью.3. Возможность адаптировать объект недвижимости под потребности «хороших» арендаторов сейчас и в будущем, таким образом гарантируя стабильный доход от аренды.4. Признание объекта недвижимости другими инвесторами, благодаря чему объект можно перепродать лицу со схожими взглядами на инвестиции. Это означает, что качество проектирования должно напрямую отражаться в эффективности капиталовложений на протяжении жизненного цикла объекта и в момент продажи.5. Состояние и перспективы инвестиционного рынка: экономическая стабильность и сильная конкуренция на рынке способствуют созданию добавочной ценности проектирования. В краткосрочной перспективе качественное проектирование работает на «разнообразии продуктов» и таким образом дает объекту преимущество. В долгосрочной перспективе качественное проектирование может означать повышенную эффективность капиталовложений и лучшие цены перепродажи (Vandell & Lane, 1989; Property Council of Australia, 1999). Слабый или нестабильный рынок препятствует дополнительным инвестициям в качество, поскольку они могут не принести доход.

6. Состояние и перспективы рынка аренды: это связано с вероятным спросом на качество проектирования со стороны арендаторов. Как показал период конца 1980-х — начала 1990-х, на затоваренном рынке с падающими арендными ставками владельцы недвижимости с качеством выше среднего имеют больше шансов найти хороших арендаторов. На рынке, испытывающем дефицит предложения, где у арендаторов выбор небольшой, в определенных рамках любая недвижимость среднего качества покажет хорошие результаты.

7. Способность управлять средой, куда вложены инвестиции. Это связано с желанием инвесторов ограничить влияние негативных внешних факторов и конвертировать благоприятные факторы в финансовый доход.

Арендаторы

1. Месторасположение: наличие рынков, потребителей, поставщиков, транспортного сообщения и т.п.
2. Затраты на пользование недвижимостью, которые включают арендную плату и эксплуатационные расходы. Относительная важность этого фактора будет зависеть от динамики рынка аренды недвижимости, потребления электроэнергии и т.п. (например, низкая арендная плата может сопровождаться высокими эксплуатационными расходами и наоборот).
3. Функциональность — означает способность объекта недвижимости соответствовать необходимой технологической инфраструктуре, природе работы арендатора и его практикам управления. В идеале недвижимость должна способствовать повышению эффективности работы.
4. Имидж или соответствие недвижимости корпоративной идентичности компании.
5. Гибкость — динамическое дополнение к «функциональности». Недвижимость должна максимально быстро адаптироваться к изменениям в инфраструктуре, природе работы и практиках управления.
6. Взаимосвязи между сотрудниками и организацией. Согласно проведенным исследованиям, качественно спроектированные пространства помогают сохранить ключевых сотрудников, упростить поиск новых сотрудников, улучшить отношения на рабочем месте и даже повысить корпоративный дух (Duffy, 1999).
7. Проектирование потенциально может повысить продуктивность ключевого бизнес-процесса через влияние на качество жизни и эффективность сотрудников, эффективное использование пространства, снижение эксплуатационных расходов и выстраивание более эффективных связей с потребителями, поставщиками и вообще внешним миром.

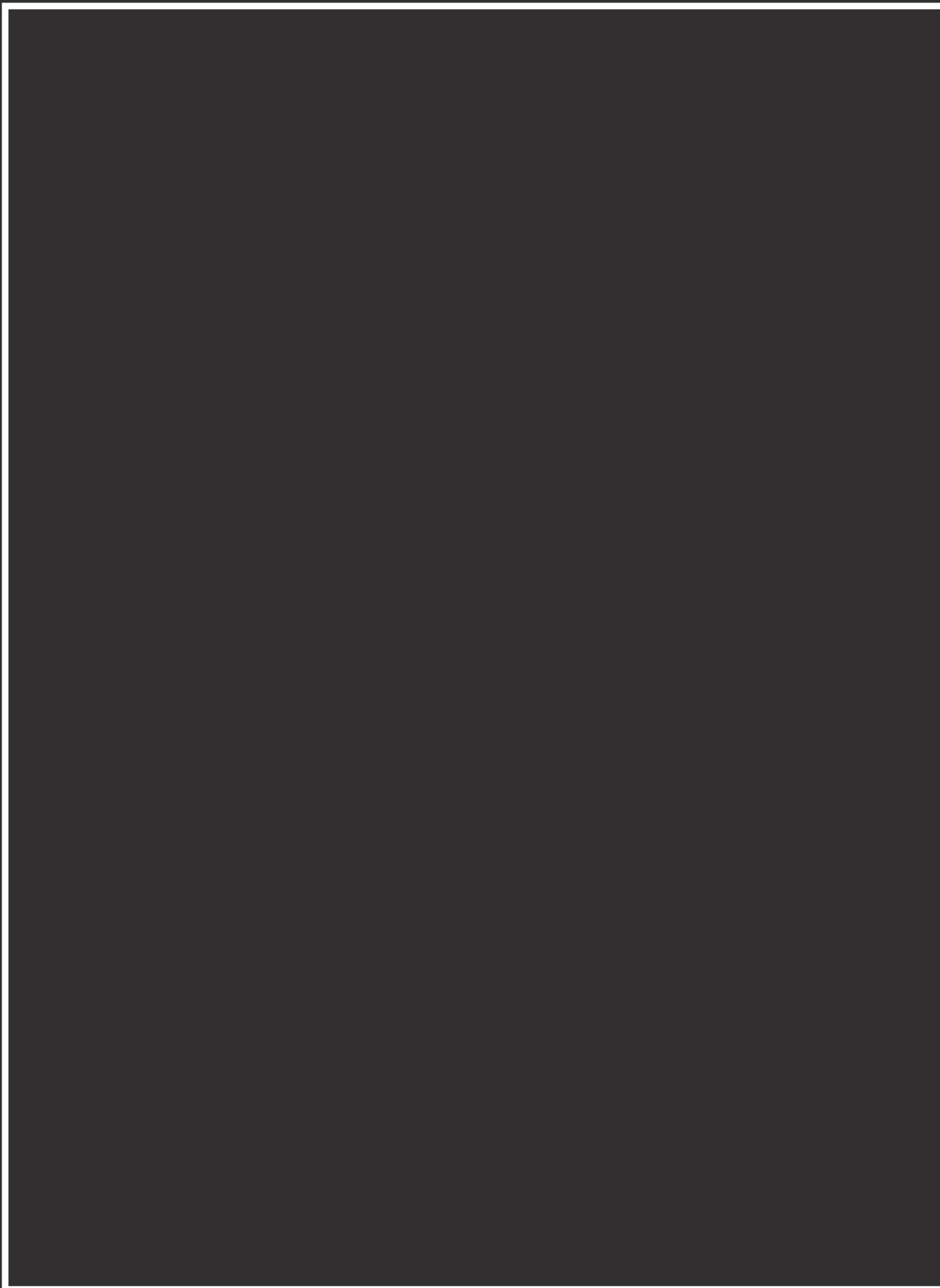
Препятствия на пути реализации качественного градостроительного проектирования могут быть разными для разных заинтересованных сторон, так же как причины инвестирования в качество проектирования будут разными для застройщиков, арендаторов и властей. Возможные препятствия будут отличаться от региона к региону, поскольку они зависят от контекста, рынка, политики и имеющихся ресурсов. Тем не менее представляется возможным определить ряд самых распространенных препятствий:

- Инвесторы и арендаторы недостаточно осведомлены о градостроительном проектировании, хотя могут и воспринимать качество проектирования как важный фактор успеха своих проектов. Результаты исследований подтверждают, что на разных секторах рынка существует разный уровень осведомленности (например, предприятия розничной торговли больше осознают важность градостроительного проектирования, чем офисные пользователи).
- Недостаток информации о предпочтениях потенциальных арендаторов и инвесторов, особенно в случаях спекулятивного строительства. Это усиливает риск отклонения от стандартов качественного проектирования в пользу более «безопасных» вариантов.
- Сроки проекта строительства и их соотношение с пиками и спадами рынков недвижимости и инвестиций, что повлияет на воспринимаемый риск и на отношение к инвестированию в качественное градостроительное проектирование.

- Небольшие, разрозненные проекты с меньшей вероятностью будут заниматься проблемами создания атмосферы места. В таких проектах инвесторам сложнее уловить все внешние факторы, которые влияют на аренду и стоимость капитального имущества.
- Высокая стоимость земли может снизить размер прибыли и сделать невозможными инвестиции в качество, особенно учитывая, что цены рынка недвижимости меняются очень медленно.
- Фрагментированное землевладение может увеличить сроки и уровень неопределенности проекта застройки и привести к фрагментированному градостроительному проектированию.
- Агрессивные отношения между застройщиками и государством увеличивают сроки строительства и тем самым повышают уровень неопределенности и риска.
- Экономическая среда: если она отличается высоким уровнем инфляции и высокими процентными ставками (частый случай в Великобритании с 1960-х годов), она может привести к более краткосрочным инвестициям и снижению уровня инвестиций в проектирование.
- Отсутствие выбора. Ограниченное предложение недвижимости нужного качества может снизить приоритетность качественного проектирования в глазах арендаторов; если в нужном им месте нет качественных пространств, арендаторы выберут недвижимость худшего качества.
- Краткосрочное планирование. Структура рынка капитала с горизонтом планирования от трех до пяти лет не позволяет бизнесу заниматься долгосрочным планированием, необходимым для качественного градостроительного проектирования.
- Отношение к затратам. Арендаторы полагают, что, невзирая на множество достоинств качественного проектирования для общества, именно им придется платить за эти достоинства в виде более высокой арендной платы, эксплуатационных расходов и коммерческих расценок.
- Методы принятия решений. Многие из самых важных решений принимаются не урбанистами и инженерами, а людьми, которые вообще никак не связаны с градостроительным проектированием (например, службой контроля качества и бухгалтерами).
- Реакционные подходы к градостроительному проектированию у местных властей и непонимание связи городской регенерации и качественного градостроительного проектирования.
- Низкий уровень навыков градостроительного проектирования у всех участников проекта строительства.

Для всех заинтересованных сторон препятствия на пути к инвестированию в качественное проектирование могут меняться. Рынки недвижимости развиваются циклично, и поэтому меняются отношения между вовлеченными сторонами. На «рынке аренды недвижимости» потребности арендаторов в качественном пространстве напрямую влияют на то, что делают застройщики и что покупают инвесторы. На «рынке застройщиков» арендаторам приходится брать то, что им предлагают. При этом меняется не только иерархия внутри рынка. Меняется и власть сторон в рамках переговоров, меняются лица, которые оплачивают эксплуатационные расходы, меняются внешние факторы, которые влияют на строительство (Guy, 1998).

Препятствий на пути к качественному градостроительному проектированию много, и они требуют комплексных решений. Демонстрация того, что качественное градостроительное проектирование создает добавочную ценность, может стать необходимой мотивацией для преодоления рыночных, политических и компетентностных сложностей, которые стоят на пути улучшения качества градостроительного проектирования.

принципы

принципы проектирования общественных пространств

ВВЕДЕНИЕ

Площадь в средневековом городе, или пьядца, часто была его сердцем, местом для жизни и встреч на открытом воздухе. На ней располагался рынок, проводились празднования и казни. Там же можно было услышать последние новости, купить еду, набрать воды, поговорить о политике или просто насладиться праздным времяпрепровождением. В самом деле, трудно представить существование средневекового города без пьядцы, или городской площади. В некоторых странах общественные места под открытым небом по-прежнему служат важной площадкой, на которой граждане демонстрируют поддержку тому или иному движению за политические изменения. Важно отметить, что в конце 1980-х и в 1990-х почти каждая важная демонстрация в поддержку политических перемен в Восточной Европе, Прибалтике и Китае проходила на улицах и главной площади одной из столиц.

Как отмечают некоторые исследователи, в Северной Америке характерный для современности приоритет частной жизни ведет к тому, что роль центрального общественного места отходит в прошлое (Chidister, 1988). То, что осталось, — разобщенные, не связанные друг с другом городские площади, или плазы, которые используются преимущественно одной социальной прослойкой — офисными работниками, причем только по рабочим дням в течение часового обеденного перерыва. Чайдистер утверждает, что использование таких пространств не имеет постоянного значения для общественной жизни, а использование площади представляет собой лишь одно из «событий» в отлаженной как часы личной жизни большинства пользователей — по иронии судьбы исключение составляют бездомные, которые часто живут в таких местах. Однако другие полагают, что активное использование таких мест, как Фанел-Хол в Бостоне и Харбор-Плейс в Балтиморе, подтверж-

дает наличие живого интереса к общественной жизни (см., например, Crowhurst-Lennard & Lennard, 1987).

Исторические прецеденты городской формы необходимо принимать во внимание — это доказано в теории и на практике. Однако прецедентам, описывающим функционирование города или связь между формой и функцией, уделено гораздо меньше внимания.

И действительно, большинство людей больше не ходят на рынки под открытым небом, чтобы купить еду, не идут к общему источнику за водой и не посещают центральный рынок, чтобы послушать новости, зачитываемые городским глашатаем. Они общаются за надежными стенами своих домов, где им доступно все — от воды и электричества до новостей, почты, рекламы и даже работы, связанной с компьютером. По этой самой причине многие люди, на наш взгляд, жаждут окунуться в общественную жизнь, хотя, возможно, и лишь на короткое время обеденного перерыва. Плаза в офисном районе, несомненно, не является средоточием жизни города, каким когда-то была пьядца, но становится ли ее роль в современной жизни менее значимой от этого? Член городского совета Лос-Анджелеса Майкл Фивер отмечает: «В таком обширном городе, как Лос-Анджелес, мы слишком часто ведем анонимную жизнь в изоляции, прикованные к нашим автомобилям. Существует потребность быть пешеходом. Люди ищут способ выбраться из своих автомобилей и жить по-человечески в центре города» (Morgan, 1996: 59).

Подобно тому как большинство видов деятельности, происходивших дома, — работа, образование, а также обряды брака, рождения и смерти — перебрались в специализированные места, общественные функции центральной площади — покупки, выступления, спортивные мероприятия, встречи — также были перенесены в специализированные места: торговые центры, амфитеатры, стадионы, отели и конференц-залы, районные парки и школьные дворы. Общественная жизнь не столько исчезла, сколько трансформировалась. Хотя можно жаловаться на то, что общественные и полуобщественные места превратились теперь в особые территории для людей разных возрастных групп: школьный двор; место, где собираются подростки; кампус колледжа; теннисный клуб; дом для пожилых граждан — или различных этнических и культурных групп: игровая площадка для латиноамериканцев; торговый центр для яппи; парк, куда приходят в основном геи, такая специализация по функции и группам пользователей (кто-то назвал бы это фрагментацией) — факт современной жизни в городах Северной Америки. Площадь средневекового города или итальянская пьядца не могут служить образцом распределения функций, который можно было бы скопировать, однако у них есть чему поучиться с точки зрения форм — например, отношению высоты к ширине, ощущению огороженного пространства и элементам обустройства, способствующим их более оптимальному использованию. Сан-Франциско не Сиена, и глупо было бы надеяться, что исторические формы, воспроизведенные в условиях современной децентрализованной городской застройки, породят богатую и разнообразную общественную жизнь, характерную для плотно населенного и высокоцентрализованного средневекового города.

В Северной Америке сильна ностальгия по общественной жизни, и многие авторы утверждают, что ее упадок — недавнее явление (Sitte, 1889; Arendt, 1958; Sennett, 1978; Bellah, Madsen, Sullivan et al., 1985). Майкл Брилл (1989) считает, что этот упадок не столько утрата общественной жизни, сколько ее трансформация в различные формы и про-

странства, которая происходит на протяжении последних трехсот лет как в Европе, так и в Северной Америке. Брилл полемизирует с теми дизайнерами и планировщиками городских пространств, которых он называет «евроурбанистами». Они считают, что общественная жизнь происходит исключительно на улицах, площадях и в парках, и ориентируются на европейские модели (в особенности на площадь Святого Марка в Венеции и Пьяцца-дель-Кампо в Сиене) как на образцы для подражания. Брилл пишет: «общественная жизнь американцев сейчас богаче и разнообразнее, чем способны представить или допустить евроурбанисты. Однако она не очень походит на ту многолюдную и социально разнообразную жизнь, которой жаждут евроурбанисты или которую рисуем себе мы в наших романтических мечтаниях, поскольку такая публичная жизнь не была в полной мере перенесена на нашу почву, довольно часто принимая форму, характерную исключительно для Северной Америки. У нас не было достаточной плотности населения, чтобы она возникла, физических форм, которые могли бы послужить ее проявлением, и социально-экономической структуры, которая могла бы поддержать ее» (Brill, 1989: 14–15).

Последнее предложение особенно важно. Слишком многие общественные места в Соединенных Штатах, которые не пользуются особенной популярностью, были слепо скопированы с европейских образцов без понимания того, что их успех в Европе в значительной мере обусловлен их соседством с многофункциональными территориями и напрямую связан с исторической значимостью. Например, площадь у здания мэрии Бостона (City Hall Plaza), скопированная с Пьяццы-дель-Кампо Сиены, — одно из наименее используемых общественных пространств в городе, которое явно было спроектировано для решения архитектурных задач, а не для создания комфортного пространства для людей. «Хотя огромное центральное пространство этой площади хочется заполнить людьми и событиями, город не предпринимает значительных усилий, помимо организации летних концертов, чтобы загрузить ее мероприятиями, способными оживить ее... Жители Бостона получили лишь неудобное пространство, которое им приходится преодолевать по дороге в другое место» (Carr, Francis, Rivlin & Stone, 1992: 91).

Общественная жизнь в Соединенных Штатах полна и насыщена, она принимает такие формы и протекает в таких местах, которые не признает большинство евроурбанистов: на блошиных рынках, в районных садах и на фермерских ярмарках; в объединениях жителей квартала, на профессиональных конференциях и в родительских комитетах; в торговых центрах, на уличных художественных выставках, карнавалах и уличных ярмарках; в интерактивных радиопрограммах и в интернете (Brill, 1989). По большей части она происходит в маленьких городах, районах и пригородах и не соответствует типичной для евроурбанистов модели многолюдной общественной жизни, проживаемой по большей части на улице, площади и в парке. «Факт в том, что мы предпочли не жить кучно, что является главным принципом общественной жизни евроурбанистов. Если сравнивать плотность населения в США с аналогичным показателем тех стран, чьей общественной жизнью восторгаются многие, то во Франции число жителей на квадратную милю в 4 раза выше, в Италии — в 8 раз, в Великобритании — в 10, а в Голландии — в 15 раз» (Brill, 1989: 17).

В наших городах коммерческие заказчики сменяют общественные и государственные организации в роли спонсоров «праздничных ярма-

рок», пользующихся большим успехом. Начиная с площади Гирарделли в Сан-Франциско, в городах по всей Северной Америке (а позднее и в Европе) появился новый вид полуообщественного пространства, сопряженный с бутиками, кафе и специализированными магазинами. Некоторые последователи урбанизма выступают против этой тенденции. По их мнению, такие места доступны лишь тем, у кого есть деньги. Ближе к истине то, что многие не тратят (много) денег, а приходят лишь затем, чтобы посмотреть на витрины или посидеть и понаблюдать за людьми.

Нет никакого сомнения в том, что подобные места смогли оживить целые городские районы — например, Харбор-Плейс в Балтиморе, Саут-Стрит-Сипорт на Манхэттене, Фанел-Хол в Бостоне и Ковент-Гарден в Лондоне. Для городских подростков эти оживленные торговые районы стали как минимум так же привлекательны, как и торговые центры. Возможно, они являются современной версией уличного рынка. Хотя формально их нельзя назвать общественными местами, эти торговые районы, несомненно, доступны для многих и пользуются большой популярностью.

Роль подобных пешеходных пространств в городе не ограничивается их эстетической привлекательностью или возможностью провести время на свежем воздухе. Как полагает психотерапевт Джоанна Поппик, время, проведенное в уличном кафе или на оживленной торговой улице, не просто позволяет приятно развеяться. Это необходимый элемент полноценной городской жизни. По ее мнению, в значительной мере страх и недоверие городских жителей напрямую связаны с нехваткой открытых общественных пространств, где есть возможность для взаимодействия между различными группами. «Если мы не выходим из дома, то заполняем свою голову фантазиями на основе телевидения и собственных страхов». И наоборот, «выходя в реальный мир, вы видите людей как они есть: разного возраста, различных рас, состоящих в различных отношениях, которые можно наблюдать своими глазами» (Morgan, 1996: 59). Такие встречи создают чувство общности и терпимости, которые, в свою очередь, становятся основой для активной городской жизни в условиях растущего разнообразия и мультикультурности окружающего мира.

В офисных районах в центре города частные девелоперы, обычно корпорации, также приходят на смену государственным ведомствам, испытывающим нехватку финансов, — и строят городские плазы. Эта тенденция, в значительной мере обусловленная льготами, которые позволяют строить здания увеличенной высотности, позволила нашим городам обзавестись уличными пространствами в тех районах, где офисным работникам нужно всего лишь место, чтобы присесть. И хотя эти пространства принадлежат корпорациям и некоторые площади закрыты по выходным (например, Трансамерикан Редвуд Парк в Сан-Франциско), а другие были спроектированы таким образом, чтобы отбить охоту пользоваться ими (например, Ситикорп Плаза в Сан-Франциско), по большей части такие пространства активно используют и ценят. Первые подобные пространства были не особенно привлекательными для пользователей, поскольку им не хватало элементов обустройства и удобства, однако ужесточение норм проектирования в таких городах, как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сиэтл, Кливленд и Чикаго, означает, что теперь в таких местах есть где посидеть, купить еду и расслабиться на солнышке в обеденный перерыв.

Одним из недавних видоизменений стал переезд плазы внутрь здания. В то время как отели «Хаятт» Портмана и здание Фонда Форда устанавливают моду на проектирование внутренних фойе и атриумов в стиле уличных помещений, в некоторых городах корпорации размещают в фойе зданий места общественного пользования, которые они должны обустроить по условиям соглашений об увеличении высотности зданий. Соавтор этого текста Каролин Фрэнсис в 1988 году отмечала: «Частный атриум под крышей стал почти стандартным атрибутом новых корпоративных офисных зданий, особенно в Нью-Йорке. Основной упрек в адрес этих пространств состоит в том, что они не являются по-настоящему общественными, а потому недоступны и не пригодны к использованию. <...> В Торонто и других городах недостаточная доступность атриумов для широкой публики стала одним из важных политических вопросов: различные заинтересованные группы подавали иски, направленные на повышение доступности этих мест» (Francis, 1988: 57).

Важность вопроса о том, что считать общественным и кого можно лишать доступа к публично доступным местам, находящимся в частной собственности, очевидна. Однако не стоит торопиться с выводом о том, что тенденция проектировать атриумы лишена положительных черт. Для некоторых людей — скажем, для пожилых жителей центральных районов — полуобщественный атриум стал привлекательной и безопасной средой с контролируемой температурой, более приятной, чем пространство под открытым небом. Проблемы возникают, скорее, в тот момент, когда подобное место приобретает такую популярность, что одна группа — например, пожилые люди с небольшим достатком — становится доминирующим пользователем и руководство решает, что пора выставить их вон. Так произошло в Кристал-Корт в Миннеаполисе: пожилые люди годами использовали его в качестве пространства для отдыха, однако новая управляющая компания вынудила их искать другое место, убрав все сиденья в этом привлекательном атриуме, расположенном в центре города. Протесты пожилых людей, не имеющих особого веса в корпоративной среде, в основном были проигнорированы.

В то же время наличие частного собственника само по себе не отменяет возможности введения одинаковых правил. То, что некие городские пространства формально принадлежат государству, не означает, что на них не могут произойти такие же нарушения. Соммер и Бекер (Sommer & Becker, 1969) писали о перепланировке одного из парков в Сакраменто, преследовавшей цель сделать его непривлекательным для посещавших его пожилых граждан и любителей выпить. Этих изменений добились ездившие мимо представители верхних слоев среднего класса, проживавшие в пригородах, которые надавили на департамент городских парков. К сожалению, такая тенденция сохраняется. В конце 1980-х из проблемных районов выдворяли бездомных, например это происходило в Першинг-Сквер в Лос-Анджелесе и парке Сивик-Сентер в Сан-Франциско. Но те, кто не имеет дома или живет один в стесненных условиях, используют общественные парки как бесплатную гостиную — так было раньше и есть сейчас. В зависимости от расположения парка горожане либо принимают такой способ его использования, либо сопротивляются.

В исследовании Байертса (Byerts, 1970), посвященном парку Макартура в одном из жилых районов Лос-Анджелеса, представлено общественное пространство, которое многие пожилые местные жители исполь-

зуют в качестве гостиной на протяжении дня. Однако перепланировка Першинг-Сквер в Лос-Анджелесе отчасти была вызвана необходимостью уменьшить присутствие бездомных и пожилых посетителей.

В некоторых парках, располагающихся в менее значимых местах, теперь доступны услуги для бездомных, которые раньше могли вызвать неодобрительную реакцию в общественном парке. Например, каждое утро в Народном парке (People's Park) в Беркли Ассоциация католических рабочих раздает бесплатный кофе и сэндвичи длинной очереди бездомных. Аналогичным образом каждую субботу на площади Лафайет в Окленде «матушка» Райт раздает горячий обед всем желающим. Этот городской парк и его функции явно значительно расширились со времен Фредерика Олмстеда. Хотя для кого-то он остается местом для занятий спортом, отдыха, игр и созерцания, для других он стал важным местом встреч и социальным пространством. А для третьих, кто голоден и беден, он стал домом, где можно поесть и поспать.

Хотя спектр социальных и экономических видов деятельности в городских уличных пространствах, возможно, более ограничен, чем в Средневековье, сейчас этот спектр значительно шире, чем он был, скажем, в 1950-м. В то же время при поддержке как государственного, так и частного секторов появляются новые формы открытых пространств. Так, в черте города создаются протяженные маршруты для пешего или велосипедного туризма — например, планируемая тропа Бэй-Сайд и находящаяся на продвинутом этапе строительства тропа Бэй-Ридж в районе залива Сан-Франциско. Районные сады, где на небольших участках жители выращивают овощи, создаются группами соседей на земле, арендованной у частных владельцев или государства. Иногда корпорации выделяют такие участки в офисных парках своим работникам. Вдоль бывших железнодорожных путей или под надземными поездными эстакадами прокладываются популярные беговые и велосипедные дорожки (как правило, представителями государственного сектора). Школьные дворы превращаются из традиционных асфальтовых площадок в школьные парки с лужайками, зонами для пикника и деревьями, а также в «зеленые уголки» с садами, местными растениями и водными сооружениями. Сквозные проезды через улицы закрывают — либо, как в северной Европе, превращают в «пешеходные зоны» (Woonerf), где пешеходы и автомобили имеют равные права, а также в «улицы для пешеходов», где автомобили и доставка транспортом запрещены после 9 утра. Торговые улицы превращаются в моллы под открытым небом. Общественные парковки, пустующие по выходным, превратились в популярные блошинные рынки. Как сообщают СМИ, на всей территории Соединенных Штатов в малых городах растет число фестивалей, фермерских рынков, выставок народных ремесел, марафонов, велопробегов, арт-ярмарок, этнических фестивалей и фестивалей уличной музыки.

В эпоху любительского видео, компьютерных игр и личных хобби актуальны не только общественные места — возрастает важность совершенно новой категории уличных пространств. Речь идет о том, что можно назвать коммунальным пространством, или местом, совместно используемым особой группой, которая пользуется близлежащим специализированным зданием: например, благоустроенные участки, предназначенные для ходьбы, сидения и игр, рассредоточенные по территории жилых комплексов для пожилых граждан; дворы и сады, используемые посетителями, пациентами и работниками больниц; пло-

щадки для уличных игр, обучения и физических упражнений в детских дошкольных учреждениях; а также пространства между зданиями, используемые для отдыха, социальных мероприятий и учебы в школьных и университетских кампусах. В техническом смысле ничто из вышеперечисленного не является общественным пространством. Тем не менее все они участвуют в создании общественной жизни, поскольку дают людям возможность встретиться и поговорить с теми, кто не относится к их близким родственникам. В нашу эпоху высокой мобильности, культурного разнообразия и ускоренного темпа жизни многие предпочитают относительно предсказуемую социальную жизнь своего районного парка, двора кампуса или площади офисного здания встречам с незнакомцами на городской площади.

Мы рассматриваем уличные социальные пространства, устроенные по-разному: принадлежащие государству и доступные для населения (районные парки, мини-парки, некоторые виды плаз); принадлежащие частным компаниям, которые управляют ими, но при этом доступные для общего использования; принадлежащие частным владельцам и доступные только определенной группе пользователей (жителям и работникам домов для пожилых людей, детям и работникам в детских садах, пациентам, работникам и посетителям больниц).

Очевидно, что мы могли бы осветить многие виды пространств, входящих в эти три категории, например районные сады, игровые площадки, улицы, школы старшей ступени, семейное жилье и офисные парки. Мы опустили их или потому, что использованию этих пространств посвящено мало исследований — как в случае с офисным парком или кампусом старших классов, или потому, что о них уже имеется обширная информация в виде книг и руководств по проектированию — как, например, в случае с семейным жильем (Cooper Marcus & Sarkissian, 1986), игровыми зонами (Play for All, 1992), районными садами (Francis, Cashdan, & Paxson, 1981), дорожками, проходящими через зеленые насаждения (Little, 1990), и улицами (Appleyard, 1981; Cehl, 1987; Vernez-Moudon, 1987; Jacobs, 1993). Те виды открытого пространства, которые мы здесь рассматриваем, можно определить следующим образом.

- Районный парк — территория, преимущественно состоящая из зеленых насаждений, представленных травой, деревьями и участками для культивации. Обычно расположена в жилых районах и обустроена для различных видов активного (спорт, игры, ходьба) и пассивного (сидение, загорание, отдых) времяпрепровождения. Конкретное использование зависит от плотности населения и местоположения района.
- Мини-парк — небольшой парк, занимающий от одного до трех участков (иногда называемый «карманным парком»), в основном используемый пешеходами, живущими в данном районе. Используется преимущественно детьми и подростками.
- Городская плаза — пространство с твердым покрытием в центре города, обычно появляющееся с новым высотным зданием. Подобные плазы обычно находятся в собственности и под управлением частных владельцев, однако, как правило, доступны для населения.
- Уличное пространство кампусов — зеленые насаждения и сооружения кампусов, которые могут использоваться для прогулок либо для учебы, отдыха и социального взаимодействия.

- Уличное пространство жилых комплексов для пожилых людей — благоустроенное пространство под открытым небом для прогулок, сидения, созерцания, занятия садоводством и тому подобного, предназначенное исключительно для использования жителями комплексов для пожилых людей.
- Открытая площадка детского сада — игровая площадка на улице в детском саду, обычно с мягким и твердым покрытием, где размещается определенное стационарное и передвижное оборудование для игр. В первую очередь предназначается для детей дошкольного возраста (от трех до пяти лет), однако иногда бывает оборудована зонами для грудных детей, малышей, начинающих ходить, и школьников.

Уличное пространство больниц — двор, сад, патио или парк, относящиеся к территории больницы. Такие пространства чаще всего создаются для пациентов, посетителей, работников и иногда для широкой публики. Они выполняют важную социальную и терапевтическую функцию и являются эстетически значимым объектом. Могут иметь твердое или мягкое покрытие либо их сочетание в зависимости от их расположения и предназначения. Также могут быть оборудованы игровыми площадками для пациентов педиатрического отделения.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Закон о гражданах США с ограниченной трудоспособностью

Самым значимым изменением в сфере создания общественных пространств за последние годы стал Закон о гражданах США с ограниченной трудоспособностью (ADA), принятый в 1990 году. В целях расширения на людей с ограниченной трудоспособностью мер комплексной защиты, предусмотренных Законом о гражданских правах от 1964 года, ADA запрещает дискриминацию посредством распоряжений, касающихся занятости, общественного транспорта, систем связи и мест общественного пользования. ADA расширяет законодательные нормы, введенные Законом об обеспечении возможности передвижения инвалидов архитектурными средствами (Architectural Barriers Act) и федеральными типовыми стандартами доступности, чтобы защитить людей с ограниченными возможностями во всех общественных сооружениях и программах, независимо от наличия федерального финансирования. Эти нормы распространяются на такие сооружения, как кино-

театры, розничные магазины, рестораны, медицинские и юридические заведения и больницы.

Этот всеобъемлющий закон, нацеленный на повышение доступности всех аспектов общественной жизни, уже вызвал радикальные перемены в использовании дизайна для удовлетворения потребностей людей с ограниченными возможностями. Переместиться по наклонному спуску больше не проблема: доступность, навигация, оборудование и другие элементы разрабатываются как единый объект, который исходит из концепции доступности для всех. Это важное отличие: до ADA проектирование сооружений для людей с ограниченными возможностями в значительной мере отражало концепцию «равенства по рознь». Этот подход так же неуместен в этом случае, как и десятилетия назад — при попытках решить проблему расового неравенства. Концепция универсального дизайна была разработана, чтобы уничтожить это разделение. Ее сторонники выступали за подготовку тщательно спланированного и детального проекта, который удовлетворяет особые потребности людей с ограниченными возможностями и в то же время представляет собой хорошее решение для всех остальных пользователей. Например, приспособление для открытия дверей рычажного типа, которое устраняет необходимость в его захватывании и поворачивании, в действительности легче использовать, чем круглую дверную ручку. Аналогичным образом специалисты в нашей сфере годами отмечали, что такие элементы, как скошенные бордюры, не только удобны для инвалидов колясок, но и значительно упрощают жизнь тем, кто везет детские коляски или небольшие магазинные тележки, идет с чемоданами и т.д. Обычно получается так, что приспособления, предназначенные для удовлетворения определенной потребности или ее разновидности, в конечном итоге оказываются полезны для гораздо более широкого и часто неожиданного круга пользователей.

ADA нацелен на обеспечение равного доступа и равных возможностей в общественном пространстве, которые распространялись бы на всех членов сообщества. Хотя во многих сферах были разработаны специальные руководства по проектированию элементов и сооружений, разъяснение и детализация стандартов продолжатся в ближайшие годы. Тем временем проектировщикам необходимо выполнять существующие требования, а также соблюдать стандарты строительных работ, нормы безопасности и территориальные ограничения. Нами не предпринимается попытка подробно описать что-либо из этих пунктов, и, несомненно, все практикующие специалисты имеют доступ к необходимым публикациям. Мы, однако, хотим выразить искреннюю поддержку целям ADA и призвать проектировщиков использовать все доступные им средства, чтобы находить уместные решения для вопроса доступности — и делать это самым изобретательным образом.

В наших рекомендациях по проектированию мы действительно ссылаемся на определенные требования ADA в случаях, когда они изложены просто и лаконично (например, требования к поручням). В тех случаях, когда рекомендованы сооружения, подпадающие под несколько требований ADA, мы предлагаем читателю ознакомиться не только с самим законом, но и с каким-либо видом рекомендаций по проектированию — например, с превосходными руководствами, опубликованными MIC Communications («Список задач для обеспечения доступности: система оценки зданий и уличных сооружений, опросные формы»

и соответствующее «Руководство пользователя», Coltsman, Gilbert & Wohlford, 1993, a&b).

Преступность и безопасность

Опасения по поводу уязвимости для преступных действий — и меры по обеспечению личной безопасности — всегда были важным элементом проектирования, использования общественных пространств и управления ими: они стали одними из главных факторов развития городов в древности. В последние годы этим моментам уделяется все большее внимание.

Как поспешили отметить политики, не преминув воспользоваться этим для накопления политического капитала, общественные опросы показывают, что страх перед преступниками и опасения за собственную безопасность — одна из постоянных и наиболее актуальных проблем на всей территории США и в большинстве регионов мира. Закрытые жилые комплексы, число которых растет как в богатых пригородах, так и в бедных районах, страдающих от гнета преступности, квазиобщественные пространства в пригородных торговых центрах, находящиеся под постоянной охраной, и «потерянные пространства» новых крытых парковок с высокими потолками и ярким освещением — все это отражает страх общества перед преступностью, подогреваемый рынком.

Некоторые статистические данные, казалось бы, демонстрируют снижение числа определенных типов преступлений, однако нельзя отрицать, что преступления против личности сегодня происходят чаще, чем десять-пятнадцать лет назад. Возможно, важнее, что восприятие уровня преступности и опасения за собственную безопасность вынудили многих людей изменить способ использования общественных мест в их районах. Уикерли и Уитцман (Wekerle & Whitzman, 1995: 3) отмечают в своей книге «Безопасные города: руководство по планированию, проектированию и управлению» (Safe Cities: Guidelines for Planning, Design and Management): «Страх перед преступностью заставляет людей не выходить на улицу, особенно после наступления темноты, а также избегать парков, площадей и общественного транспорта. Это значительно затрудняет их участие в общественной жизни города».

Женщин пугает преступность сильнее, чем мужчин, из-за сопутствующего страха сексуального насилия. Одно исследование, проведенное в 26 крупнейших городах США, показало, что вечером в своем районе вдвое больше женщин чувствует себя незащищенными, чем мужчин, при этом о подобном страхе сообщило шесть женщин из десяти. Женщины часто реагируют на страх перед насилием, меняя образ поведения — ограничивая себя в чем-то или отказываясь от чего-то вовсе; иногда эти действия приводят к тому, что они оказываются в социальной изоляции или упускают открывающиеся возможности.

Страх перед преступностью ограничивает женщинам доступ к ресурсам и возможностям — таким, как работа или продолжение обучения. Однако он также сказывается и на пригодности города для жизни, на его жизнеспособности: меньшее число людей выходит на улицы, люди, нуждающиеся в услугах, предлагаемых на улицах, возможно, не пользуются ими, магазины в центре города могут терять покупателей, а рабо-

тодатели сталкиваются с более ограниченным выбором потенциальных работников (Wekerle & Whitzman, 1995: 4).

Наиболее распространенная реакция на городские преступления в Соединенных Штатах — использование жестких мер по поддержанию законности и порядка, в том числе: повышение финансирования полиции, увеличение тюремных сроков для преступников, принудительное выдворение бездомных из общественных пространств и ликвидация мест общественного пользования (например, уборных), а также рост спроса на услуги частной охраны, строительство огороженных жилых комплексов и применение видеонаблюдения. Альтернативный подход состоит в устранении всем известных причин преступности — социальной незащищенности, пренебрежения и дискриминации. В этом могут помочь образование и программы профессиональной подготовки, а также экономическое развитие и создание рабочих мест в регионах, переживающих упадок. К сожалению, подобные обширные системные изменения могут быть реализованы только в рамках долгосрочной стратегии и требуют высокого уровня государственного финансирования, а также координации между многими государственными структурами. Такой долгосрочный подход должен сопровождаться эффективной стратегией реализации конкретных мер.

В то же время нет полной уверенности в том, что использование модели поддержания законности и правопорядка жесткими мерами способно адекватно разрешить существующие проблемы, связанные с насилием. Отсутствуют однозначные доказательства того, что увеличение численности полицейских или ужесточение тюремных сроков ведут к уменьшению преступности, а колючая проволока или ограждения помогают сохранить безопасность людей. «Парадокс в том, что насильственное насаждение правопорядка убивает тот самый город, который оно призвано спасти. Оно усиливает разобщенность и усиливает страх перед „другими“, а это одно из самых вредоносных последствий страха перед преступностью» (Wekerle & Whitzman, 1995: 6).

Существует другой подход к борьбе с преступностью и страхом перед ней, характерный для городских дизайнеров и планировщиков. Подход, который задействует местное сообщество. Он нацелен на выстраивание партнерских отношений между властями и гражданами, чтобы обнаруживать в городе места с проблемами безопасности и внедрять непосредственные решения точно. Подход в рамках концепции безопасного города предусматривает превентивные социальные меры и физические изменения, а также использует проблемы с безопасностью в городе в качестве катализатора для расширения прав представителей местного сообщества и реализации социальных перемен.

Национальные проекты «Безопасные города» в Великобритании и Европе служат центрами сбора и обработки информации, а также применяются для оценки проектов и распределения национальных ассигнований на местах. Хотя аналогичная работа в Соединенных Штатах и Канаде пока не вышла на национальный уровень, существует множество проектов на уровне города, которые можно назвать соответствующими концепции «Безопасных городов». В их рамках проводится физическое благоустройство — строительство нового жилья, дорожные работы и защита пустующих зданий, а также реализуются социальные инициативы, в том числе семейное консультирование, создание летних рабочих мест для молодежи и разработка предложений по организации сотрудничества с представителями местных сообществ и полицией.

Необходимость в таком типе местных инициатив особенно остро назрела в районах, где проживают наименее обеспеченные слои населения: здесь необходимо создавать места для проведения досуга. Неожиданная статистика, приведенная в статье «Вылечим наши города» (Trust for Public Land, 1994), указывает на явную взаимосвязь между подобными возможностями и снижением уровня преступности.

Один из подходов к борьбе с городской преступностью, который связан с проектированием благоустроенной среды и управлением ею, известен как «Предотвращение преступлений посредством проектирования окружающей среды» (CPTED). Он появился с выходом книги под идентичным заголовком (Jeffery, 1971) и книги Ньюмана «Защищенное пространство» (Newman, 1972). Этот подход, основанный по большей части на концепции территориальности и естественного наблюдения, приобрел официальный статус в 1980-х, когда его стали преподавать в Университете Кентукки с выдачей диплома по завершении соответствующего курса. Также этот подход стали использовать полицейские и частные консультанты по безопасности. CPTED часто представляют как простой и легкий в использовании метод, согласно которому меры по предотвращению преступлений представляют собой в первую очередь задачу проектирования с четкими решениями. Критики этого подхода отмечают, что он часто не учитывает социальные и управленческие факторы, что его базовые концепции берут за основу жилые районы для граждан с низким уровнем дохода, а также со средней и высокой плотностью населения — и больше соответствуют этим типам общественных пространств. Кроме того, отмечается, что этот подход часто ориентирован на единовременные изменения, а не на долгосрочную стратегию снижения уровня преступности.

Концепция «Безопасных городов» часто включает в себя элемент CPTED, однако акцент при этом смещается на управление стрессовыми ситуациями и предотвращение преступлений на уровне районных сообществ в сочетании с физическим благоустройством. Уикерли и Уитцман отмечают: «Отличительной чертой программ «Безопасных городов» является то, что решения разрабатываются в индивидуальном порядке для локальных проблем. Сообщества и граждане получают статус экспертов по городскому насилию в собственной повседневной жизни и рассматриваются как наиболее подходящие авторы решений» (1995: 11). За счет выстраивания отношений между населением и частным сектором, а также между различными местными общественными группами, полицией и местной администрацией в ходе работы по выявлению проблем и применению решений происходит укрепление местных сообществ и расширение прав граждан, создается фундамент для будущих эффективных инициатив на местах. Мы чрезвычайно поддерживаем такой индивидуальный подход и стремление привлечь население к этой работе, а также считаем его подходящим для выполнения всего спектра задач проектирования и решения проблем с безопасностью.

Одна из трудностей, с которой сталкиваются авторы проектов, направленных на сокращение возможностей для совершения преступлений и устранение чувства уязвимости, состоит в необходимости найти баланс между взаимоисключающими задачами. Типичный случай — превалирование необходимости ясного обзора над эстетическими задачами: например, ограда для парковки, сделанная из проволочной сетки, дает возможность обзора, в отличие от сплошной живой изгоро-

ди, оставляющей более приятное визуальное впечатление. Естественно, каждую ситуацию необходимо оценивать как с физической, так и с социальной точек зрения. Желательно при этом посоветоваться с теми, кто пользуется или будет пользоваться данным сооружением. Однако если реальна опасность того, что один из вариантов может привести к нападению или к тому, что уязвимые группы населения (пожилые люди, женщины и т.д.) начнут избегать спроектированного пространства, мы призываем читателей в первую очередь ориентироваться на безопасность. Какой прок от красивого проекта, если никто не решится им воспользоваться?

Некоторые наши рекомендации касаются проблем с безопасностью, и мы старались, чтобы ни одна из них не противоречила важнейшим мерам предосторожности. Подводя черту, можно сказать, что проектировщик должен убедиться: ни один из принятых вариантов не угрожает безопасности в угоду концептуальным идеалам проектирования.

Общие опасения

Хотя настоящий текст посвящен особым видам открытых пространств и содержит рекомендации по проектированию, мы обращаем внимание читателей на дополнительное издание, написанное нашими коллегами, которое освещает ту же тему с другого ракурса. Книга «Общественное пространство», авторами которой выступили Стивен Карр, Марк Фрэнсис, Лианна Дж. Ривлин и Эндрю М. Стоун, представляет собой широкий обзор общественного пространства и общественной жизни и содержит историческую хронику «эволюции общественного пространства», а также проницательный анализ потребностей, прав и смыслов в общественном пространстве. Основная идея состоит в том, что общественные пространства должны быть адаптивными — проектироваться и управляться таким образом, чтобы служить потребностям их пользователей; демократичными — быть доступными для всех групп населения и обеспечивать свободу действий; значимыми — позволять людям создавать крепкие связи между таким местом, своей личной жизнью и внешним миром (Carr et al., 1992: 19–20). Мы горячо поддерживаем такое описание хорошего общественного пространства и согласны с утверждением авторов о том, что «проекты, не укорененные в социальном понимании, могут откатиться к относительной определенности геометрических форм, отдавая предпочтение мимолетным веяниям функциональности и смысла. Как дизайнеры, так и их заказчики могут легко спутать свое желание произвести громкое визуальное высказывание с хорошим дизайном. Проектирование общественных мест сопряжено с особой ответственностью за понимание общественного блага и служение ему, что лишь отчасти связано с его эстетическим содержанием» (Carr et al., 1992: 18).

«Места для людей» исходят из богатства общественной жизни в современном индустриальном городе; из убеждения, что успех общественного уличного пространства в значительной мере зависит от его использования; из понимания, что использование и популярность того или иного пространства в значительной мере зависят от его местоположения и нюансов дизайна, и, наконец, из того, что перед нами стоит задача рассказать о связях между проектированием, местоположением

и использованием. Этот текст представляет собой попытку передать это знание в отношении семи типов городских открытых пространств, описанных выше. Он дополняет растущую библиотеку трудов, содержащих рекомендации по городскому дизайну, и представляет собой плод систематических усилий по сведению воедино материалов, появившихся благодаря бурному развитию экологических и поведенческих исследований. Также он стремится представить данные исследования в форме, доступной для понимания и использования заказчиками, пользователями, проектировщиками и управляющими благоустроенных уличных пространств. Для нас эти рекомендации представляют собой предложения, основанные на фактах, а также напоминание о том, что, по всей видимости, оказалось успешным, а что — нет, что пользователи существующих пространств ценят, а что — нет. Наше руководство сформулировано в виде рекомендаций, основанных на данных об эффективности, и не носит характера предписаний. Например, вместо того чтобы заявлять о необходимости определенного типа игрового оборудования, мы напоминаем читателям, чем больше всего любят заниматься дети и какие занятия наиболее важны для их полноценного развития. Проблема не в том, что проектировщикам не хватает креативных идей, а скорее в том, что зачастую у них нет времени на поиск подходящего исследования, основанного на опросах людей. Именно для этого у авторов нашлись время и соответствующая предрасположенность.

Мы надеемся, что наши соображения будут полезны не только при проектировании новых пространств под открытым небом, но и при перепланировке парков, плаз и подобных сооружений, которые больше не удовлетворяют потребностям их потенциальных пользователей из-за изменения тенденций в использовании уличных пространств или демографической структуры близлежащего района. Учитывая ограниченность бюджета и резкое подорожание земли во многих городах, перепланировка городских пространств, возможно, скоро будет не менее важна для ландшафтных архитекторов и городских дизайнеров, чем проектирование подобных пространств на незанятых участках.

Большинство изученных нами источников если и упоминают пользователей вообще, то исходят из предположения, что все они трудоспособны, относительно молоды и относятся к мужскому полу. Мы исходим из того, что общественные места должны быть доступны для всех, и любые исключения, отраженные в нюансах проектирования, — по признаку физических возможностей, пола, культурной или этнической принадлежности — недопустимы.

Однако лишь немногие исследования посвящены культурным или этническим различиям в использовании уличных пространств. Мы надеемся, что наша книга побудит наших американских читателей, в частности имеющих отношение к академической среде, к проведению новых исследований, посвященных оценке результатов использования общественных мест, особенно в связи с этническими, культурными и гендерными различиями. В этой важной сфере качественно подготовленная курсовая или дипломная работа могут стать полезным и оригинальным вкладом.

Обращаясь к нашим зарубежным читателям, мы осознаем, что настоящий текст посвящен североамериканским реалиям и содержит недостаточно кросс-культурных сравнений. Это объясняется редкостью источников, из которых их можно подчерпнуть. Мы надеемся, что реко-

мендации, примеры из практики и методы исследования, описанные нами, побудят других провести собственное исследование и получить результаты, относящиеся к культурным и климатическим условиям в их частях света.

Читатель поймет, что многие из практических примеров относятся к району залива Сан-Франциско. Ввиду относительной редкости исследований уличных пространств и недостаточного финансирования таких работ, авторы во многих случаях использовали практические исследования, проведенные студентами последних курсов Калифорнийского университета Беркли. Эти исследования проводились в виде курсовых или дипломных работ под руководством авторов. Мы посчитали важным включить краткие практические примеры, чтобы познакомить читателя не только с обобщенными выводами и рекомендациями, но и показать их применимость к конкретным местам.

К процессу проектирования или перепланировки мест общественного пользования все чаще привлекаются предполагаемые пользователи или их представители. Рекомендации, выработанные на основе исследований, не могут заменить участие населения. В нашем представлении настоящий текст представляет собой обоснование процесса участия, а не его замену. Если предполагаемые пользователи известны, то они могут быть привлечены к созданию плана проектирования. Часто проще начать с типового плана, чтобы обсудить, с чем согласны или не согласны представители конкретного района или работники детского сада, чем начинать с нуля.

Еще одно опасение может состоять в том, что проекты, созданные по рекомендациям, полученным на основе оценки результатов использования существующих мест, могут привести к штампованию клонов. На наш взгляд, это едва ли возможно. Все дизайнеры стремятся привнести личную интерпретацию в свою работу, и лишь немногие (с полным на то правом) будут строго следовать рекомендациям. Более того, любой конкурс показывает, что один и тот же дизайн-проект (который может учитывать или не учитывать рекомендации, основанные на оценке результатов использования) не ведет к созданию идентичных решений. Аналогичным образом на основе городского руководства по проектированию площадей в центре Сан-Франциско было создано огромное число непохожих проектов, и даже крайне жесткие правила, изложенные в минимальных стандартах строительства Департамента жилищного строительства и городского развития, породили разнообразие стилей построенного доступного жилья — в соответствии с местными и региональными особенностями, климатом, культурой, склонностями проектировщика и другими факторами.

И наконец, следует сказать пару слов о создании нового. Дизайн — это профессия, которая идет рука об руку с инновациями, а в гляцевых журналах и описаниях наград часто упоминаются новые, необычные, полные фантазии, удивительные и неожиданные аспекты дизайнерских проектов. Если дизайнеру поручено спроектировать новый музей, ресторан или модный бутик, у него больше возможностей сломать шаблон и создать что-то неудержимо новаторское. Однако предпочтения широкой публики обычно относительно консервативны в том, что касается жилья и общественных пространств. Возрастные особенности детей и пожилых людей, физические и психологические потребности пациентов больниц крайне важны и должны стоять выше любого желания сотворить пространство, не имеющее себе равных. Поэтому в тех

пространствах, которые описаны здесь, нет постоянной необходимости снова изобретать колесо. В этих местах можно достичь многого, используя принципы, которые уже проявили себя успешным образом где-то еще — следуя методу последовательной доработки, а не тотального изменения.

Изучив все исследования, посвященные пользователям указанных семи типов открытых пространств, мы определили критерии успешности мест, предназначенных для людей. Мы полагаем, что по возможности то или иное место, служащее людям, должно:

- Быть расположено там, где оно легкодоступно и может быть увидено потенциальными пользователями.
- Четко транслировать послание о том, что это место доступно для использования и предназначено для этого.
- Быть красивым и привлекательным как изнутри, так и снаружи.
- Иметь оборудование для занятия наиболее вероятными и популярными видами деятельности.
- Внушать чувство безопасности и защищенности потенциальным пользователям.
- При необходимости обеспечивать отдых от городских забот и улучшать самочувствие и эмоциональное состояние пользователей.
- Соответствовать потребностям группы наиболее вероятных пользователей данного места.
- Привлекать различные подгруппы вероятных пользователей, не позволяя деятельности одной группы мешать занятиям других.
- Создавать среду, физиологически комфортную для использования в часы пиковой нагрузки: в том, что касается солнца, тени, силы ветра и тому подобного.
- Быть доступным для детей и людей с ограниченными возможностями.
- Поддерживать философскую программу, проводимую управляющими такого места, например образовательную программу детского сада или терапевтическую программу в больнице.
- Включать элементы, доступные для воздействия и изменения силами пользователей (например, песочница в детском саду, приподнятые клумбы в домах для пожилых людей, интерактивные скульптуры и фонтаны на городских плазах).
- Предоставлять пользователям — будь то индивидуальные лица или члены некой группы — возможность привязаться к этому месту и заботиться о нем, позволяя им участвовать в его проектировании, строительстве или обслуживании, использовать его для специальных мероприятий или получить временное персональное пространство на его территории.
- Обеспечивать простоту и экономичность обслуживания в типичных ожидаемых пределах для конкретного типа мест (например, за бетонным парком, может быть, и легко ухаживать, но в нем нет того, что ждут от парка).
- При проектировании одинаковое внимание должно уделяться месту как выражению визуального искусства и месту как социальному пространству. Слишком большое внимание к одному из аспектов в ущерб другому может привести к созданию несбалансированного или неполноценного пространства.

В завершение мы повторяем, что нас заботит в первую очередь необходимость стимулировать использование уличных пространств, которые действительно существуют и играют важную роль в жизни многих людей. Мы предлагаем настоящие рекомендации в качестве инструмента для информирования заказчиков, дизайнеров и потенциальных пользователей завтрашних городских пространств для того, чтобы последние стали приятными, удобными, доступными, ободряющими, значимыми и красивыми местами, предназначенными для людей.

библиография

Appleyard, Donald. 1981. *Livable streets*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Brill, Michael. 1989. Transformation, nostalgia, and illusion in public life and public place. In *Public Places and Spaces*, ed. I. Altman and E. Zube, p. 7–29. New York: Plenum Press.

Byerts, Thomas. 1970. Design of the urban park environment as an influence on the behavior and social interaction of the elderly. M. Arch. thesis, University of Southern California.

Carr, Stephen, Mark Francis, Leanne G. Rivlin, and Andrew M. Stone. 1992. *Public Space*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chidister, Mark. 1988. Reconsidering the piazza. *Landscape Architecture*. 76 (1): 40–43.

Cooper Marcus, Clare, and Wendy Sarkissian. 1986. *Housing as if people mattered: Site design guidelines for medium-density family housing*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Crowhurst-Lennard, Suzanne H., and Henry L. Lennard. 1987. *Livable cities*. Southampton, N.Y.: Gondolier Press.

Davis, Mike. 1992. *City of quartz: Excavating the future in Los Angeles*. New York: Vintage.

Francis, Mark. 1988. Changing values for public spaces. *Landscape Architecture*. 78 (1): 54–59.

Lisa Cashdan, and Lynn Paxson. 1984. *Community open spaces*. Washington, D.C.: Island Press.

Garreau, Joel. 1991. *Edge city: Life on the new frontier*. New York: Doubleday.

Geason, Susan, and Paul Wilson. 1989. *Designing out crime: Crime prevention through environmental design*. Canberra: Australian Institute of Criminology.

Gehl, Jan. 1987. *Life between buildings: Using public space*. New York: Van Nostrand Reinhold.

Goltsman, Susan M., Timothy A. Gilbert, and Steven D. Wohlford. 1993a. The accessibility checklist: An evaluation system for buildings and outdoor settings — Survey forms. 2d ed. Berkeley CA: MIG Communications.

1993 b. The accessibility checklist: An evaluation system for buildings and outdoor settings — User's guide. 2d ed. Berkeley, CA: MIG Communications.

Healing America's cities. 1994. San Francisco: The Trust for Public Land.

Jacobs, Alan. 1993. *Great streets*. Cambridge, MA: MIT Press.

Jeffery, C.R. 1971. *Crime prevention through environmental design*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Krier, Rob. 1979. *Urban space*. New York: Rizzoli.

Little, Charles E. 1990. *Greenways for America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Moore, Robin C., Susan M. Goltsman, and Daniel S. la-cofano. 1992. *Play for all guidelines: Planning, design and management of outdoor play settings for all children*. 2d ed. Berkeley, CA: MIG Communications.

Morgan, Lynn. 1996. The Melrose malaise. *Los Angeles Reader*. August 2; 10–14, 59.

Newman, Oscar. 1972. *Defensible space*. New York: Macmillan.

Rossi, Aldo. 1982. *The architecture of the city*. Cambridge, MA: MIT Press.

Sommer, Robert, and Franklin D. Becker. 1969. The old men in Plaza Park. *Landscape Architecture*, 59 (2): 111–113.

Vernez-Moudon, Anne, ed. 1987. *Public streets for public use*. New York: Van Nostrand Reinhold.

Wekerle, Gerda, and Carolyn Whitzman. 1995. *Safe cities: Guidelines for planning, design, and management*. New York: Van Nostrand Reinhold.

глобальный ин- струментарий создания обще- ственных про- странств

аргументы в пользу общественных про- странств

«Глядя в будущее, мы не должны забывать четыре исторических урока успешного городского планирования. В первую очередь правила городского развития должны обеспечивать полноценное включение городских сред в жизнь общества и избегать возникновения изолированных территорий. Во-вторых, примерно половину площади города, включая территорию улиц, площадей, рынков и парков, стоит отдавать во всеобщее пользование. В-третьих, необходима качественно спроектированная сеть общественных пространств, включая уличные, для обеспечения их эффективной взаимосвязи. И наконец, не менее важна разумно спланированная плотность населения и смешанные формы землепользования, чтобы такие факторы производства, как труд, товары и услуги, располагались близко друг к другу» (Доктор Джоан Клос, глава Программы ООН по населенным пунктам ООН-Хабитат).

Эта статья призвана обеспечить сторонникам развития общественных пространств на международном, национальном, городском уровнях или уровне сообществ весомые аргументы, способные поддержать их усилия по увеличению количества, улучшению качества и грамотному распределению общественных пространств в городах.

Наши доводы в пользу общественных пространств:

- Знак цивилизованности города
- Достояние горожан
- Они стимулируют рост доходов, инвестиций и национального благосостояния
- Укрепляют экологическую устойчивость среды
- Повышают эффективность транспортной инфраструктуры
- Делают город более безопасным
- Способствуют установлению справедливости и социальной интеграции
- Делают города доступнее для всех граждан, вне зависимости от пола и возраста
- Создают идеальные условия для формирования гражданской вовлеченности
- Формируют великие города

знак цивилизованности города

Общественные пространства — это места, где люди совершают общедоступные действия: перемещаются с места на место; наслаждаются общественными возможностями культуры и отдыха; посещают другие части города или другие частные территории; ходят по магазинам; встречаются с другими или просто гуляют.

Латинское слово *Civitas* обозначает сообщество, разделяющее одну среду, а *Cives* — это «гражданин». Цивилизованность — это производный термин, характеризующий поведение как гражданина, так и общества. Однако эти явления существуют отнюдь не в вакууме. Как правило, они развиваются в *Urbs* — жилой среде граждан. Качественные общественные пространства могут способствовать цивилизованному поведению, а цивилизованное поведение может формировать качественное общественное пространство. Нигде, как в общественных пространствах. Следовательно, общественные пространства — знак цивилизованности города.

достояние горожан

Процветающий город предлагает разнообразие общественных благ и разрабатывает законы и инициативы, направленные на устойчивое использование «общего достояния» и равный доступ к нему — например, к общественным пространствам. Главный приоритет любого города — стимулировать появление и развитие таких общественных благ, как транспорт, озелененные территории и доступное пространство, и тако-

го «городского достояния», как безопасность, защищенность и участие в политической деятельности по улучшению качества жизни и общего благосостояния. Размер и качество всех общественных пространств в городе в целом — хороший показатель общего благосостояния.

В докладе 2012 года «Состояние городов мира» (State of the World Cities Report) ООН-Хабитат утверждает, что городам необходимо улучшать общественную территорию, развивать общественные блага, укреплять права на «общее достояние» для всех в целях увеличения благосостояния. Это ответ на очевидную тенденцию по концентрированию и замыканию благ и общего достояния в отдельных благополучных зонах или истощению общих благ нерациональным использованием.

Таким образом, общественные пространства в городах заслуживают первостепенного внимания. Они должны служить всем жителям городов, в частности самым уязвимым и непривилегированным группам.

Кроме того, количество и качество общественных пространств — это не данность, а сфера, требующая внимания и заботы. В отличие от частной собственности, общественные пространства принадлежат всем и каждому. Каждое вложение, как частное, так и государственное, в эту сферу приводит к росту общего городского капитала. Общественные пространства — это общий капитал, который мы можем использовать, изменять, дополнять и передавать будущим поколениям.

Однако в докладе ООН-Хабитат 2012 года «Состояние городов мира» утверждается, что заполнение пригородных пространств крупной застройкой низкой плотности и крупными коммерческими аутлетами, а также вторжение на экологически хрупкие территории являются примерами необратимого разрушения ландшафта и ресурсов окружающей среды. Даже столь давно укорененные общественные пространства, как городские парки, находятся под угрозой застраивания. К счастью, реакция общественности на эти угрозы подтверждает, что горожане воспринимают эти пространства как общее благо, наслаждение которым является одной из базовых потребностей и которое необходимо передать следующим поколениям. Не многие сферы жизни могут служить столь же убедительным свидетельством сохранения изначального духа устойчивого развития.

стимул роста доходов, инвестиций и благосостояния

В конечном счете системы общественных пространств могут быть устойчивыми только в том случае, если для их создания, расширения, управления и ухода за ними имеются достаточные ресурсы. Устойчивый приток ресурсов может быть обеспечен только за счет доходов самого города. В свою очередь, эти доходы — обычно в форме налогов —

связаны с экономическим подъемом и ростом цен на недвижимость. Экономический подъем связан с инвестициями, а их объем зависит от таких факторов, как привлекательность города с точки зрения мобильности и безопасности. Это и есть круг благоприятных возможностей общественных пространств.

Общественные пространства создают важные, но зачастую недооцененные преимущества для любых видов предпринимательской деятельности и бизнеса, как официальных, так и неофициальных. В частности, общественные пространства могут выступать в качестве мест, где законным и организованным порядком может осуществляться неофициальная коммерческая деятельность, что дает возможность самым бедным обитателям города заработать средства к существованию. Неформальная торговля может быть урегулированной и законной и проходить как в общественных пространствах, обычно применяемых в других целях, так и на традиционных местных рынках.

КЛЮЧ К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СРЕДЫ

Негативные последствия чрезмерного количества поверхностей с асфальтовыми и другими покрытиями в городах хорошо известны. Парки, сады и детские площадки, при правильном распределении по территории города, срабатывают как необходимое противоядие от этой проблемы, так как открытые и озелененные пространства выполняют жизненно важные для экологии функции.

Хорошо спланированная и покрывающая весь город система общественных пространств способна создать сеть озеленения, которая будет восстанавливать экологические системы и естественную взаимосвязь в окружающей среде (дикой природы, заповедников, водоемов) и поддерживать биологическое разнообразие на территории города. А это, в свою очередь, может создавать разнообразные преимущества для всех горожан и привлекать туристов. Воздействие, которое общественные пространства могут оказывать на экологию, чрезвычайно важно и для смягчения последствий глобального потепления. Город с плотной сетью озелененных территорий и активным управлением этими территориями лучше подготовлен к противостоянию.

Многие города уже оставили далеко позади модель XIX века с индустриальным подходом к общественным пространствам: благодаря распространению урбанистической агрокультуры для жителей городов был налажен местный вариант оборота ресурсов, включающий воду, еду и отходы. Новые возможности позволили горожанам получить опыт в улучшении условий в городских пространствах, а часть жителей получили навыки управления экосистемами в своей повседневной жизни.

эффективность транспортной ин- фраструктуры

Общественные пространства могут снизить трафик, среднее время в пути и количество дорожно-транспортных происшествий. Ведь именно они занимают ключевое место при планировании и распределении потоков различных видов транспорта и смещении акцента на пешеходные и веломаршруты. Одна из первостепенных функций общественных пространств состоит в том, что они позволяют людям перемещаться и получать доступ к различным местам в городе пешком, на велосипеде, мотоцикле, машине или общественном транспорте. Из этого следует, что главная задача городского планирования и управления — согласовать эти зачастую конфликтующие способы передвижения. Хорошо спланированные общественные пространства стимулируют пешеходное и велосипедное движение и способны сформировать для этого безопасную среду за счет снижения скорости и плотности автомобильного потока. Такие концепты, как общие территории и жилые зоны, наглядно показывают преимущества перепланировки улиц для их совместного использования всеми видами транспорта.

влияние на здоровье населения

Качественные общественные пространства позволяют людям проявлять игровую и физическую активность, повышают привлекательность прогулок, являются успокаивающей, снижающей уровень стресса, средой — все это положительно сказывается на самочувствии горожан. Доступ к добротной, содержащейся в хорошем состоянии системе общественных пространств помогает укрепить физическое и ментальное здоровье, вдохновляя людей больше гулять, играть и просто расслабляться на свежем воздухе. Иными словами, открытые пространства — мощное средство против многих недугов. Например, игра является необходимым этапом всестороннего развития детей: от приобретения социальных навыков, испытания, проживания и разрешения пиковых эмоциональных состояний до усвоения моральных принципов, развития когнитивных навыков и, конечно, укрепления физического здоровья. Озелененные общественные пространства позволяют людям быть ближе к природе, что не только положительно сказывается на психическом здоровье, но и дает возможность в условиях города испытать радость взаимодействия с флорой и фауной.

безопасность

Смешанные и отдельные общественные пространства (имеется в виду как то, кто их использует, так и то, как они используются, в какое время, а также их планировка и состояние) создают динамичное и загруженное место, что само по себе защищает его посетителей. Страх преступности и, куда в меньшей степени, сами преступления могут удерживать от посещения даже качественных общественных пространств не только уязвимые группы населения, но и всех остальных. Дети, молодежь и пожилые люди, например, зачастую лишены возможности находиться в парках, на площадях и улицах из-за страха преступности и насилия. Кроме того, с определенными опасениями часто сталкиваются и женщины и, из-за угрозы насилия и преступлений, им становятся недоступны общественные пространства в некоторых районах. Изменение устройства общественных пространств и лучшее управление ими может способствовать успокоению этих страхов. В частности, ощущение незащищенности в общественных пространствах может быть снижено за счет привлечения туда больших потоков людей на протяжении всего дня.

справедливость и социальная интеграция

Справедливость подразумевает систематическое перераспределение преимуществ развития и застройки города, а также правовую базу, обеспечивающую «конкурентные условия игры», и институты, защищающие права малоимущих, меньшинств и других уязвимых групп населения. Поддержание справедливости, помимо этого, требует укрепления равенства на социально-экономическом уровне и предоставления одинаковой для всех возможности проявления гражданской активности. Справедливое распределение прав и благ уменьшает вероятность отчуждения и вытеснения кого-либо, предоставляя возможность утверждения и вовлечения в общественную жизнь представителям всех социальных групп, что позволяет в полной мере реализовать потенциал всего населения.

Те процессы в обществе, которые запускаются благодаря возможностям общих благ, таких как общественные пространства, позволяют всему населению оставаться вовлеченными в жизнь города и заявлять о своем праве на него. Таким образом, то, как город формируется, и то, как он формирует своих жителей, во многом завязано на способности городских систем предоставить каждому равные возможности для развития и реализации. В том, как разнообразные группы используют

улицы и другие общедоступные части города, какие социальные отношения складываются в общественных пространствах, отражаются классовые, гендерные, возрастные, расовые и этнические различия.

В масштабах города социальная интеграция создает среду, в которой каждая личность или социальная группа чувствует принадлежность к единому целому, имеет доступ к «общему достоянию» и полную свободу участия в коллективном самоуправлении. Доступ к хорошо спланированным и приятным общественным пространствам становится особенно важным ресурсом в связи с ростом и уплотнением городов. В особенности это касается тех, чьи индивидуальные условия жизни — дом или квартира и непосредственное окружение жилья — недостаточно качественны и комфортны, или тех, кому определенная инфраструктура и общие пространства нужны для здоровья, отдыха и социализации. Увеличение доступности хороших общественных пространств для самых уязвимых слоев населения города — это серьезный инструмент поддержания в городе справедливости, содействия интеграции и борьбы с дискриминацией. Сложности в обеспечении доступного и достойного жилья должны быть компенсированы щедрым предоставлением качественных общественных пространств и государственных услуг.

доступность для людей вне зависимости от пола и возраста

Интересы, которые отстаивали женщины под лозунгом равенства, можно умножить, подтвердив их право на город. Общественные пространства могут служить движущей силой для женщин, девочек и их прав на город. Улицы и другие общественные пространства — это превосходный инструмент для обеспечения комфортной жизни в городе для людей вне зависимости от пола и возраста. К примеру, женщины используют улицы и общественные пространства чаще и с более разнообразными целями, чем мужчины. Женщины с большей вероятностью будут разделять время на работу и семью и потому будут чаще мужчин использовать городскую сеть общественных пространств: тротуары, автобусы, трамваи и метро. Для этого им требуется эффективный и надежный общественный транспорт в той же мере, как и безопасные улицы и общественные пространства. Получается, что город, удобный для женщин, — это не просто город, где уделяется особое внимание нуждам женщин, но и, конечно, тот, в котором лучше работают городские службы и где общественные пространства обустроены грамотнее и безопаснее.

Инициативы в пользу женщин показывают, насколько продуманным и удобным может быть город, если уделяется особое внимание совмещению общественных пространств с потребностями женщин. Здесь могут быть реализованы различные подходы: от очевидных — например, по улучшению уличного освещения — до особых инициатив и кампаний, направленных на создание благоприятных условий для женщин на улицах и в общественных местах. Столь разные города, как Вена и Сеул, получали награды за свои проекты общественных пространств, делающих города более доступными для женщин и повышающих их мобильность.

Общественные пространства всегда привлекали молодежь. Большинство молодых людей активно и часто используют общественные пространства; для них это одно из немногих пристанищ, где они могут «оттянуться» без родительского контроля. При этом у детей и молодежи существуют многочисленные и запутанные препятствия и ограничения в доступе к этим пространствам. И особенности планировки общественных пространств, и ход общественного развития — все это влияет на желание или саму возможность для молодежи проявить себя в общественных пространствах. В зависимости от возраста разные факторы определяют использование молодыми людьми общественных пространств: плотность трафика на жилых улицах; боязнь насилия и преступлений; недостаток мест в жилых зонах, созданных с учетом потребностей детей и подростков; коммерциализация детского и молодежного отдыха, досуга и игровых точек.

гражданская вовлеченность

Участие жителей в планах и планировании города уже на протяжении долгого времени считается необходимым шагом на пути к ответственному, прозрачному и расчетливому, одним словом, «устойчивому» градостроительству и управлению. Участие в гражданском обществе создает потенциал для утверждения сообществ и производства социального капитала, ведет к лучшему дизайну городских проектов и позволяет учитывать замечания и пожелания жителей в стратегии развития города. Поскольку в случае городского проекта, полностью осуществляемого частными застройщиками — например, в рамках строительства нового офиса или жилого комплекса, — обеспечить открытое участие граждан сложно, тем важнее, оправданнее и эффективнее такое вовлечение в процесс всех городских трансформаций, затрагивающих общественные пространства. Зачастую жители сами объединяют свои усилия вокруг того общественного пространства, которое хотят создать или благоустроить.

Верно и обратное: создание общественных пространств, управление ими и их использование — идеальная возможность для вовлечения жителей как в масштабе всего города, так и на уровне локальных сообществ. Одним из важных примеров уникального потенциала обществен-

ных пространств для формирования гражданской активности является практика «городского хозяйствования» (urban stewardship). Хозяйствование охватывает все окрестности и распространяется как на частные, так и на муниципальные владения. Гражданское хозяйствование производится самими жителями на общественных и полуобщественных землях территорий с повышенной плотностью населения. Горожане всех возрастов волонтерами участвуют в проектах и работают на участках, не принадлежащих им лично. Эта деятельность включает управление парками, восстановление открытого пространства, высадку деревьев вдоль улиц и развитие общественных садов и огородов.

секрет успеха великих городов

Когда мы думаем о великих городах, мы неизбежно вспоминаем про их общественные пространства: проспекты, бульвары, улицы, мосты, реки, площади, парки, сады, игровые площадки и общественные здания. Эти места являются не только визуальными доминантами города, они еще и демонстрируют разницу между своим приятным обликом и менее выразительной окружающей застройкой.

Города становятся великими, лишь когда у них есть прекрасная система общественных пространств. К тому же индивидуальность всех великих городов определяется далеко не только зданиями. Например, красота определяется не только наличием уникальных достопримечательностей, но и благодаря общей гармонии и порядку. Эти качества в городах часто связаны со схемами планирования улиц и преимущественно — общественных пространств. Помимо того что регулярное расположение улиц (в особенности основанное на наиболее детальной и предсказуемой сетке) открывает взгляду выразительные перспективы, это еще и отлично стимулирует к физическому развитию, а также позволяет как туристам, так и местным жителям легче ориентироваться, чувствовать себя в городе более расслабленно и располагает к прогулкам и изучению окрестностей.

выбор американской ассоциации планирования

Американская ассоциация планирования каждый год отбирает самые примечательные улицы, дворы и общественные пространства в американских городах и награждает их создателей за выдающиеся пространства. Вот как ассоциация описывает суть конкурса: «Ведущая программа ААП отмечает пространства с первоклассными планированием, качеством и комфортом. Пространства отбираются ежегодно и представляют золотой стандарт в вопросах подлинного чувства места, культурного и исторического интереса, вовлечения сообщества и видения будущего». Выдающиеся пространства ААП — лучшие образцы для жизни и работы людей. Там безопасно, туда стремятся, ими наслаждаются. Это места, где люди хотят находиться, — не только посещать, а жить и работать каждый день. Выбор выдающихся улиц, дворов и общественных пространств Америки опирается на множество критериев: архитектурные особенности, доступность и функциональность среды, вовлеченность местного сообщества.

Центральный оптовый рынок в Рединге, штат Пенсильвания, — один из примеров выдающихся пространств ААП, награжденный в 2014 году. Рынок расположен на территории комплекса зданий железнодорожного вокзала, туда легко попасть на общественном транспорте, и вмещает он более 76 мелких торговцев. Ежегодно рынок посещают не менее шести миллионов человек и доходы от этого остаются в обороте региона.

типологиче- ские и мор- фологиче- ские элементы городского пространства

ВВЕДЕНИЕ

Поводом для написания настоящей статьи стал вопрос об обеднении в современных городах традиционного представления о городском пространстве. Проблема городской среды знакома всем жителям, внимательным к окружающей среде, достаточно наблюдательным, чтобы замечать и сравнивать достижения городского планирования сегодня и вчера, а также имеющим решительность высказываться на эту тему.

Необходимо четко определить, что мы называем городским пространством и каково его значение в рамках городской структуры? Таким образом мы сможем проанализировать, имеет ли это понятие ценность для планирования современных городов; если да, то почему. «Пространство» в таком контексте — широко обсуждаемая концепция. Я не собираюсь придумывать новое определение, но хочу вернуть в повседневный оборот оригинальное значение.

определение концепции городского пространства

Если мы хотим прояснить концепцию городского пространства без использования эстетических критериев, нам необходимо объединить все типы пространств вокруг сооружений города и других локаций в понятие городского пространства.

Это пространство геометрически ограничено множеством фасадов¹. Только ясное определение совокупности геометрических характеристик и эстетических качеств позволяет нам определить внешнее пространство как городское пространство.

Противопоставление внутреннего и внешнего пространств постоянно учитывается в этой статье, поскольку пространства различаются и формально, и функционально. Внутреннее пространство, защищенное от погоды и окружающей среды, является подходящим символом частной сферы жизни. Внешнее пространство рассматривается как открытое и свободное для движения на свежем воздухе и включает подкатегории публичных, частично-публичных и частных зон.

Ниже будут изложены и систематически классифицированы типы базовых концепций, лежащие в основе эстетики городского пространства. В процессе изложения будет предпринята попытка провести строгое разделение между точными эстетическими и размытыми эмоциональными факторами. Любой эстетический анализ рискует скатиться в субъективную проблематику вкуса. Бесчисленные дискуссии на тему эстетики доказывают, что визуальные и эмоциональные особенности, и так индивидуально отличающиеся, усиливаются огромным количеством социополитических и культурных установок — столь важных для репрезентации эстетических истин. Стили истории искусств — например, барокко, революционная архитектура и т.д. — используются для построения единой целостной эстетической концепции.

Однако стоит учитывать, что исторические стили почти всегда идентифицируются с общественным строем определенной эпохи. Конечно, с легкостью можно говорить, что вкусы правящего класса и современных ему художников полностью определили судьбу стилистических канонов европейской истории искусств между 1600 и 1730 годами. Для историка естественно рассматривать каждый период истории целиком: культуру, общественную мысль и события как единое полотно, где каждый из элементов спаян с другим.

У творческого человека (художника, например) совсем другой подход. Решения, которые он принимает, воплощая свои эстетические взгляды, не всегда подчиняются четким логическим законам. Важную роль играет художественное чутье. Культурное развитие в разные эпохи — сложная канва взаимосвязанных явлений, которая впоследствии

¹ Автор употребляет термин elevations для определения «фасадов», а не «архитектурных профилей». — Примеч. пер.

становится материалом исследовательской работы. Каждый из постулатов не меняется с течением исторического времени, и каждый период в истории искусств наследует предыдущему, вырастая из его эстетики и формальных законов. Чем полнее общество знает, принимает и осмысливает свою историю, тем свободнее оно обращается с историческими элементами стиля. Эта мысль важна, поскольку закрепляет отношения художника с признанным в качестве универсального богатства словарем предшествующих веков — и понимание наследия и временного потока истории искусств применимо к XX веку в той же мере, в какой к XVII.

Я не отстаиваю идеи эклектизма, но пытаюсь предупредить об опасности наивного понимания истории, что ведет к неверным выводам — например, принижающим роль и значение римской городской архитектуры в сравнении с древнегреческой (что с исторической точки зрения неправда). Ошибки такого рода продолжают существовать и сегодня — достаточно взглянуть на отношение к архитектуре XIX века.

В наше время распространено удивительно искаженное чувство истории, которое можно охарактеризовать как иррациональное. Упорная битва Ле Корбюзье с Академией была не столько бунтом против истощенной стареющей школы, сколько сражением за статус первооткрывателя, получив который Ле Корбюзье вдохнул в идеалы школы новое и энергичное содержание.

Так знаменитый «разрыв с традицией» подавался как мировоззренческий прорыв, а на деле был арт-провокацией. Архитектор отказался от идеи элитарного искусства и признания правящих классов. Это был бунт, оторванный от реальности: Академия продолжила существовать и изменилась сама — приняв, разделив, переработав взгляды Ле Корбюзье.

Здесь я говорю о модерне как течении, а не об отдельных его гениальных представителях, которые возвышаются над «уровнем эпохи». Отрекшись от «элитарности» в искусстве, поколение на рубеже веков² искало новые образцы для подражания. Одним из них стало народное творчество разных эпох и континентов, ранее не привлекавшее внимания.

С этого момента началась череда открытий живописи, скульптуры, архитектуры, музыки народов, которые ранее считались неразвитыми. Их вклад в культуру впервые был оценен по достоинству — и без связи с уровнем общего развития стран, континентов, обществ. Другие художники искали материал для творчества в развитии теоретических идей и работали с примитивными формами и их динамическим развитием и трансформацией (абстракционисты). Новаторы находили вдохновение и смысл в социальной критике неравенства, используя формально простые методы (экспрессионисты). Разрыв с элитаристской художественной традицией был также проявлением борьбы художников за свободу от своих покровителей — правящего класса и его культурного диктата — борьбы, почва для которой готовилась еще до Французской революции.

Мы уже рассматривали пример барочной городской разметки³ в рамках вопроса о единстве формы, содержания и значения. Стоит задать себе такие вопросы:

² Здесь и далее речь о рубеже XIX–XX веков.

³ Здесь и далее термин *layout* переводится именно как «разметка». — Примеч. пер.

- Является ли получившийся результат свободным творческим выражением художника?
- Накладывались ли на автора художественные предпочтения класса заказчика, был ли автор принуждаем адаптироваться к их представлениям о прекрасном?
- Объединять ли периоды, способствующие параллельно и независимо развитию сходных художественных взглядов и течений, основанных на культурных традициях разных стран и континентов — но совпадающих в социальных условиях?
- А как быть с эпохами, во время которых появляются фундаментально отличные художественные решения, но на основе развития одной культурной традиции в одной стране?

Как мы видим, имеют значение эстетические взгляды, художественная, меценатская и социальная среда, свобода художественного выражения, ограничения со стороны заказчиков, социальные табу, мода, уровень развития, технологии и их возможные сферы применения, общекультурные условия, научное знание, просвещение, природа, ландшафт, климат и т.д. Можно заключить, что ни один из этих взаимосвязанных факторов не может быть рассмотрен отдельно от остальных.

Кратко очертив проблему, нужно предостеречь от слишком упрощенного, поверхностного ее рассмотрения. Конечно, стоит пытаться объяснить, почему определенные типы городского пространства, которые мы ассоциируем с XVII веком, возникли именно тогда. Но еще более интересным будет изучение реальных причин того, почему в XX веке городское планирование обеднело и в итоге было приведено к наименьшему общему знаменателю.

Классификация, представленная ниже, не содержит оценочных суждений. В ней перечисляются основные формы, составляющие городское пространство, и ограниченный набор возможных вариаций и комбинаций. Эстетические показатели каждого элемента городского пространства определяются взаимодействием деталей. Я попытаюсь рассмотреть эстетику в связи со структурой и физической природой пространства. Двумя основными компонентами нашего исследования станут улица и площадь. Применительно к категории «внутреннего пространства» речь пойдет о коридоре и комнате. Геометрические характеристики обеих пространственных форм одинаковы. Они различаются только габаритами стен, которые их окружают, а также привычными, характерными для них схемами функционирования и движения.

Площадь

По всей видимости, именно площадь была первым открытием человека в использовании городского пространства. Она состоит из группы домов вокруг открытого пространства. Эта конфигурация позволила усилить контроль за внутренними пространствами, а также обеспечить возможность сопротивления внешней агрессии за счет минимизации поверхностей, соединяющих данное место с внешним пространством и таящих угрозу атаки. Такой своеобразный внутренний дворик быстро получил символическую ценность и был выбран в качестве модели для бесчисленного количества святых мест (Агора, Форум, монастырь, вну-

тренный двор мечети). С изобретением домов, выстроенных вокруг центрального внутреннего дворика или атриума, этот пространственный паттерн стал моделью будущего. Комнаты располагались вокруг дворика в центре как отдельные дома вокруг площади.

Улица

Улица — продукт расширения поселений после застройки свободного места вокруг центральной площади. Она задает границы распределения земли и предоставляет доступ к отдельным земельным участкам. Улица имеет более выраженный функциональный характер, чем площадь. В силу своего размера площадь является более привлекательным местом для того, чтобы проводить свободное время, в отличие от улицы, на которой человек оказывается захвачен суматохой трафика. Уличные архитектурные декорации воспринимаются только в движении. Уличные разметки, которые мы получили в наследство от прошлых лет, задумывались для других функциональных задач. Планировались все они, исходя из масштаба человека, лошади и повозки. Улицы не подходят для потоков моторизованного транспорта, но в то же время остаются подходящими для циркуляции людей и деятельности. Они редко работают как изолированные пространства (например, в случае деревень, построенных вдоль одной улицы). В большей степени они предполагают восприятие их в качестве частей сети. Наши исторические города позволили нам понять бесконечность возможных пространственных отношений, производимых такой комплексной разметкой.

типичные функции городских про- странств

Городская жизнь протекает в публичной и частной сферах. Поведенческие паттерны людей одинаковы в обеих. Из-за этого способ организации публичного пространства в каждый из периодов истории оказывал мощное влияние на дизайн частных домов.

Можно было бы даже вообразить некий социальный обычай, в котором равно проявлены индивидуальное и коллективное. Пусть это будет городская активность на открытом воздухе, действия людей вне знаковой территории своего дома, в публичном пространстве, в пути на работу, при покупках и продаже товаров, при отдыхе, досуге, в спортивных мероприятиях, при доставке грузов и т.д. Сегодня улицей именуют асфальт, поверхность для движения машин, но асфальт не имеет отношения к оригинальному значению термина. Естественно, транспортировка

людей и товаров — одна из основных функций города, но на обычных скоростях движения ей не нужны аксессуары.

Но когда мы переходим к движению жителей или общественного транспорта с умеренной скоростью, условия меняются. Сегодня не редкость — загруженный бульвар, где дорога запружена безвкусными машинами, а пешеходная часть забита уличными кафе (несмотря на загрязненный выхлопами авто воздух). Стоит взглянуть на планировочные проекты рубежа веков, как можно заметить, что в городах-космополитах (Париже, Риме или Берлине) воздух загрязнялся испарениями конского навоза, канализационной вони и мусорных отходов. Старая проблема городской гигиены, актуальная со времен первых городских поселений, но с одним отличием: люди травятся чаще угарным газом, чем конским навозом. С медицинской точки зрения мы больше не можем позволить себе подобную бульварную романтику. Пока автомобили в их нынешнем виде продолжают оккупировать улицы, они исключают другие способы использования этих локаций. Давайте же обратимся к краткому описанию основных функций пространства площадей и улиц.

Площадь

Эта пространственная модель прекрасно подходит для жилищных нужд. В частной сфере она подобна внутреннему дворику или атриуму. Это — старейшие типы городских зданий. Несмотря на неоспоримые преимущества, сегодня они потеряли свое былое значение. Они легко поддаются некорректной идеологической интерпретации, и люди боятся, что такой дизайн внесет нарочитый конформизм в их коллективный образ жизни или его философию.

Понятно, что к этому привело определенное недовольство соседством. В то же время в ближайшем будущем концепция соседства и соответствующие типы зданий, скорее всего, будут внедряться снова — в связи с тем, что после исчезновения больших семей совместное проживание стало популярным среди небольшого количества молодых людей.

В публичной сфере площадь ждала та же участь. Рынки, парадные площадки, церемониальные площади, площади перед церквями и ратушами и другие, оставшиеся от Средних веков, утратили свои изначальные функции и в большинстве мест сохраняются только посредством консервации.

Потеря символизма в архитектуре описана в книге Зигфрида Гидиона «Пространство, время, архитектура»⁴. Этот труд подтолкнул мысль Ле Корбюзье в 1930-е и Йорна Утзона в 1960-е, и в нем выражалась надежда, что утрата символизма архитектурой может компенсироваться мощным импульсом художественного выражения. Именно этого автор ожидал и от новых строительных технологий. Я уже отмечал важность поэтического содержания и эстетических качеств пространств и зданий. Я не хотел бы обращаться к проблематике символизма со всеми ее этическими и религиозными обертонами. Также я хотел бы предупредить об опасности необоснованной путаницы в эстетических

⁴ Гидион З. Сокращенный перевод с немецкого М.В. Леонене, И.Л. Черня. 3-е изд. М.: Стройиздат, 1984.

и символических категориях. Позвольте прояснить: когда я утверждаю, что Лувру вместо музея пошло бы стать жилым домом, замком или офисной постройкой, я говорю о пространстве или типе здания, а не о внешней детализации исторических и социополитических факторов, которые привели к такому структурному решению. Эстетическая ценность разных типов пространства независима ни от краткосрочных функциональных нужд, ни от символических интерпретаций, которые могут разниться из века в век.

Вот еще один пример, который позволит прояснить этот аргумент. Многоэтажные дома с атриумами, существующие со Средних веков по сей день, были моделью для замков и дворцов в периоды Возрождения и барокко. Берлинские многоквартирные дома XIX века — это тоже дома с атриумами, хотя они ничем не напоминают дворцы. Каждый, кто знаком с архитектурой Палладио, должен сделать верное заключение из этих фактов. Свободное использование материалов не играет решающей роли в нашем случае. Если бы играло — Палладио давно уже был бы предан забвению. Так, я могу даже в XX веке построить здание с внутренним двориком без всякого стремления имитировать дворцовую архитектуру XVI века и не выступлю в роли социального класса, который ее произвел. Нет никаких причин не использовать в качестве модели для современной жилой застройки типы зданий, использованные ушедшими в прошлое династиями для дизайна их резиденций и демонстрации благосостояния (здесь необходимо добавить, что моя критика взгляда на эти архитектурные формы относится в основном к немецкой культурной сцене — в Германии доминирует ужасно зыбкое представление об истории). Ранние христиане не боялись адаптировать типы римских юридических и коммерческих построек (таких, как базилики) в качестве прототипов для своих религиозных строений. Ле Корбюзье заимствовал свои «зубцы»⁵ из архитектуры барочных замков.

Не найдется ни одной современной публичной площади, которая сравнилась бы с такими городскими площадями, как Гран-Плас в Брюсселе, площадь Станислава в Нанси, Пьяцца-дель-Кампо в Сиене, Вандомская площадь и площадь Вогезов в Париже, Пласа-Майор в Мадриде, Королевская площадь в Барселоне и т.п. Этот тип пространства ждет, когда его откроют заново. Это может произойти, только если, во-первых, наделить площадь значимыми функциями, а во-вторых — спланировать площадь в правильном месте, грамотно связав ее с общегородским планом.

Какие функции подходят площадям? Конечно же, коммерческая деятельность, например — рыночная торговля, но в первую очередь — деятельность культурная. Размещение общественных административных офисов, домов культуры и быта, молодежных центров, библиотек, театров и концертных залов, кафе, баров и т.п. В случае центральных площадей, если это возможно, стоит обеспечивать круглосуточную функциональную нагрузку. Ни в коем случае нельзя исключать использование в жилищных целях.

⁵ Англ. *redents* — выступы, уступы, зубцы. — Примеч. пер.

Улица

В жилых районах улицы служат зонами прогулок, движения и отдыха жителей в публичном пространстве. Расстояния, на которые дома должны отступать от улицы (как, например, указанные в действующих сегодня нормативах в Германии), настолько завышенные, что создать приятную пространственную ситуацию становится возможным только посредством различных ухищрений. В большинстве случаев для создания парков используются широкие пространства, которые должны прилегать к запасным выходам из общественных организаций. Уличное пространство будет функциональным, только если оно — часть системы, в основе которой лежит доступность для пешеходов. Эту систему легко разрушить следующими ошибками при планировании.

- Если в некоторые дома или отдельные квартиры нельзя попасть прямо с улицы, а только с черного входа. В этом случае улица лишается жизнедеятельности. В результате внешнее и внутреннее городские пространства постоянно соревнуются. Характер пространства соотносится с уровнем публичной активности в обеих этих сферах.
- Если гаражи и парковки устроены таким образом, что поток людей между машиной и домом не включен в уличное пространство.
- Если игровые площадки расположены в изолированных зонах, чтобы сохранить интимность жилого пространства. Похожее невротичное отношение к соседям можно заметить в квартирах — если шум машин извне допустим, внутри детям не разрешено вести себя шумно.
- Если в публичные пространства под открытым небом не разрешены инвестиции (на устройство аллей с деревьями, мостовых, малых архитектурных форм), потому что основной акцент приходится на внешний вид пространства.
- Если не принимаются в расчет эстетические качества прилегающих зданий, фасады негармоничны, участки улицы бессистемно разграничены или масштаб границ не сбалансирован. Эти факторы играют формообразующую роль в поддержании функциональной связности улицы и площади. Необходимость согласовывать решения с городской «поэтикой пространства» должна быть так же очевидна, как и необходимость соблюдения технических нормативов. Это основа городской жизни, если быть объективным.

Можете ли вы представить себе, что люди больше не занимаются музыкой, живописью, фотографией, танцами? Каждый ответит на это решительным отказом. Роль архитектуры, как правило, принижается. Ее видят как что-то осязаемое, полезное, практическое. Сегодня функцию архитектуры все чаще сводят к созданию уюта внутри домов и построению статусных символов на улицах. Остальное воспринимается в качестве глазури на торте, без которой можно с легкостью обойтись. Я настаиваю, что историческая эпоха, в которую архитектура утрачивает свое подлинное значение, переживает культурный кризис в обществе. Состояние современной музыки — типичный тому пример.

Проблемы, связанные с улицами в жилых кварталах, о которых идет речь в этой статье, легко считываются и у торговых улиц. Разделение пешеходов и транспорта должно привести к изоляции пешеходных зон. Необходимо искать решения, позволяющие удерживать шум автомо-

билей и выхлопные газы вдалеке от пешеходов, не разделяя при этом сферы транспорта и движения людей полностью. На практике это означает появление многофункциональной зоны, создать которую можно с помощью технологий. Проблема устройства подобного пространства останется даже после исправления технических недостатков и дизайнерских провалов в разработке отдельных машин (шум, выхлопы и т.д.). Количество машин и их скорость остаются источником беспокойства. Сегодня вряд ли можно надеяться на быструю корректировку какого-либо из этих факторов. С другой стороны, очевидны катастрофические последствия этих проблем и те шаги, которые нужны будут для их решения.

Не думаю, что правы те, кто думает, что процесс бесконечного обновления автопарка и перепроизводства транспортных средств захлестит пригороды огромными свалками устаревших машин. Нужно отдавать себе отчет в том, что сегодняшняя стоимость машины и комплектующих доказывает, что не стоит ожидать фундаментальных перемен в долгосрочной перспективе. Мы видим серьезный конфликт интересов между инвестициями в машины и в жизнь людей, последствия этого противоречия выливаются в цену реставрации городского пространства (если общество вообще заинтересовано в проблеме ценности городской жизни).

Вернемся к торговым улицам. Они должны планироваться иначе, чем улицы жилых кварталов. Они должны быть относительно узкими. Прохожий должен иметь возможность рассмотреть товары в витринах магазинов на другой стороне улицы, не пересекая ее. Это именно то, чего хотят и покупатели, и продавцы. Другой тип пространственной конфигурации торговой улицы воплощен в жизнь в старом городском центре Берна, где прохожие могут рассматривать товары в витринах магазинов, будучи защищенными от погодных условий аркадами. Этот тип коммерческой улицы до сих пор сохраняет свой шарм и функциональную эффективность. Пешеход почти не замечает дороги, которая расположена на нижнем уровне. Такое уличное пространство — хороший пример для нас.

Вышесказанное справедливо по отношению к аркадам и переходам с застекленными крышами XIX века. Отчего-то сегодня они вышли из моды. С точки зрения систем проветривания помещать улицу в закрытый переход — нерационально. С другой стороны, современные автономные системы кондиционирования в коммерческих и офисных зданиях способствуют возвращению такой формы в моду. Защита от внешних факторов в наших широтах — это финансово обоснованное решение для торговых улиц. Сегодня почти не осталось улиц с аркадами, которые римляне заимствовали у греков (колоннады окружали греческую Агору), но руины можно встретить в Пальмире, Перге, Апамейе, Эфесе, Лептис-Магне, Тимгаде и т.д.

Появление торговых улиц — выдающееся событие в истории городского планирования. Процветание римского правления привело к созданию универсальных и схематичных планов модификации колонизированных греческих городов. Главным было появление магистралей внутри однородной сети улиц — этого добивались за счет внедрения выдающихся архитектурных форм с важными функциональными характеристиками. Архитектурное убранство магистралей явным образом связано с торговой деятельностью и исполнено символизма, отличного

от сооружений типа Агоры или Форума с их политическим или религиозным целепользованием.

Идею торговых улиц пытался воскресить Вейнбреннер, предложивший схему усовершенствования Кайзерштрассе в Карлсруэ. Кенигсбау в Штуттгарте, над проектом которой работал Лейнс, выглядит частью улицы с аркадами в Эфесе. Римляне проявили поразительную работу воображения в совершенствовании этого типа уличного пространства. Так, изменения направлений магистральных улиц, обусловленные существующей конфигурацией города, маркировались воротами по образцу четырех частей света. По такому же принципу проектировались галереи Святого Юбера в Брюсселе. Этот прием позволяет разграничивать уличное пространство, уходить от бесконечности системы улиц в границы той или иной зоны. Необходимо отметить, что в редких случаях улицы могут расширяться до площадей без архитектурных изменений.

Приемы, которые использовали планировщики римских и греческих городов для пространственных отношений, были преданы забвению после исчезновения Римской империи с карты Европы. Отдельные типы зданий (форум или базилика) сохранились в неизменном виде в Средние века, в монастырях например. Форум перестал использоваться в качестве публичного пространства. Совсем иначе дело обстоит в Северной Африке или на Ближнем Востоке, а также на территории Испании, где эти древние типы городского пространства сохранились почти без изменений вплоть до рубежа веков и возводились они традиционными методами.

типология городского пространства

Чтобы описать типологию городского пространства, пространственные формы и их составляющие можно разделить на три основных группы, исходя из геометрической формы вида сверху: производные квадрата, круга или треугольника.

Без сомнения, масштаб тоже относится к геометрическим характеристикам городского пространства. В этой типологии масштаб упоминается только мельком — значение пропорций внешнего пространства я собираюсь более подробно рассмотреть в другой статье.

Модуляция отдельных пространственных типов

1. Базовый элемент
2. Модуляция базового элемента за счет увеличения или уменьшения его внутренних углов с сохранением внешних габаритов
3. Углы остаются неизменными, но длина двух сторон изменяется пропорционально
4. Углы и внешние габариты меняются произвольно

Стадии модуляции

1. Угловатое пространство. В нем совмещаются две части базового элемента с изгибом двух параллельных сторон
2. Колонка показывает только сегмент базового элемента
3. Добавление базового элемента
4. Базовые элементы перекрывают друг друга или накладываются друг на друга
5. Термин «искажение» вмещает в себя пространственные формы, которые сложно или невозможно описать

В последнюю категорию попадают формы, геометрический аналог которых определить сложно. Эти формы можно назвать порождениями хаоса. Фасады зданий могут быть искажены настолько, что их сложно выделить из общего пространства — к примеру, зеркальный фасад или полностью покрытый рекламой — так, что часы с кукушкой размером с дом стоят рядом с гигантским рожком мороженого, а на месте привычных окон размещена реклама сигарет или жвачки. Даже габариты пространства могут исказить его, полностью видоизменяя первоначальный облик. Колонка с названием «искажение» в этой таблице не заполнена — подобные формы не выразить диаграммой. Все указанные процессы изменения могут быть ровными или неровными. Существует огромное количество возможных секций здания, которые модифицируют базовые элементы <...>

Как секции зданий влияют на городское пространство

1. Стандартная традиционная секция с двускатной крышей
2. С плоской крышей
3. С отступающим верхним этажом. Такой прием визуально снижает высоту здания
4. С выступом в форме аркады или цельной структуры на пешеходном уровне. Такой прием «дистанцирует» пешехода от реального тела здания и вносит приятный человеческий масштаб. Такой тип секции,

в частности, виртуозно применил Джон Нэш для своего проекта парка Кресцент в Лондоне

5. На среднем уровне глубина секции здания уменьшается вдвое — это позволяет на нижнем уровне сделать расширенные этажи, а на верхнем — квартиры с выходами на балконы
6. Произвольное разделение на террасы
7. Скошенный фасад с вертикальными нижним и верхним этажами
8. Скошенный фасад с выступающим первым этажом
9. Ступенчатая секция
10. Скошенная секция со рвом или отдельностоящим первым этажом
11. Стандартная секция со рвом
12. Здание с аркадой на первом этаже
13. Здание «на ножках»⁶
14. Здание «на ножках» с промежуточным этажом с такими же опорами
15. Скошенная площадка перед зданием
16. Отдельно стоящее здание меньшего размера перед большим
17. Сооружения с очень неглубоким уклоном, например — арены
18. Здания с аркадами на уровне первого этажа и доступом к пешеходной зоне
19. Здание с выходом на балкон
20. Обратнo-ступенчатая секция
21. Здание со скошенными выступами
22. Здание с выступами
23. Здание с отдельностоящими башнями

Каждому из этих типов зданий можно подобрать фасад, подходящий функциям сооружения и способу строительства. <...> Три базовых формы (квадрат, круг и треугольник) испытывают влияние следующих модулирующих факторов: поворачивание под углом, сегментация, дополнение, объединение, наложение или слияние элементов, а также искажение. Эти факторы могут приводить к геометрически правильным или неправильным изменениям всех пространственных типов. В то же время огромное количество возможных секций зданий влияет на характеристики пространства на всех стадиях изменений. Все возможные секции применимы к этим пространственным формам.

<...> Все сложные формы могут быть с легкостью составлены исходя из трех пространственных типов и их модуляций. Разность масштабов, равно как и эффекты разных архитектурных стилей, производимых в городском пространстве, играет важную роль в отношении пространственных форм.

Упражнения в дизайне можно «исполнить» на «клавиатуре», которую я только что описал. Помимо «формальных» процедур, на пространство влияют другие немаловажные факторы. Они связаны с правилами строительства, которые делают возможным архитектурный дизайн вообще, а еще более важно, каким образом здание будет функционально использоваться (именно это является существенной предпосылкой архитектурного дизайна). Таким образом, логика процедуры предполагает следующую последовательность: функциональный аспект, конструктивный аспект и итоговый дизайн.

⁶ Устоявшийся в русском языке термин, дословный перевод — «здание на пилонах». — Примеч. пер.

Морфологические серии городских пространств

<...> Планировщик должен осознать все богатство пространственных форм, которое является наследием истории городского планирования. Разнообразие предполагает, что архитектор сможет обучаться на примерах, а впоследствии — внедрять их в собственные проекты. <...> Среди историков, равно как и среди обывателей, распространено наивное представление о том, что своеобразная «органичная» архитектура прекраснее синхронизированных групп зданий. На самом деле факты говорят об обратном. <...> Всякий, занимающийся исследованиями или планированием в области «городского пространства», обнаружит почти неисчерпаемое количество возможных форм, особенно если обратится к наследию старых городов. <...> Четкая и геометричная городская пространственная форма требует деликатного архитектурного подхода и высокого качества работы. Любая ошибка сразу же становится очевидной и портит общее впечатление. При использовании неправильных форм важнейшей характеристикой является многообразность. Недостаточное внимание к деталям не так сильно бросается в глаза, но тоже может испортить многое. <...> Широкая популярность средневековых площадей основана, во-первых, на том, что площадь такого типа сложно представить в современном городе, а во-вторых — на том, что площади окружены хорошей архитектурой. Наш век и в этой сфере не может соревноваться с наследием прошлого. <...> Ровные треугольные площади крайне редко встречаются в истории городского планирования. С другой стороны, существует много примеров средневековых площадей неровных и почти треугольных форм. Обычно их можно найти на развилках двух дорог.

Крупномасштабные композитные планы

Давайте рассмотрим самодостаточные системы типа «улица-площадь» римского периода. Форумы, как правило, прилегают к улицам. Но улицы при этом никогда не пересекают их. Даже пересечения в открытых точках отмечались римлянами с помощью разных архитектурных приемов — к примеру, в Герасе, Перге, Тимгаде, Лептис-Магне или Пальмире. В развитии типичной римской городской архитектуры важную роль играли здания с портиками, заимствованные у древних греков. Изначально греческая Агора была окружена одной или более колоннадами. Например, в Ассосе или Афинах — там было по две прямых колоннады. В Книдосе и Приене, с другой стороны, можно найти противопоставления прямой и подковообразной колоннады. <...> В своей книге «Основные формы европейских государств» Й. Гантнер рассматривает несколько стадий развития агор в Милете, обозначающих движение от пространственных систем открытого типа к закрытому. Агора в нижней части города Пергамон была открытым пространством, ограниченным со всех сторон, каркасом для которого служили три колоннады. Агора

в городе Магнесия-на-Меандре также была закрытым прямоугольным местом, но окруженным со всех сторон двойными колоннадами. Две эти агоры служили рынками. Две гимназии в Приене были квадратными открытыми пространствами, окаймленными колоннадой. Римляне почти до предела усовершенствовали эти пространственные типы и архитектуру, которая родилась вместе с ними. Колоннады выросли в улицы с аркадами практически во всех важнейших римских городах. Следующим шагом в развитии была базилика. Этот пространственный тип представляет собой часть улицы с аркадой, закрытую и имеющую навес.

Пройдя Старый Форум, который был окружен большим количеством изолированных зданий, сначала вы попадаете прямо на Форум Цезаря, прилегающий к Курии. Разделялись они колоннадой. Храм, достаточно просторный по сравнению с площадью, занимает добрую его четверть. Затем вы попадаете на Форум Августа. Он был примерно в два раза больше, чем предыдущий, и его внутреннее пространство организовано совсем иначе. Здесь храм уже не стоит обособленно, он задвинут вглубь и лишен тем самым заднего фасада. Чтобы расширить перспективу площади, напротив храма воздвигнута отдельная колоннада. Там, где заканчиваются колоннады, сделаны полукруглые боковые ниши, подчеркивающие проницаемость площади.

Императорский форум в Риме был завершен во время правления императора Траяна архитектором Аполлодором Дамасским. Пространственный разбор форумного комплекса практически невозможен: я нашел столько различных попыток реконструировать этот комплекс, что осознал, насколько сложно для кого-то, кто не является архитектурным историком, придумать убедительную версию. На самом деле не важно, корректна ли моя личная версия во всех деталях. Я хочу всего лишь кратко описать архитектурные и пространственные приемы, характеризующие подобную разметку. Сразу стоит отметить важный момент — церемониальной разметке не отведено никакого места, нет никаких отмеченных дорожек, хотя, казалось бы, — тут им самое место.

Задняя стенка заостряется в направлении храма, театрально увеличивая глубину пространства. <...> Форум Нервы, расположенный сбоку от первых двух, раскрывает пространственное впечатление, описанное выше, в совершенно иной форме, в этот раз даже с избытком. Площадь была сильно удлинена и закруглена в верхней части на манер цирка. Храм Минервы был целиком разрушен — остались только ступеньки и портик.

Если продолжить движение от Форума Августа и пересечь атриум, вы попадете в Форум Траяна, размеры которого — примерно 90 × 110 метров. Вход был украшен триумфальной аркой. С этой точки оставшиеся элементы комплекса располагаются на одной оси. Отдельно стоит отметить, насколько различаются колоннады, окружающие каждый из форумов. В последнем — по бокам триумфальной арки стоял одиночный ряд колонн, затем — слева и справа от основной оси — двойные колоннады, которые добавляли пространственной глубины посредством полукруглых апсид. Лицевая стена площади — почти без декора, кроме мест, прилегающих к Базилике Ульпии (они были украшены колоннами). Согласно реконструкции Пола Бижо, центральная зона и две боковые колоннады закрыты. Полукруглые аспиды в верхней части были оставлены открытыми. В результате мы имеем два ряда колонн на продольной оси базилики и три — на поперечной.

В конце концов, пройдя очень узкий атриум, в котором стоит колонна Траяна, вы попадаете в Храм Траяна, расположенный в удивительно тесном месте — с каждой стороны храма все, что мы имеем, — пространство шириной с улицу. Контекст последовательной композиционной логики Императорского форума позволяет обнаружить определенный замысел в таком пространственно стянутом финале.

Эпилог

Я надеюсь, мне удалось показать с помощью богатого материала, что к своему определению концепции городского пространства я пришел после длительного поиска. Все факты исторического наследия свидетельствуют, что знание, накопленное веками, содержит множество истин, которые грех не использовать. Я собирал этот материал для студентов, надеясь вдохновить их углубиться в наше архитектурное наследие. Почти никакие открытия в архитектуре сегодня невозможны. В наше время проблема в другом. К сожалению, мы мало критикуем непродуманные, сиюминутные решения. Нам нужен критический подход. У человека есть пара рук и пара ног, и пропорции его тела должны быть мерой всех зданий. Это относится не только к лестничным маршам или высоте потолков, но и к дизайну публичного пространства в городском контексте. В этом отношении на сегодняшний день городское планирование терпит крах.

безонас

НОСТЬ

эффективное планирование безопасности объекта

ВВЕДЕНИЕ

Здания правительства судов, таможенных органов и органов пограничной службы¹ всегда выполняют две крайне важные функции государства: символическую и операционную. Они призваны создавать в глазах горожан ощущение стабильности и устойчивости их государства наряду с жизненно важными для демократии открытостью и прозрачностью. Эти качества продолжают быть для нас ключевыми, несмотря на то что новые требования к безопасности влияют на физические характеристики зданий.

В Управлении служб общего назначения (GSA) США смотрят на растущие потребности в обеспечении безопасности как на возможность усовершенствовать планирование, поддержать тенденции устойчивого развития и охраны окружающей среды, создать целый комплекс долговечных построек, обеспечить государственных служащих безопасным² и эффективным³ рабочим пространством и способствовать развитию местных сообществ. При выполнении этих задач продуманная система безопасности может воплощать образ стабильности и вдохновлять гражданскую активность. Увеличенный разрыв между зданиями может стать общественным пространством. Элементы системы безопасности могут служить зонами отдыха или искусственным ландшафтом. Новые элементы благоустройства могут не только сделать работу федеральных служащих безопаснее, но и помогут интегрировать общественные здания в их районы.

Этот новый процесс влечет за собой необходимость рассматривать здания в связи с окружающей их местностью и сообществом. Только такой широкий и продуманный подход к системе безопасности поможет достичь сразу нескольких целей и положительно повлиять не только на сотрудников, работающих в этих зданиях, но и на сообщество в целом.

Оснащение правительственных зданий мерами для борьбы против терроризма — соответствующей планировкой и управлением — это

¹ <http://www.wbdg.org/building-types/federal-courthouse-1>

² <http://www.wbdg.org/design-objectives/secure-safe>

³ <http://www.wbdg.org/design-objectives/productive>

первоочередная задача. Но остается и базовая необходимость высокого качества рабочего пространства. Это пространство продолжается и за порогом самого здания. Присутствие правительственного здания само по себе производит мощный эффект в районе, поэтому его качество как рабочего пространства определяется широким социальным, экономическим и экологическим контекстом, в котором находится общественное здание. Система безопасности должна способствовать выполнению этой ключевой для городского развития роли государства.

Задача стоит нелегкая. За последние несколько лет многие проекты как в частном, так и в государственном секторе выделили значительные средства на обеспечение безопасности, но зачастую в ущерб качеству как самого рабочего пространства, так и окружающей его городской среды, причем без существенного снижения степени риска. Иногда проблемы безопасности влекли за собой планировочные решения, наносившие вред общественным пространствам, или побуждали учреждения в целом разместиться вне городской среды. Такие подходы подрывают жизнеспособность сообществ и из страха перед маловероятным событием наносят ущерб повседневному функционированию учреждения.

Чтобы эффективно снизить риск для жизни и имущества, не жертвуя ценными пространствами и средой, во всех вопросах безопасности необходим взвешенный подход — от планировки, построения и эксплуатации зданий до планировки, построения и управления окружающей их средой. На этой странице — <http://www.wbdg.org/design-objectives/secure-safe> — вы сможете ознакомиться с основами, процессом и примерами эффективного планирования безопасности объектов, применимыми к проектам большим и малым, реализуемым в уже существующих учреждениях и новых зданиях.

Учитывая, что конкретные технические требования со временем могут измениться, эту информацию следует использовать наряду с последними опубликованными критериями обеспечения безопасности и оценками степени рисков⁴ (см. также: Процесс планирования безопасности объекта — <http://www.wbdg.org/resources/site-security-design-process>).

Описание

«Великие» проекты должны одновременно достигать множества целей. Когда речь идет о безопасности объекта, меры ее обеспечения должны быть спланированы, чтобы снижать риски, и встраиваться в рабочее пространство. Но помимо этого, они в целом должны совершенствовать качество общественных зданий и общественного пространства.

К счастью, подавляющее большинство мер обеспечения безопасности никогда не будут использованы для отражения атаки или смягчения ее последствий. Однако эти же меры ежедневно заметно влияют на качество и привлекательность пространств для посетителей и рабочих мест для сотрудников в общественных зданиях.

Тщательно продумывая планировку объекта для его повседневных функций, плавно встраивая элементы системы безопасности и позво-

⁴ <http://www.wbdg.org/resources/threat-vulnerability-assessments-and-risk-analysis>

ляя регулировать степень защиты в зависимости от угрозы, планировщики стремятся к равновесию. В случае успеха общественное здание получается одновременно безопасным и открытым. Для достижения этих целей необходим здоровый и добросовестный рабочий процесс, построенный на кооперации и понимании взаимосвязанных проблем. Всякий дизайн-проект проходит через сотни решений на этапах подготовки, проектирования и строительства. Однако вопросы безопасности могут представлять затруднения как для планировщиков, так и для непрофессионалов. Каждый этап требует особенного подхода к планированию и в плане обеспечения ставит новые задачи, такие как:

- выявление опасностей и уязвимых «точек»⁵, что остается достаточно непредсказуемым процессом;
- выбор объектов защиты, что может быть эмоционально сложным решением;
- выбор мер противодействия, часто крайне затратных.

В свете этого понятно, что некоторые риски можно снизить, а с некоторыми приходится смириться. Чтобы уравновесить эстетические⁶ цели и требования к безопасности, учитывая как эмоциональные, так и технические аргументы, и ответить на существующие потребности с использованием доступных ресурсов, успешное планирование безопасности объекта должно следовать четырем принципам, лежащим в основе «великого» проекта.

- Стратегическое снижение риска. Стратегический подход к снижению риска помогает правильно расставить приоритеты; выявить ситуации, поддающиеся улучшению; оптимально использовать ресурсы для планирования объекта, его территории и грамотной эксплуатации; подстраиваться под разную степень угрозы.
- Всестороннее планирование. Всестороннее планирование позволяет учесть разнообразные требования к объекту в вопросах функциональности и эстетичности, а также в целом повысить его ценность для его пользователей и сообщества в целом.
- Работа в кооперации. Кооперативная и междисциплинарная проектная группа, состоящая из Управления служб общего назначения (GSA), конкретного учреждения, специалистов по безопасности, проектировщиков и представителей сообщества, позволяет объединить усилия специалистов различного профиля и прийти к эффективным инновационным решениям.
- Долгосрочная стратегия развития. Стратегия поэтапного развития необходима для успешного улучшения системы безопасности в долгосрочном периоде, будь то крупный проект, реализация которого занимает годы, или же ряд небольших проектов на одной территории.

Вдумчивый и основательный анализ наряду с творческим кооперативным подходом к планированию, добросовестным распределением бюджета и продуманностью этапов воплощения проекта, позволяет найти баланс между потенциальными угрозами и доступными мерами по их снижению. При правильном подходе системы безопасности могут

⁵ <http://www.wbdg.org/resources/threat-vulnerability-assessments-and-risk-analysis>

⁶ <http://www.wbdg.org/design-objectives/aesthetics>

не только эффективно снижать риски, но и приносить другие положительные перемены. Они могут повысить уровень удовлетворения запросов потребителей и качество окружающей среды. В ходе расширенных улучшений могут быть созданы новые общественные пространства, повышено чувство вовлеченности/гостеприимности среды, уличный пейзаж станет более гармоничным. От систем безопасности требуется нечто большее, чем просто быть ненавязчивыми. Они должны способствовать повышению качества окружающей среды.

Составные элементы эффективной безопасности объекта

В GSA придерживаются стандартов обеспечения безопасности, разработанных в Межведомственном комитете безопасности (ISC). В нем оговорены требования к анализу и качеству государственных зданий. В соответствии с критериями планирования безопасности ISC⁷ эксперты со стороны учреждения или фирмы-подрядчика проводят оценку рисков, анализ последствий возможного взрыва, анализ последствий последовательного обрушения, а также другие измерения, необходимые для выявления опасностей и просчета их последствий для здания.

Стандарты безопасности в некоторых государственных органах несколько отличаются от требований ISC, однако в целом государственные критерии относятся к одним и тем же типам угроз и мер противодействия. Тем не менее критерии эффективности могут достаточно сильно различаться в оценке потенциальных угроз, а также в отношении минимального допустимого уровня устойчивости несущих конструкций и фасада здания.

Критерии ISC фокусируются на отражении угроз и смягчении их последствий, включая последствия взрывов мин и автомобилей, на предотвращении и избавлении от последствий применения химического и биологического оружия, а также контроле доступа к частной собственности и совершенствовании системы наблюдения внутри и снаружи здания. Элементы безопасности объекта, которые описаны на этой странице, призваны не позволить угрозам воздействовать на уязвимые части здания (с пониманием, что некоторую долю риска все равно придется допустить).

Понятие «зоны» объекта мы вводим как рамочное для отдельных типов элементов. Каждый элемент подробно описан вместе с соответствующей ему зоной. Кроме того, в каждом разделе рассказано про последние нововведения и новые технологии, что помогает выработать цельный, всеохватный и оправдывающий затраты подход, достойный великого проекта.

⁷ <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/optimize-site-potential>

Зоны

Представим улицу, ранее открытую для всеобщего доступа, которая соединяет здание суда с новым объектом, строящимся на участке, находящемся в государственной собственности. Улица была закрыта, чтобы улучшить периметр контроля. Совместно с администрацией города она преобразована в открытую площадь, и теперь здесь общими усилиями устраиваются различные мероприятия, что обеспечивает новым уровнем благоустройства госслужащих и граничащий с площадью торговый район.

Сосредотачивая внимание на зонах, проектная группа может лучше понять особенности контекста, а также то, как элементы системы безопасности и благоустройства в каждой зоне влияют на качество работы элементов в других зонах. Нами описаны конкретные элементы, присутствующие в каждой из шести зон безопасности; также приводятся указания и методические рекомендации по их оптимальному использованию.

- Зона 1: район.
- Зона 2: периметр контроля.
- Зона 3: доступ на охраняемую территорию объекта и автомобильная стоянка.
- Зона 4: объект.
- Зона 5: ограждающая конструкция здания.
- Зона 6: управление и процесс строительства.

Благодаря этому широкому подходу руководителям может быть представлен стратегический, универсальный, требующий кооперации и ориентированный на долгосрочную перспективу процесс планирования. Зоны безопасности объекта, как видно на таблице ниже, определяются, исходя из его физической структуры. Движение идет от периферии, Зона 1, к центру — Зона 6. Для каждой зоны можно повысить безопасность объекта и улучшить его внешний вид и функциональность. В первой зоне рассматривается контекст объекта относительно района, в котором он находится. Во всех последующих исследуются возможности обеспечить дополнительную защиту, внося изменения в периметр, схему движения и назначение объектов. В конце даны рекомендации по организации пространства и работе служб безопасности, сокращающие уязвимость объекта. Ниже приводится обзор зон безопасности, элементов системы и вариантов действий.

В данной таблице показаны шесть зон безопасности. Форма, размеры зон и расположение элементов меняются от объекта к объекту в зависимости от местных условий и от масштаба проекта.

Зоны	Элементы/варианты
<p>Зона 1: район</p> <p>В зависимости от назначения объекта районом может считаться зона, включающая один или несколько кварталов, окружающих учреждение. Он может включать уличный пейзаж, общественные места, стоянки и другие блага, часто используемые посетителями.</p> <p>К улучшению: архитектурный, визуальный, общественно-полезный аспекты. Также эффективны решения на уровне района, в частности по вопросам оперативной безопасности и управления автомобильным движением/мерами противодействия.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Согласование с другими проектами застройки (существующими и запланированными), стратегиями и программами. 2. Сотрудничество с другими службами безопасности, действующими на территории района. 3. Корректирование режима движения. 4. Общественное право проезда в периметре контроля. 5. Частичное или полное перекрытие существующей улицы (при необходимости). 6. Временная установка барьеров при сигналах тревоги. 7. Разработка и согласование программ личной безопасности
<p>Зона 2: периметр контроля</p> <p>Периметр контроля позволяет не допустить приближения начиненных взрывчаткой машин, что снижает потенциальный ущерб от нападения. В зависимости от результатов оценки риска периметр может быть охраняемым или неохраняемым.</p> <p>К улучшению: функциональное и эстетическое улучшение объекта в интересах общественности, сотрудников и посетителей можно проводить, не пренебрегая периметром контроля.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определение необходимого уровня защиты, исходя из принятого риска. 2. Уточненное расположение и размеры периметра контроля. 3. При необходимости — укрепленный периметр, в частности: <ul style="list-style-type: none"> • ограждения из столбиков; • барьеры из скульптур/сидений; • стены; • малые архитектурные формы из твердых материалов; • заборы; • особенности рельефа; • канавы; • разборные поверхности; • водные пространства; • планировка ландшафта, зеленые насаждения.
<p>Зона 3: доступ на охраняемую территорию объекта и автостоянка</p> <p>Различные элементы и средства, обеспечивающие и позволяющие контролировать доступ к учреждению. В этой зоне может производиться досмотр как транспортных средств, так и посетителей.</p> <p>К улучшению: выполнение требований к безопасности также может улучшить ситуацию с доступом, естественным обзором и удобством для посетителей учреждения.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Разграничение мест для посадки и высадки пассажиров. 2. Контроль доступа к объекту с помощью: <ul style="list-style-type: none"> • зон досмотра; • выдвижных столбиков; • пропускных ворот; • будок охраны; • дополнительных ворот. 3. Наблюдение за техническими площадками и зонами погрузки-разгрузки. 4. Свободные проходы для служб быстрого реагирования. 5. Свободные проходы для пешеходов. 6. Безопасные автостоянки в пределах и за пределами периметра контроля: <ul style="list-style-type: none"> • гаражи; • надземные стоянки; • разметка, освещение, • указатели.

Зона 4: объект

Внутри периметра контроля может существовать дополнительный слой элементов или укреплений для отражения и предотвращения разрушения или нанесения вреда учреждению. При надежно укрепленном периметре основной функцией этой зоны становится привлечение людей в приятное общественное пространство с благами и мероприятиями для сотрудников и сообщества в целом.

К улучшению: такие элементы, как длинные водоемы, скамейки и пункты охраны, в составе объекта и внутри периметра контроля могут улучшить безопасность на объекте, личную безопасность и существующие услуги.

1. Планирование благоустройства объекта, включая предметы обстановки, вазоны с цветами/клумбы, водоемы, озеленение и зеленые насаждения.
2. Создание пригодного для использования пространства.
3. Создание защищенного от непогоды пространства на случай возникновения очереди.
4. Выдержанные в едином архитектурном стиле с объектом пункты охраны и другие отдельно стоящие постройки.

Зона 5: ограждающая конструкция здания

Контроль над воздуховодами и выходами систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха; расположение и режим работы входных и выходных точек; дополнительный контроль со стороны персонала службы безопасности или с помощью камер; освещение на участке между зданием и территорией.

К улучшению: улучшение безопасности может также улучшить повседневную личную безопасность людей на объекте.

1. Предотвращение доступа к воздуховодам и вентиляционным отверстиям.
2. Удобное для эвакуации расположение аварийных выходов.
3. Камеры и освещение размещаются с целью максимально улучшить обзор.
4. Укрепленные несущие конструкции и внешняя отделка здания.
5. Планировка и расчет массы здания с целью уменьшить последствия возможного взрыва.

Зона 6: управление и процесс строительства

В целях повышения безопасности могут вноситься изменения в программу строительных работ и планировку. Сотрудников из группы риска можно переместить ближе к центру здания. Возможен найм сотрудников служб безопасности для дополнительного контроля. К улучшению: изменения планировки помещений и процесса строительства могут снизить риски, не меняя объект сам по себе.

1. Предусмотрительная гибкость в процессе строительства и планирования помещений.
2. Найм охраны и другие меры по обеспечению безопасности в случае ограничений по затратам и наличия других, не поддающихся изменениям особенностей объекта.
3. Отказ от смягчения и принятие рисков в случаях, когда укрепление структурных элементов и фасада объекта оказывается непрактичным или нецелесообразным.

Источник: Руководства GSA по планированию безопасности объекта (GSA Site Security Design Guide)

Векторный анализ позволяет понять, как расположение улиц и физических преград может предотвратить приближение к объекту автомобилей определенного размера, движущихся с определенной скоростью. Снижение допустимых пределов размера и скорости дает планировщикам дополнительную гибкость в выборе мер обеспечения безопасности на периметре. Это один из ключевых приемов в комплексном планировании объекта. Таким образом можно также избежать применения излишне жестких мер противодействия.

Успешное планирование объекта

Продумывая каждую из зон в процессе планирования безопасности объекта, проектная группа должна помнить о двух важных факторах.

Во-первых, это всесторонний подход. На всех этапах своего воплощения проект должен опираться, с одной стороны, на долгосрочную

стратегию развития, а с другой — на всестороннее планирование объекта. Работа над обоими должна быть проделана как можно раньше, чтобы обеспечить проекту достаточное финансирование (например, на этапе оценки целесообразности). Все аспекты требований к безопасности должны быть встроены в общее поле конструктивных требований и руководств по проектированию. Понимание всех компонентов общего плана необходимо для верной расстановки приоритетов и, в случае возникновения необходимости, поэтапной реализации.

Во-вторых, важным фактором является гибкость. Передовые проектные решения должны быть гибкими, чтобы соответствовать будущим изменениям в целях, деятельности и финансировании учреждения. Так как механические улучшения оказываются более долговечны, чем исходные предпосылки планирования, те планировочные решения, которые задумывались как многофункциональные и органично встраивались в объект и здание, в долгосрочном периоде более полезны. Передовая практика по планированию безопасности объектов предполагает набор элементов, которые способствуют обеспечению безопасности несколькими способами:

- Физическое сдерживание. Укрепленные элементы периметра дополнительно защищают зону безопасности и увеличивают расстояние между возможными взрывами и самим зданием.
- Психологическое сдерживание. Некоторые объекты проектируются таким образом, что их система безопасности очень заметная и почти пугающая. Но возможен более тонкий подход, чтобы не привлекать внимания к объекту как к потенциальному объекту нападения.
- Очевидность назначения объекта. Можно спроектировать объект таким образом, что станет ясно, чем на его территории заниматься можно, а чем нельзя.
- Поддержка наблюдения и контроля. Линии обзора и видовые площадки можно разместить таким образом, чтобы облегчить наблюдение за приближающимися к зданию или же скрыть уязвимые места от посторонних глаз.
- Принятие допустимого риска. Если оказывается, что существенно снизить тот или иной риск никакими разумными мерами нельзя, то критерии ISC позволяют принять этот риск. Что-то можно сделать всегда, а широту применения выбранных методов и действий может определять проектная группа.

Реновация территории

Простой пример: государственный комплекс состоит из шести зданий и выстроен в едином архитектурном стиле в течение десятилетия. В него входят три многоэтажных офисных здания, два здания вспомогательного назначения, одно складское здание, а также множество наземных автостоянок. Весь комплекс окружен забором из проволочной сетки. Оба вспомогательных здания оказались бесполезны, а складское помещение используется не полностью. За пределами зданий нет общественных пространств, где сотрудники учреждений могли бы поесть, посидеть или заняться чем-то еще вне помещения.

В главном здании находятся пять ведомств, четыре из которых, по рейтингу ISC, относятся к среднему уровню риска, а одно — к низкому. Второе здание занимает еще большее количество учреждений, все — со средним уровнем риска, а в третьем расположено одно, по рейтингу ISC, относящееся к высокому уровню подверженности опасности. Все три занятых государственных здания ограждены от окружающих улиц минимум на 50 футов.

Периметр в виде сеточного ограждения изолирует большую часть построек комплекса от окружающего их жилого квартала. Имеется множество въездов, а также разбросанных по всей территории очень больших и плохо освещенных автостоянок, что затрудняет охране одновременно контролировать движение машин и пешеходов. Положение осложняется и тем, что не вполне понятна схема автомобильного и пешеходного движения по территории комплекса, а немногие имеющиеся указатели вносят дополнительную путаницу.

При первоначальной застройке комплекса участок прилегающей к комплексу улицы от проезда до автомагистрали был закрыт. С юга объект граничит со скоростной эстакадой, а к востоку, с противоположной стороны автомагистрали, с недавних пор начала развиваться оживленная торговая улица (полностью тестовый кейс — <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/optimize-site-potential>).

Пригородные государственные комплексы зачастую занимают громадные площади по соседству с землей с низкой плотностью, используемой под жилую и коммерческую застройку. Это обуславливает возможности для улучшения, отличающиеся от городских. Например, при укреплении периметра комплекса могут открыться возможности усовершенствования устойчивого развития объекта. Так, очищающие сточные воды каналы с болотной растительностью не только уменьшают негативные последствия наличия больших пространств с искусственным покрытием, но и играют роль «крепостных рвов», дополняя систему безопасности. А территории по периметру объекта могут быть превращены в общественные пространства — например, в скверы и спортплощадки.

Дополнительные ссылки

Кейсы по планированию безопасности объекта — <http://www.wbdg.org/resources/site-security-design-case-study>.

Виды зданий

Склад боеприпасов и взрывчатых веществ — <http://www.wbdg.org/building-types/ammunition-explosive-magazines>;
архивы и здания хранилищ — <http://www.wbdg.org/building-types/archives-record-storage-building>;
авиация — <http://www.wbdg.org/building-types/aviation-facilities>;
коммунальные службы — <http://www.wbdg.org/building-types/community-services>;

образовательные учреждения — <http://www.wbdg.org/building-types/educational-facilities>;
зал суда — <http://www.wbdg.org/building-types/federal-courthouse-1>;
объекты здравоохранения — <http://www.wbdg.org/building-types/health-care-facilities>;
контрольно-пропускной порт на границе — <http://www.wbdg.org/building-types/land-port-entry-1>;
офисное здание — <http://www.wbdg.org/building-types/office-building>;
места для стоянки — <http://www.wbdg.org/building-types/parking-facilities>.

Виды пространств

Открытая/закрытая автостоянка — <http://www.wbdg.org/space-types/parking-outside-structured>;
наземная автостоянка — <http://www.wbdg.org/space-types/parking-surface>;
подземная автостоянка — <http://www.wbdg.org/space-types/parking-basement>;
торговая площадка — <http://www.wbdg.org/space-types/plaza>;
дебаркадер — <http://www.wbdg.org/space-types/loading-dock>;
офис — <http://www.wbdg.org/space-types/office>.

Проектные параметры

Доступность — равные возможности и гибкость — <http://www.wbdg.org/design-objectives/accessible/provide-equal-access-flexibility>;
функциональность — эксплуатация — <http://www.wbdg.org/design-objectives/functional-operational>;
защита исторического наследия — доступ к историческим зданиям — <http://www.wbdg.org/design-objectives/historic-preservation/provide-accessibility-historic-buildings>;
надежность и безопасность — <http://www.wbdg.org/design-objectives/secure-safe>;
устойчивое развитие — безопасность для пользователей здания и хранящихся в нем ценностей — <http://www.wbdg.org/design-objectives/secure-safe/security-building-occupants-assets>;
устойчивое развитие — оптимальная реализация потенциала объекта — <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/optimize-site-potential>;
устойчивое развитие — охрана источников и экономия водных ресурсов — <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/protect- conserve-water>;
устойчивое развитие — оптимизация застройки и использования материалов — <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/optimize-building-space-material-use>;
устойчивое развитие — повышение качества среды в помещении — <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/enhance-indoor-environmental-quality>;

устойчивое развитие — оптимизация эксплуатации и технического обслуживания — <http://www.wbdg.org/design-objectives/sustainable/optimize-operational-maintenance-practices>.

Публикации

Facility Security Level Determinations for Federal Facilities. An Interagency Security Committee Standard. For Official Use Only.

Federal Facility Security Committee Standard. An Interagency Security Committee Document. For Official Use Only.

Physical Security Criteria for Federal Facilities. An Interagency Security Committee Standard. For Office Use Only.

The Design-Basis Threat (U). An Interagency Security Committee Report. For Official Use Only.

National Infrastructure Protection Plan by Department of Homeland Security. 2006.

Perimeter Security for Historic Buildings by General Services Administration. 2003.

U.S. Courts Design Guide by Judicial Conference of the United States. December 1997 — <http://www.wbdg.org/ffc/gsa/criteria/us-courts-design-guide>.

U.S. Land Port of Entry Design Guide by General Services Administration and Department of Homeland Security. March 2006. For Official Use Only.

Vulnerability Assessment of Federal Facilities by Department of Justice. June 1995. For Official Use Only.

проектирова- ние безопасных городов

Ключевые элементы город- ского планирования

Проектирование безопасных для пешеходов и велосипедистов городов подразумевает не только расширение улиц. Городское планирование играет большую роль в создании безопасной среды передвижения. Города могут мотивировать жителей чаще пользоваться общественным транспортом, больше ходить пешком, ездить на велосипедах — и создавать условия для меньшего пользования автомобилями.

Безопасное городское планирование способствует снижению скорости автотранспорта и создает удобную и легко понятную систему дорог для пешеходов. Чем быстрее едет водитель, тем сложнее ему избежать столкновения с пешеходом. В протяженных районах автомобили движутся с большой скоростью, благодаря расстояниям водители могут разогнаться, и тогда торможение требует большего времени. Разбивка района на меньшие кварталы и сужение проезжей части приводят к снижению скорости, делают жизнь пешеходов удобнее, значительно снижают количество несчастных случаев и гибели среди пешеходов. Исследования показывают, что выделение небольших кварталов со стандартными перекрестками может привести и к увеличению аварий, но и в этом случае сужение проезжей части снижает риск смертельного исхода и получения травм (Дамбо и Рэй, 2009).

Взаимосвязанность, проницаемость системы улиц, которая измеряется направлением движения пешеходов и автотранспорта, — ключевой элемент проектирования городской инфраструктуры. В случае удачного проекта пешеходы и велосипедисты следуют прямым маршрутом, который невозможен, если сеть улиц разобщена, есть тупиковая застройка или закрытый для движения торговый квартал. Подобные неудобства могут отбить желание идти пешком или ехать на велосипеде.

В статье рассмотрены ключевые элементы градостроения, повышающие безопасность движения в городе, особенно при использовании совокупно, а именно: размер кварталов; связность и ширина улиц; доступ к объектам; плотность населения.

планирование безопасности пешеходов и велосипедистов

Городское планирование может стимулировать развитие безопасного дорожного движения для всех участников, где в приоритете будут общественный транспорт, пешеходы и велосипедисты.

Генеральный или перспективный планы

При благоустройстве городов принципы, определенные в настоящей главе, могут учитываться в генеральных планах и правилах зонирования. Также предлагаем к рассмотрению четкие и предсказуемые стандарты безопасности общественных пространств.

Территориальные планы

Городские власти могут подготовить локальные планы развития территорий, в рамках которых будет производиться проектирование уличной сети и разработка инфраструктуры определенных районов: привокзальных зон, зон застройки и других новых или старых территорий.

Транспортные планы и планы городской мобильности

Общегородские транспортные планы или планы мобильности могут принять во внимание нужды всех участников движения, поставив задачу обеспечить безопасность водителей, велосипедистов, пешеходов и общественного транспорта (Американская ассоциация планирования, 2006). Транспортный план также может быть посвящен одному приоритетному транспорту. Мы знаем примеры создания в городах собственных велосипедных или пешеходных планов. В них может быть указана иерархия участников дорожного движения и размечены существующие и будущие велосипедные и пешеходные сети, пролегающие по улицам и магистралям микрорайонов, через парки и внеуличные дорожки, вдоль железнодорожных коридоров и набережных, по бульварам, транс-

портным и пешеходным улицам и через другие общественные места, которые можно связать между собой в сообщающуюся сеть прямого и безопасного движения.

Стратегический план безопасности дорожного движения

Городские власти могут разрабатывать специальные планы, ориентированные на безопасность дорожного движения, используя комплексный подход: совместную работу проектировщиков и участников дорожного движения с целью повысить безопасность. Такие планы могут ставить амбициозные цели, например снижение количества ДТП со смертельным исходом и нанесением увечий. Так в Копенгагене есть собственный городской «План безопасности дорожного движения», а Нью-Йорк недавно выпустил свой «План действий: идеология нулевой смертности» (Vision Zero Action Plan)

руководства по проектированию улиц

Многие города создают собственные пешеходные и велосипедные планы с руководствами по проектированию улиц в местном контексте. Такое руководство содержит обзор инструментов, которые городские власти могут использовать для проектирования безопасного города. Возможно также создать собственное уникальное руководство, учитывающее проблемы, нужды, возможности и сильные стороны отдельно взятого города. Список примеров включает в себя «Руководство по проектированию улиц и градостроительству Абу-Даби» и «Руководство по проектированию улиц Нью-Йорка», каждое из которых предоставляет детальную информацию по городу — от типовых проектов тротуаров и методов замедления движения транспорта до велосипедных дорожек и уличного освещения.

Размер квартала

Протяженные кварталы небезопасны для пешеходов. Здесь пешеходные переходы чаще всего обустроены на перекрестках, большое расстояние между которыми не напрямую, но провоцирует людей пересекать дорогу в неположенных местах с опасностью для жизни. В длинных кварталах легче развить высокую скорость ввиду отсутствия перекрестков и препятствий для безостановочного проезда. Чем больше разви-

лок, тем больше мест, где машины должны будут затормозить, а пешеходы смогут перейти дорогу.

Принципы проектирования

Длина квартала, которая позволит повысить уровень удобства перемещения пешком, должна быть 75–150 метров. Если кварталы рассчитаны на автомобильное движение (200–250 метров) или протяженны (длинной 800 метров и более), рекомендовано через каждые 100–150 метров устраивать пешеходные переходы и проходы, обеспечив их светофорами, «лежачими полицейскими» или подняв их над проезжей частью.

Преимущества небольших кварталов

Здесь легко следовать правилу пешеходного перехода в шаговой доступности и нет нужды в устройстве дополнительных переходов. Необходимость чаще останавливаться на перекрестках замедляет скорость транспортных средств. Компактное пространство позволяет сократить расстояние от дома до места работы, служб и мест развлечений, обеспечивая сеть проулков, переулков и проходов в любом направлении, что позволяет чаще выбирать прогулку или велосипед в качестве средства передвижения и снижает зависимость от личного автомобиля.

Внедрение

Можно добавить улицы, что сократит длину квартала. А в больших кварталах стоит рассмотреть возможность добавления проходов и переходов для пешеходов/велосипедистов. Также нужно позаботиться о проектировании более безопасных крестообразных и Т-образных перекрестков, чтобы свести к минимуму конфликты: крестообразные перекрестки чаще становятся местом аварий. Для новых зон застройки рекомендовано сразу предусмотреть небольшой размер кварталов. Градостроительные кодексы могут изначально требовать проектировать небольшие кварталы и предусматривать иерархию улиц.

Факты

Пример Китая показывает, что протяженные кварталы типичной городской застройки (суперблоки) провоцируют пешеходов на пересечение магистральной дороги посреди квартала, а это высокий риск смертельного исхода в случае ДТП (Тао, Мендиратта, Дикин, 2010). Данные из Гвадалахары, Мексика, обнаруживают зависимость между расстоянием до ближайшего перекрестка и числом аварий на перекрестках с травмами или смертельным исходом (Дудута, Линдау, Адриазола-Стэйл, 2013). Исследования показывают, что небольшие кварталы (не учитывая дру-

гие элементы проектирования) могут увеличить число аварий, но аварии реже заканчиваются травмами или смертью благодаря низким скоростям (Дамбо и Рэй, 2009). А небольшие кварталы в центре Шанхая обеспечивают более приспособленную для пешеходов уличную сеть в противоположность протяженным, в которых автомобили развивают высокую скорость, а пешеходы вынуждены чаще с опасностью для жизни пересекать дорогу в неположенных местах.

СВЯЗНОСТЬ

Под связностью понимается прямолинейность движения и плотность пересечений в сети улиц. В связной сети множество переулков между домами, часты перекрестки и минимальное количество тупиков. Чем выше связность сети, тем меньше расстояние между объектами и больше вариантов маршрута, что позволяет выбирать более прямые пути сообщения между точками назначения и создает более доступную среду (Институт транспортной политики Виктории, 2012). Это влияет на способы передвижения по городу и повышает привлекательность пешего и велосипедного способа передвижения.

Принципы проектирования

- Создать множественные переходы между домами для пешеходов и велосипедистов с помощью взаимосвязанной сети улиц.
- Проектировать новые микрорайоны с учетом передвижения пешеходов и велосипедистов перед тем, как утверждать дорожную сеть.
- Убедиться, что сеть пешеходных дорожек связана с магистральными улицами для облегчения передвижения на длинные дистанции (особенно важно для велосипедистов) и что немагистральные улицы тоже взаимосвязаны.
- Найти баланс между функциональностью застройки, рекомендованным скоростным режимом и ограниченностью доступа, особенно в жилых зонах.

Преимущества

- Плотная дорожно-уличная сеть поможет распределить транспортные потоки, а не сосредотачивать их на основных магистралях. Таким образом, интенсивность движения будет ниже и ее можно будет разрядить соответствующим образом.
- Хорошая связность улиц ведет к тому, что жители реже пользуются машинами, так как перемещаться по району становится проще и приятнее пешком.

- В связанной сети больше перекрестков, что упрощает путь в любую точку, позволяя выбрать более прямой маршрут (Фрумкин, Фрэнк, Джексон, 2004).

Внедрение

- Чем выше плотность и многофункциональность квартала, тем более связанными должны быть улицы.
- В районах с недостаточной связностью прямые пешеходные маршруты можно создать с помощью новых улиц или пешеходных дорожек.
- В идеальном случае планировка уличной сети должна обеспечивать высокий уровень связности и отдавать приоритет прямым пешеходным маршрутам, сокращая количество крестообразных перекрестков как источника конфликтных ситуаций на дороге. В планировках близких к идеальным этого эффекта можно достичь с помощью продуманного замедления движения транспорта и добавления объездов.

ФАКТЫ

Метаанализ показывает, что связность улиц — один из важнейших факторов при выборе между прогулкой пешком и поездкой на транспорте (Юинг и Серверо, 2010). Также отмечается, что на Т-образных и крестообразных перекрестках чаще происходят ДТП, но столкновения на них реже заканчиваются серьезными повреждениями и смертельными случаями. Соответствующие меры по замедлению движения могут устранить эту проблему, что приведет к более безопасной системе в целом (Дамбо и Рэй, 2010). Например, во многих районах Мехико организована связанная дорожно-уличная сеть, которая обеспечивает удобное и прямое передвижение по городу пешком.

ширина проезжей части

Под шириной улицы часто понимается ширина дорожного полотна, то есть расстояние от бордюра до бордюра с двух сторон улицы или, если бордюры отсутствуют, от одного до другого края асфальтированного полотна. Ширина дорожного полотна обуславливает длину пешеходного перехода и ширину проезжей части, доступной другим участникам движения, включая велосипедные дорожки, парковочные места или зоны зеленых насаждений. Помимо ширины проезжей части, принимается во внимание ширина пространства между зданиями, а также вся доступная для общего пользования улица, включая тротуары и другие области, недоступные для транспорта.

Принципы проектирования

- Сузить проезжую часть, приоритет отдать пешеходам.
- Обеспечить тротуары по обе стороны улицы там, где это возможно.
- Сделать ширину улицы достаточной для обеспечения работы зданий и территорий.
- Выделить минимальное пространство для всех участников движения.

Преимущества

- Суженные улицы сократят длину пешеходного перехода и снизят время нахождения пешехода в зоне действия машин.
- Узкие улицы замедляют движение транспорта, повышая внимательность водителей к возможным возникающим помехам, и снижают потенциальную степень тяжести столкновения.
- Парковочные места и высаженные по бокам улиц деревья визуально сужают улицу, что помогает снизить скорость проезжающего транспорта.

Внедрение

- Иерархия улиц может нормировать их ширину по градостроительному кодексу и должна быть готовой меняться для внедрения более безопасных проектов.
- Там, где за тротуары отвечают частные собственники, следует предпринять усилия по передаче им ответственности за содержание пешеходной части в соответствии с городским уставом, или же территории могут быть переданы городу.
- Расширение тротуара может сократить длину и время пешеходного перехода.
- Светофоры должны предоставлять пешеходам достаточно времени для пересечения дороги.
- Следует позаботиться о велосипедистах на более узких улицах.

Факты

Данные Мехико показывают, что как только длина пешеходного перехода увеличивается на 1 метр, частота ДТП с пешеходами вырастает до 3% (Дудута и др., 2015). Каждая дополнительная полоса (еще один параметр ширины улицы) также увеличивает количество ДТП разной степени тяжести (Дудута и др., 2015).

Наиболее значительной является зависимость количества ДТП от ширины и изгиба улицы. Как только улица становится шире, в разы увеличивается количество ДТП на милю в год. Наиболее безопасная ширина улицы в жилом районе составляет 7,5 метра (Свифт, Пэйнтер, Голдштейн, 1997).

доступ к объектам

Пешеходные объекты или интересные места — это локации, полезные или интересные людям, где сосредоточены рабочие места, магазины и развлечения. Между жилыми зонами, школами, торговыми центрами, автобусными остановками, вокзалами и рабочими местами просто необходима удобная взаимосвязанная система пеших дорог.

Принципы проектирования

- Проектировать микрорайоны так, чтобы маршруты городского транспорта, парки, школы, магазины и другие используемые объекты находились в пешей доступности с радиусом в 5 км.
- Проектировать с учетом безопасных пешеходных и велосипедных маршрутов к близлежащим объектам — школам, паркам и магазинам.
- Планировать плотность жилых зон для выстраивания местной инфраструктуры в пешей доступности (примерно 30 жилых домов на гектар площади).

Преимущества

- Функциональное разнообразие объектов в районе проживания и вокруг него способствует посещению людьми общественных мест рядом с домом, что экономит время и деньги.
- Многофункциональность оживляет городскую среду. Освещение, разнообразное использование зданий и городское планирование предотвращают преступления и способствуют развитию ночной жизни.
- Возникновение у жителей чувства вовлеченности и ответственности за общественную территорию (Толли, 2003).

Внедрение

- В центре города и в деловых районах автобусные и трамвайные остановки должны располагаться максимально близко к основным используемым объектам.
- Доступ к городскому транспорту, паркам и торговым узлам должен стать одной из целей городского плана развития.

Факты

Расползание городских границ — понятие, которое характеризует территории, ориентированные на автомобильное сообщение из-за значительных расстояний между объектами, — напрямую влияет на количество ДТП с участием пешеходов и летальным исходом, согласно

исследованию по 448 округам США в 101 городской агломерации (Юинг, Шибер, Зиджир, 2003). Метаанализ передвижений внутри городской среды показал, что количество километров в пути напрямую зависит от удобства досягаемости объекта. Таким образом, попытки увеличить доступность объекта могут снизить количество времени в пути и повысить уровень безопасности дорожного движения (Юинг и Серверо, 2010). К примеру, близкое расположение кафе, магазинов и общественных пространств в районе Койоакан, Мехико, стимулирует пешие прогулки и снижает необходимость использования транспорта.

плотность населения

Под плотностью населения понимается дневное и ночное население на квадратный километр или иную единицу площади. Плотность напрямую не связана с безопасностью, но в контексте планирования городов она играет важную роль. Размещая больше людей в пешей доступности от служб, общественных учреждений и транспорта, можно снизить необходимость в автомобиле.

Чем больше плотность населения, тем выше спрос на общественный транспорт и близкорасположенные функциональные объекты.

Принципы проектирования

- Сама по себе плотность населения — не показатель безопасности дорожного движения в городе. Проектирование стремится увеличить частоту пеших прогулок и использования велосипедов и снизить пользование автомобилем.
- Высокая плотность населения требует безопасного проектирования улиц, защищающего пешеходов и велосипедистов.
- Особого внимания заслуживают районы основных транспортных узлов и станций, особенно в радиусе 500 метров от остановок.

Преимущества

- Поддерживает и создает спрос на общественный транспорт, парки, магазины и службы.
- Высокая плотность населения создает меньше проблем, чем разрастание городских границ — если сравнивать дополнительную инфраструктуру, дороги и канализацию.
- Направлено на снижение необходимости пользования транспортом, поддерживает передвижение пешком и на велосипеде.

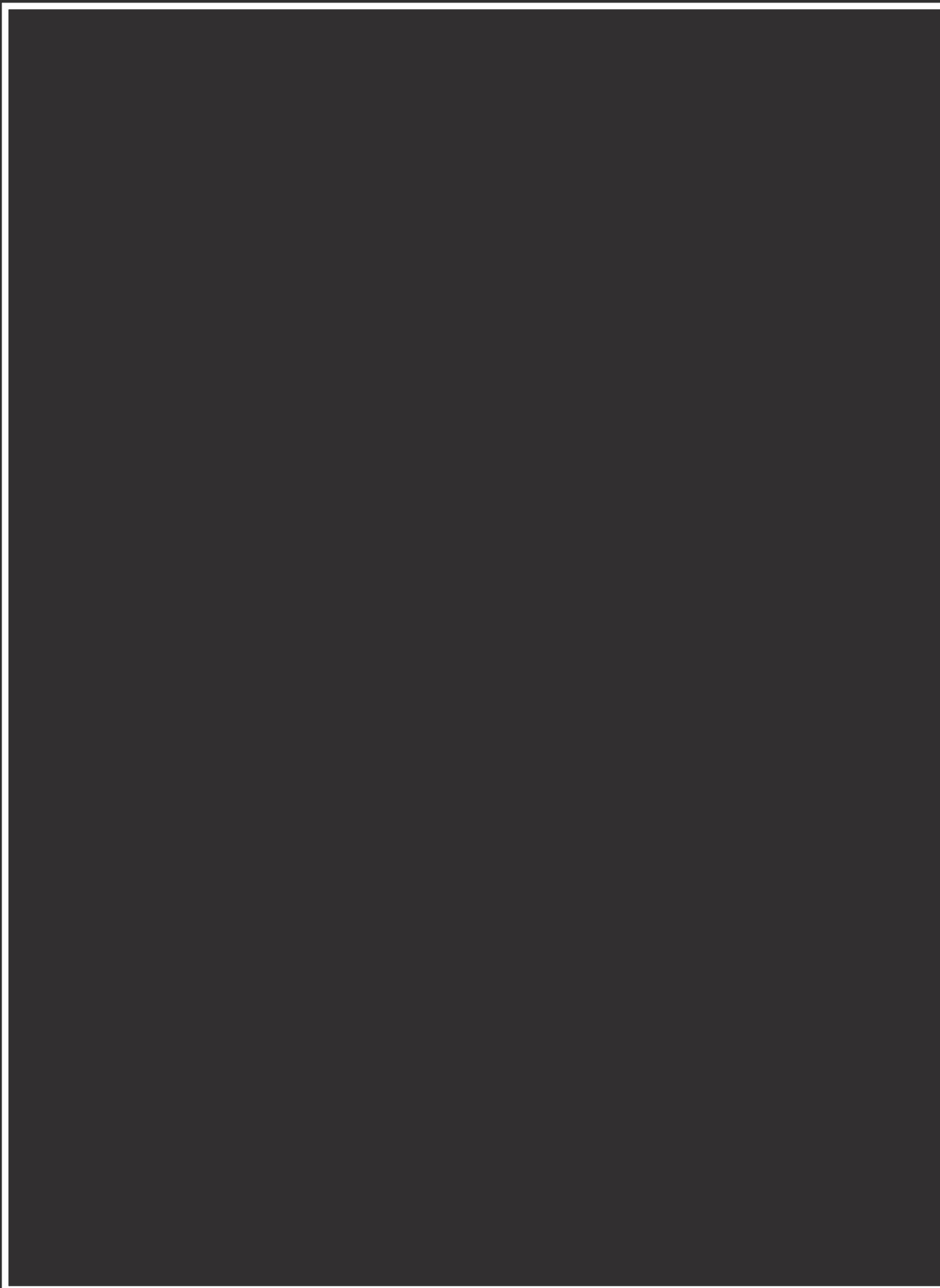
Внедрение

- Плотность населения следует учитывать в ряду факторов городской среды, таких как связность улиц, близость к объектам и многофункциональность использования. Сама по себе плотность населения создает небезопасные условия, если концентрация людей не дополняется мерами, снижающими скорость автомобилей и обеспечивающими безопасное передвижение пешком.
- Для удобной и безопасной среды при необходимой плотности населения в каждом микрорайоне могут понадобиться изменения в местных планах и регулирующих нормативах.

ФАКТЫ

Разрастание городской границы — понятие, которое используют для описания территорий без компактной городской структуры, напрямую связано с количеством ДТП с участием пешеходов и летальным исходом согласно исследованию по 448 округам США в 101 городской агломерации (Юинг, Шибер, Зиджир, 2003). Дамбо и Рэй (2009) обнаружили, что с повышением плотности населения на каждые 100 человек на квадратную милю на 6% уменьшалось количество аварий с травмами и на 5% — количество всех ДТП (контролировались пробег, связность улиц и использование территории). Метаанализ десяти независимых исследований показал, что высокая плотность населения увеличивает частоту передвижения пешком, ведет к росту использования общественного транспорта и снижает частоту пользования автомобилем (Юинг и Серверо, 2010).

В Токио в районе станции Сибуя вокруг железной дороги и массовых транспортных узлов возникла зона высокой плотности проживающего и работающего здесь населения, что привело к снижению пользования автотранспортом. Процент ДТП со смертельным исходом в Токио самый низкий в мире.

gemu

Эйлин Шекелл, Никола
Батлер, Фил Доул
и Дэвид Болл
Департамент детства,
семьи и школы
Департамент культуры,
СМИ и спорта

проектируя игру

Руководство
по созданию хороших
детских площадок

Игровые пространства, которые вдохновляют

Для создания вдохновляющих игровых пространств, которые понравятся детям, будут побуждать их к игре и соперничеству и смогут удовлетворить их потребности, нужно понимать детей, знать, как устроена игра, обладать техническими навыками и, прежде всего, уметь фантазировать.

10 принципов проектирования удобного игрового пространства

Хорошие игровые пространства:

- уникальны, предназначены для игры
- удобно расположены
- используют особенности естественной среды
- предлагают разнообразные возможности для игры
- доступны как для здоровых детей, так и для детей с ограниченными возможностями
- удовлетворяют потребностям местного сообщества
- позволяют детям разного возраста играть вместе
- предполагают некоторый уровень риска и соперничества в игре
- не наносят вред окружающей среде и легки в обслуживании
- предполагают возможность изменений и перестроек

Что такое игра

Попросите любого взрослого вспомнить его самые запоминающиеся игры. Чаще всего они происходили на открытом воздухе, нередко на природе, в компании друзей; захватывающие, коллективные, творческие события, часто — долгожданные. Спросите тех же взрослых, могут ли так же играть их дети сегодня, и молчание будет вам ответом. Но современным детям нужны столь же широкие возможности для игры, какие были у их родителей. Чтобы создавать пространства, в которых дети могут свободно играть и получать опыт, который потом будут вспоминать всю жизнь, необходим тщательно продуманный и творческий подход.

Заказчикам игровых площадок идеи, изложенные в этом руководстве, на первый взгляд, могут показаться необычными и, возможно, трудновыполнимыми. Однако как только они поймут и признают все возможные положительные следствия предлагаемого подхода для детей и местных сообществ и дадут волю воображению, то смогут мыслить, проектировать и формулировать заказ с большей творческой свободой.

По всей Великобритании детские площадки выглядят удивительно однотипно — часто на проект оказывают решающее влияние существующие форматы и стереотипы. Площадка, состоящая из базового оборудования, ограды и ударопоглощающего резинового покрытия, располагает к очень неразнообразным играм. Считается, что именно так должны выглядеть игровые площадки. Хотя британские дети часто с удовольствием играют на таких площадках, во многих регионах тем же самым детям больше некуда пойти, чтобы поиграть на улице и на природе, провести время на свежем воздухе, занимаясь «своими делами», — у них мало свободы в восприятии мира вне дома.

Необходимо сделать общественные пространства более дружелюбными к детям и подросткам. Однако из-за того, что в наши дни очень много факторов затрудняет детям доступ на улицу, особенно важно, чтобы собственно игровые площадки предлагали куда больше вариантов игры и задействовали большее количество сред, чем раньше. Именно поэтому британские специалисты все чаще обращаются к новым подходам в проектировании детских площадок, во многом вдохновленным примерами континентальной Европы, где можно увидеть нестандартные решения в планировке игровых пространств.

«Слава богу, мы все понимаем, что детей нельзя держать на одних куриных наггетсах и фруктовых леденцах. Точно так же их нельзя сажать на „игровую диету“ из пружинных качалок и каруселей... Если мы действительно хотим повысить качество игры, мы также должны обеспечить детям более естественную и творческую игровую среду, которая обостряет органы чувств и стимулирует воображение» (Паркард, 2007).

Главная цель при создании игровой площадки — предложить детям богатую игровую среду, где, по возможности, они также будут узнавать новое об окружающем мире.

«На хорошей игровой площадке ребенок может свободно двигаться и играть в активные игры. Пространство и объекты позволяют устраивать разнообразные укрепляющие и развивающие выносливость игры. Хорошие игровые площадки стимулируют все органы чувств: например, обеспечивая доступ к звукам и музыке или с помощью растений, источающих запахи.

Хорошая игровая площадка — место взаимодействия и общения, где ребенок может сам решать, играть одному или же с другими, с кем вести переговоры, сотрудничать, соревноваться и как разрешать конфликтные ситуации. Хорошие игровые площадки позволяют ребенку использовать в своих играх натуральные и искусственные материалы, инструменты и всевозможную мелкую всячину. На хорошей игровой площадке ребенок проверяет границы своих возможностей — он спотыкается и падает, играет и занимается спортом, взбирается и карабкается вверх» (Хьюз, 1996).

создание вдохновляющих мест для игр

Для создания естественных и интересных игровых пространств необходим проектно-ориентированный подход к формулированию технического задания; он основывается на 10 принципах, отраженных в одном золотом правиле: хорошая игровая площадка — самостоятельное пространство, спроектированное на специально выделенной для этого территории таким образом, чтобы наделить ее максимально возможной игровой ценностью. Соблюдение 10 принципов проектно-ориентированного подхода зависит от способности всех участников процесса продумать игровое пространство, куда дети будут приходить с удовольствием и раз за разом возвращаться туда в своих воспоминаниях.

Совершенствуйте окружающую среду

Хорошие игровые площадки вписываются в ландшафт и увеличивают ценность окружающей территории, дополняя обустроенные пространства и совершенствуя менее облагороженные районы. На ранних стадиях работы проектировщики должны изучить площадку, чтобы выявить элементы, которые можно будет встроить в проект. Источником вдохновения в таких случаях служит знание территории и местной истории.

«В разработке детских игровых площадок принципиальный не связанный с экономикой фактор — это *genius loci*, гений места. Иными словами, уже существующие качества и атмосфера места. Это может быть часть здания, колоритное дерево, старая статуя, какое-то событие из прошлого или что-то еще. Гений места — важная отправная

точка, которая может определить структуру новой площадки» (Нибелонг, 2002).

В сельской местности ценность игры может быть повышена за счет использования ее географических особенностей и распространенных там материалов. На игровой площадке Бальмаха в итоговый план были вписаны естественный холмистый рельеф, круглые гранитные булыжники и высокие травы и кустарник, произрастающий на этой территории.

Не менее важно для более привлекательного результата планировать площадку с учетом существующей городской среды. Хороший пример — скейт-парк на автобусной остановке Милтон Кейнс, который был специально спроектирован, чтобы вписаться в уличную обстановку. Скейт-парк построен из тщательно отобранных материалов, дополняющих городской ландшафт.

Выбирайте подходящее место

Хорошие площадки расположены там, где «дети и так стали бы играть» (Вевей, 2007), и вдали от опасных дорог, шума и грязи. Вы можете как угодно хорошо спроектировать площадку, но если она расположена неудобно, люди не захотят и не смогут туда приходить. Хотя детям зачастую нравится чувствовать себя вдали от опеки родителей, есть разница между приятной уединенностью и затерянностью.

Чрезвычайно успешны игровые площадки, расположенные вдоль естественных троп и оживленных общественных дорожек. Главная тропинка в садах Алленс используется посетителями в качестве основного пути в сторону парка, хотя само это место относительно скрыто жилым массивом. По обеим сторонам тропы густо высаженный кустарник и деревья делят сады на маленькие, почти секретные поляны. С одной стороны, есть ощущение, что там могут ходить люди, и нет чувства изолированности, но при этом все равно сохраняется возможность уединиться и спрятаться.

Стройте на природе

Многие исследования доказывают, что детям идет на пользу доступ к естественной среде (Лестер и Модсли, 2006). Поросшие зеленью холмы, травы, пни и булыжники делают площадку более привлекательной и приятной для игры, а растения привлекают птиц и других животных, которые в буквальном смысле оживляют пространство. В густонаселенных городских зонах, где почти или совсем нет зеленых пространств, такой подход помогает смягчить жесткий урбанистический пейзаж. В сельской местности такой подход тоже плодотворен, потому что и там дети могут иметь весьма ограниченный доступ к естественной природной среде и материалам.

Появление игровой площадки Чейплфилд между деревней и сельскохозяйственным районом превратило изначально плоский местный рельеф в приятное и доступное для игры пространство из насыпей,

канавок и полянок по мотивам археологической истории этих мест. Новый неровный ландшафт очень подходит для самых разных игр — дети могут исследовать место, карабкаться, играть в прятки и салки, то есть заниматься привычными для себя делами.

Стройте площадки для самых разных игр

На хорошей площадке дети и подростки разного возраста и интересов могут найти для себя разные занятия. Такие площадки — важные точки социализации не только для детей, но и для родителей и опекунов. Ведущую роль здесь играет идея недирективного игрового оборудования, которое дает детям свободу игры и стимулирует воображение и творческий подход.

На игровой площадке Трефьюзис несколько элементов игрового оборудования предназначены для привычных видов активных игр. В то же время они спроектированы и расположены так, чтобы создать недирективное пространство, в котором дети могут использовать их для самых разных игр — творческих, социальных и ролевых. Кроме того, были установлены элементы без определенной функции. Например, изогнутая бетонная структура, которая может быть и площадкой для катания на скейтборде, и скамьей, и даже поверхностью, по которой могут бегать маленькие дети.

Стройте площадки, доступные всем

На хороших игровых площадках с удовольствием играют вместе дети и подростки с ограниченными возможностями и здоровые. При этом важно понимать, что не все игровые элементы могут быть доступны для всех детей. В правильно спроектированных игровых пространствах разные дети могут играть вместе. При этом доступ на площадку должен быть также свободен и для родителей и опекунов с ограниченными возможностями.

Хотя многие производители фокусируются на оборудовании, которое доступно для людей на колясках, важно помнить, что существует множество разных видов инвалидности и особых потребностей. Недирективное оборудование, которое можно использовать разными способами, — например, качели-гнездо — подойдет детям с разными потребностями и возможностями.

На мемориальной игровой площадке Дианы, принцессы Уэльской, в Кенсингтонских садах в Лондоне здоровые дети и дети с ограниченными возможностями могут играть бок о бок друг с другом. Доступ на приподнятые над уровнем земли пешеходные дорожки с пандусами осуществляется по гладкой тропинке, которая также соединяет островки сыпучего покрытия (песок и древесная стружка). Песочные зоны доступны для людей на колясках с сопровождением. А в песке могут играть вместе дети с самыми разными потребностями и возможностями.

Стройте площадки, которые понравятся местным жителям

Чтобы построить игровую площадку, которая будет удовлетворять потребностям детей и сообществ, в которых они живут, почти всегда необходимо провести исследование будущей целевой аудитории. Опросите потенциальных пользователей и жителей соседних районов: пусть они расскажут, что их тревожит, чего они хотят и о чем мечтают. Успешное привлечение местного сообщества поможет создать пространство, которое нравится и нужно местным жителям.

В игровом лесу Катсайк в Западном Йоркшире заказчик спроектировал и построил игровую структуру, состоящую из шестиметровых столбов, платформы, горок и сеток, из которых можно выстроить «игровой лес». Высота самой высокой платформы, предназначенной для подъема, составляет 4 метра, тогда как в соответствии со стандартом максимально возможная высота опорных конструкций не должна превышать 3 метра. Кроме того, есть риск падения детей с платформы. По результатам анализа рисков было решено, что положительное влияние созданных условий на качество игрового опыта достаточно велико, а возможность падения довольно низкая, чтобы разрешить постройку платформы. Игровой лес был построен в тесном сотрудничестве с местными жителями, которые активно используют это место и очень гордятся, что в их маленькой деревне есть такая необычная и увлекательная игровая площадка.

Стройте площадки, где дети разных возрастов будут играть вместе

На хорошей игровой площадке нет разделения по возрасту и возможностям. Оборудование расставлено так, что его могут использовать разные дети, и в масштабах одной площадки даже могут сосуществовать разные схемы его использования в зависимости от дня или недели.

На игровой площадке Вайвис-стрит в лондонском боро Тауэр-Хамлетс шинными качелями пользуются все дети — и старшие подростки, и совсем маленькие дети в сопровождении взрослых. И даже песочница, которую делали с расчетом на маленьких детей, пользуется успехом у тех, кто постарше: им нравится сидеть по периметру с друзьями.

Стройте площадки, где дети могут проявлять себя

Детям и подросткам нужно испытывать себя на прочность и получать адреналин в своих играх.

«Чтобы научиться справляться с непростыми ситуациями, детям необходимо рисковать. Это неотъемлемая часть процесса взросления, и игра — один из важнейших способов развития этого жизненно важного навыка. Игровые ситуации — катание на велосипеде, подъем по сетке или раскачивание друг друга на качелях — предполагают риск. Важно не пытаться чрезмерно опекать детей и не огораживать их от всех потенциально опасных игровых ситуаций» (DCSF¹: 2008a).

В игровом лесу в парке аббатства Кумби клиент с подрядчиком разработали структуру из столбов и сетей на территории густого леса. Высота конструкций колебалась в диапазоне от 15 сантиметров до 3 метров, землю покрыли древесной стружкой. Эта конструкция вызывает восторг не только у детей и подростков разного возраста, но и у молодых взрослых людей.

Стройте экологичные и эффективные игровые площадки

Качественные площадки проектируют и строят с использованием экологичных и перерабатываемых материалов. Долговечность и экологическая безопасность — очень важные факторы, которые следует учитывать при проектировании, однако в первую очередь следует думать об игровой ценности пространства и удобстве для игры. Хорошие детские площадки строят в соответствии с принципами экологичности, но они не должны быть непременно чистыми. Всяческие веточки, травинки и опавшие листья могут вдохновлять на новые игры.

В Хоршем-парке в Хоршеме, Западный Сассекс, игровая площадка состоит из разных покрытий; значительная поверхность пространства засыпана песком и привлекает большое количество детей. На этой не слишком защищенной площадке песок довольно быстро расплзается за пределы игрового поля. Управляющий парка решил, что целесообразнее будет не убирать песок, а оставить его в новых пределах, потому что растущая площадь игры значительно повышает игровую ценность площадки.

Стройте площадки, которые будут расти и меняться вместе с детьми

Перемены и модернизация идут на пользу игровым площадкам. Это особенно важно, потому что дети быстро растут и меняются, а турники на площадках около дома остаются прежними. Если встроить в план «бесхозное пространство» — пространство без четко фиксированной функции, — то у площадки появится потенциал к изменению. Площадки, где у каждого угла и предмета есть четко обозначенная функция, бы-

¹ Department for Children, Schools and Families, Департамент детства, семьи и школы.

стро наскучивают детям, особенно когда те взрослеют, потому что не оставляют пространства для творчества.

На неогражденных детских площадках, таких как Дилкс-парк в Тарроке, формируется гибкая структура — это значит, что игровое поле может разрастаться почти без ограничений. Здесь оборудование встроено в лесную среду и не очень понятно, где площадка начинается и заканчивается. Такое место в гораздо большей степени вызывает желание изучать его, чем конвенциональная огороженная детская площадка.

Создать качественное пространство для игры может каждый, главное — суметь претворить воображаемое в реальность с учетом 10 планировочных принципов. Ключ к изменениям в руках тех, кто заказывает постройку площадок для местных властей и других организаций, и тех, кто управляет и организует работу в этих структурах.

The Value of Urban Design: A Research Project Commissioned by CABE and DETR to Examine the Value Added by Good Urban Design

Effective site security design. Whole building design Guide. National Institute of Building

Design for Play: A guide to creating successful play spaces

Cities Safer By Design Guidance and Examples to Promote Traffic Safety through Urban and Street Design

Global Public Space Toolkit From Global Principles to Local Policies and Practice. UN-habitat

Marcus, C. C., and C. Francis. People Places: Design Guidelines for Urban Open Space

Rob Krier. Urban space Typological and morphological elements

